

**СОВРЕМЕННАЯ
РУССКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ,
ЛЕКСИКОГРАФИЯ
И ЛИНГВОГЕОГРАФИЯ
2021**

**Санкт-Петербург
ИЛИ РАН
2021**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ,
ЛЕКСИКОГРАФИЯ И ЛИНГВОГЕОГРАФИЯ
2021**

**Санкт-Петербург
2021**

УДК 81'374

ББК 81.2Рус-4

С56

Редколлегия: канд. филол. наук *С.А. Ганичева*, докт. филол. наук *Е.Н. Ильина*, канд. филол. наук *М.Д. Королькова*, канд. филол. наук *О.Н. Крылова* (отв. ред.), член-корр. РАН, докт. филол. наук *С.А. Мызников*.

Рецензенты: канд. филол. наук *Е.Б. Кузьмина*, канд. филол. наук *Н.Г. Мельникова*.

С56 Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2021 / отв. ред. О.Н. Крылова / Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб.: ИЛИ РАН, 2021. – 196 с.

Сборник содержит статьи участников Всероссийской школы-семинара «Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография» (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, 6 ноября 2021 г.).

ISSN 2658-3763

DOI 10.30842/26583763

DOI 10.30842/265837632021 (вып. 2021)

© Коллектив авторов, 2021

© ИЛИ РАН, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Базаржапова А.Д. «История с историей»: особенности коммуникативного поведения слова в современном повседневном дискурсе	5
Базанов Е.Э. <i>Недо-</i> или <i>не до-</i> : толковый словарь в орфографических тисках	14
Бакланова И.В. Архивные материалы III: Мифологические тексты д. Будогощь как источник лексикографического материала	23
Военушкина Е.А. Роль визуального компонента в дискурсе бытовой несказочной прозы	36
Галимзянов И.Р. О способах фразеологизации устойчивых выражений, включающих имена собственные (на материале псковских говоров)	46
Денисенко Ю.Ф. Наименования объектов традиционной материальной культуры в Словаре русских народных говоров. Сезонная одежда: <i>холодай, холодёна, холодник</i>	55
Ду Сянь Междометные комплексы в русской народной речи	67
Дягилева И.Б. Из истории словарей иностранных слов XIX века: «Карманная книжка для любителей чтения русских книг, газет и журналов» И. Ре...ф...ца	74
Зюзькова Н.А. Отрицательно-оценочная диалектная лексика в интернет-коммуникации (на материале социальной сети ВКонтакте)	82
Козлова К.А. Антропонимы в народном календаре (на материале современных говоров Саратовской области)	90
Костина Е.Д. История словообразовательного гнезда с вершиной 'вкус'	99
Ложкина В.А. Освоение новейшего заимствования <i>post</i> ('сообщение в блоге, социальной сети')	108
Локалина Ю.С. #ОТСЛОВАСОВСЕМ: судьба одного хештега в интернет-коммуникации	118

Милюкова С.В. Лексико-семантическая характеристика синонимов «опять» и «снова» в этнолингвистическом аспекте.	125
Миронова Е.Б. Наименования нижеволжских водных растений	133
Пестова А.Р. Критерии постановки стилистических помет <i>разг.</i> и <i>прост.</i> в академических толковых словарях	141
Савушкина А.С. Бытовая лексика смоленских говоров в лингвогеографическом аспекте	150
Соколов Е.Г. Лексическая единица в историческом двуязычном корпусе: синтактика и семантика	160
Спиричева М.В. Лексика с протетическим согласным [v]([w]) в говоре Хиславичского района Смоленской области..	171
Шевченко Н.В. Живец и его названия в разных регионах России	177
Ягин Е.И. Отражение авторского восприятия внеязыковых реалий в лексическом значении слова (на примере очерка «Валаам» Б. Зайцева)	184
Сведения об авторах	193

Базаржапова Алтана Доржиевна
Санкт-Петербургский государственный университет

«История с историей»: особенности коммуникативного поведения слова в современном повседневном дискурсе

Объектом внимания в статье является периферийная зона лексико-грамматической характеристики русского слова *история*, в частности те его значения, которые не нашли отражения в академических словарях. Анализ корпусного материала показывает, что в словарях не зафиксированы такие употребления (*лавандовая/веревочная история, кануть в историю* и под.), которые представляются рефлексамии ряда процессов – ре- и десемантизации, а также идиоматизации, активно протекающих в устной речи, определяющих своеобразие коммуникативного поведения слова *история* в повседневном дискурсе и требующих специального внимания лингвистов и лексикографов.

Ключевые слова: лексико-грамматическая характеристика, ядро и периферия, ресемантизация, десемантизация, идиоматизация.

Значения многозначного слова, каким является в русском языке слово *история*, будучи зафиксированы в словарной статье, располагаются в строгой иерархии, образуя своеобразные «ядерную» и «периферийную» зоны лексико-грамматической характеристики слова [Богданова-Бегларян 2020]. Однако по такой словарной статье не всегда удастся корректно судить о том, как действительно данное слово функционирует в повседневной речи: существует явная и давно замеченная исследователями «несогласованность дефиниции того или иного слова и его реального употребления в речи рядового носителя языка» [Богданова 2012: 65]. Ср. также: «Жизнь слова в его реальном употреблении не всегда отражается и фиксируется словарями» [там же 2017: 7-8]. Лишь речевая лексикография (см. о ней

подробнее: [Осьмак 2015]) способна фиксировать все особенности коммуникативного поведения слова здесь и сейчас. Под *коммуникативным поведением слова* [Басалаева и др. 2000: 9] понимается совокупность семантических, грамматических, сочетаемостных, стилистических особенностей слова, в том числе реализующиеся в речи узуальные значения и возможности его окказиональных употреблений.

Специфика коммуникативного поведения слова *история* сосредоточена именно в периферийной зоне его семантики, поскольку эта зона является той ««благодатной почвой», на которой произрастают ростки нового в нашей речи» [Богданова-Бегларян 2000: 28]. Это «новое» в функционировании слова *история* было отмечено, например, в докладе Р.И. Розиной, которая обратила внимание на отсутствующее в самом новом словаре русской разговорной речи [ТСРРР 2014] прономинальное значение этого слова в контексте *Кинотеатр – это совсем другая история* [Розина 2020: 64].

Источником материала для анализа периферийных значений слова *история* послужили устный подкорпус (УП) Национального корпуса русского языка [<https://ruscorpora.ru>], корпус повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД) [Звуковой корпус... 2013; Русский язык... 2016], а также окружающая речь. Пользовательский подкорпус материала для исследования включает на данный момент 219 словоупотреблений в контекстах: 124 из УП (56,6 %), 83 из ОРД (37,9 %) и 12 из речевой практики (5,5 %).

В структуре лексико-грамматической характеристики слова *история*, представленного в МАСе как единица, имеющая 8 значений [МАС I: 691], можно выделить в качестве периферийной зоны значения 7-е ('рассказ, повествование') и 8-е (разг. 'происшествие, событие, случай'), поскольку в составе этих значений отсутствует такая сема, которая в описании первых шести значений выражена словами «процесс», «совокупность», «последовательное развитие». В периферийную зону входят также перечисленные в конце словарной статьи

устойчивые сочетания с этим словом (*история болезни, вечная история* и под.), а также его «несловарные» (не зафиксированные вовсе) значения. Анализ первых 100 вхождений слова *история* в УП показал, что доля контекстов, в которых реализуются периферийные значения исследуемого слова, составляет примерно половину материала (51 вхождение из 100), а «несловарные» употребления – 18%. Именно такие употребления этого слова стали объектом внимания в настоящем исследовании.

Материал, не нашедший отражения в академических словарях, оказался неоднороден, и его анализ позволил сделать ряд интересных наблюдений. Особенности коммуникативного поведения слова *история* выражаются в том, что эта единица претерпевает в повседневной речи различные по характеру семантические изменения. С одной стороны, она образует с другими словами устойчивые сочетания, которые находятся в процессе *идиоматизации* или уже образовали фразеологизмы. С другой стороны, слово *история* утрачивает в определенных контекстах свое словарное значение (*десемантизация*) или приобретает новое (*ресемантизация*).

Ресемантизация слова *история* осуществляется двумя путями. Во-первых, это слово начинает обозначать некий неопределенный предмет (= *вещь, штука*), ср.:

1) *Овощи – это такая история, которую можно подать в любом виде* (из теле-шоу);

2) *Там такая замечательная лавандовая история: лавандовое вино, лавандовое пиво <...>* (из теле-шоу);

3) *то есть мы доезжали туда до Иматры\$ / оттуда доезжали до Лаппеэнранты\$ // *П и потом обратно / или например до Лаппеэнранты\$ доезжали / потом до Иматры\$ <...> # блин / ну а / то есть где вот эта верёвочная история туда вы ?* (ОРД)¹.

¹ Знак \$ в расшифровках ОРД означает общеизвестное название (фильма, фирмы, места и пр.), знак # – меню говорящих. Знак *В в следующем

Второй путь ресемантизации также предполагает, что слово *история*, утрачивая свое значение, указывает на некий предмет, известный собеседникам, ср.:

4) *его сваривать нельзя / и совсем / потому что аргоновая сварка / это / а это может быть по принципу соединяться / знаешь // как соединяются / допустим ... вот у тебя / есть ... гардероб // там же специальные соединительные конструкции // *В которые выдерживают эту **историю** (ОРД) (история здесь указывает на определенную часть конструкции шкафа, декорации);*

5) *ну по четырём углам сцены // да так / чтобы было видно / что висят эти **истории** # то есть не так // ну вот диски повесили (ОРД) (под историями подразумеваются диски);*

6) *мы теперь говорим / если ты не собираешься вешать сюда эту **историю** / этой картины (ОРД).*

Десемантизации слова *история* происходит, когда эта единица становится частью устойчивых конструкций. Например, в сочетаниях с прилагательным, в которых слово *история* может быть извлечено из контекста без изменения смысла. В таких случаях возможна замена сочетания на слово/единицу-идентификатор, обычно со значением оценки происходящего, ср.:

7) *Если много так сделать / то потом всем вокруг будет плохо. Потому это не очень хорошая **история**. В жизни травмы есть. Без травм невозможно (УП) (=*это не очень хорошо);*

8) *вообще вз... () такая () сл... сложная **история** у меня с этим здоровьем (ОРД) (=*сложно у меня с ...);*

9) *и когда они говорят / что типа (...) (э-э) это нормальная **история** / когда между собой сидят и обсуждают / и говорят / что вот наша Катя% смотрела на (...) Кожохина% как на мужчину (ОРД) (=*это нормально, когда ...).*

Второй тип конструкций, в которых слово *история* десемантируется, лежит в основе сложноподчиненных

контексте (4) – шумный вдох. О других особенностях орфографического представления материала ОРД см.: [Русский язык... 2016].

предложений с местоименно-соотносительной связью: *Это история (не) про то, что / как; такая(-ие) история(-ии), когда*. В главной части этих предложений слово *история* выполняет роль соотносительного местоименного слова и может быть на него заменено, ср.:

10) *И часто бывают такие **истории** / когда в департаменте тридцать один человек работает (УП) (= *И часто бывает так, что ...);*

11) *То есть вот **история** про то/ что/ действительно/ не только на красивых вот дорожках Калифорнии <...> но и вполне себе и на наших заснеженных трассах <...> вдруг появятся машины/ в которых руль будет крутиться сам (УП) (= *Это про то, что ...).*

Привлекает внимание и еще один тип устойчивых сочетаний с десемантизированным словом *история*: *история о чем-, ком-л., история с чем-, кем-л., история чего-л.*, ср.:

12) *А когда речь шла о той же **истории** / об искусстве / ведь / вероятно / вас тоже как-то тянуло к этому миру? (УП);*

13) *Это вот опять же вот эта **история** с этими бывшими студентами / которые приходят и идут... выходят из вуза и идут на биржу (УП);*

14) *Олимпиада – это две **истории** / две параллельных **истории**. Аа одна/ это **история** самоотверженного героизма наших спортсменов. <...> Аа вторая **история** / это **история** административной и политической безответственности наших околоспортивных чиновников (УП).*

В примерах (12)–(14) употребление говорящими слова *история* ничем не мотивировано. Этот вопрос пока остается открытым, как и в целом вопросы о причинах столь многочисленных семантических изменений слова *история*, а также о том, насколько новы эти процессы.

Кроме случаев ре- и десемантизации, в словарях не зафиксированы и рефлексии другого процесса – *идиоматизации*. Фразеологический материал пользовательского подкорпуса можно

поделить на две группы. Первую группу составили модифицированные словарные фразеологические единицы (ФЕ), ср.:

15) *Кануть в историю* – ‘бесследно исчезнуть, быть забытым’ (вариант фразеологизма *кануть в Лету*) [Федоров 2008: 285];

16) *Рассказывать истории* – ‘говорить неправду, небылицы’, ‘выдумывать’ (= **рассказывать сказки / басни*) [там же: 568];

17) *Вот и вся история* – ‘на этом и конец’ (= **Вот и все*) [там же: 94].

Как компонент фразеологизма слово *история* соотносится не только со словами *сказки и басни* (16), но и со словом *песня*: фразеологизм *длинная / долгая история* стоит считать вариантом словарной ФЕ *длинная / долгая песня* в одном из значений – как отказ в ответ на просьбу рассказать о чем-л., потому что предполагается длинный рассказ о некотором событии [Телия 2006]. Сама же ФЕ *длинная история* в этом значении дана только в БТС, в статье на слово *длинный* [БТС 2000: 263]. Кроме того, эти два слова входят в состав фразеологизмов со сходным значением, ср.: «*Все та же (эта же) песня. Разг. Пренебр.* То, о чем часто говорится, повторяется, что давно известно» (здесь и далее в цитатах курсив автора. – А. Б.) [Федоров 2008: 466] и «*<Одна> и та же история. Разг. Экспрес.* О том, что постоянно и надоедливо повторяется» [там же: 279].

Вторую группу отмеченных ФЕ составляют совсем новые единицы типа *это не моя история* – о ком-, чем-л., кто / что не подходит говорящему по какому-л. признаку, ср.:

18) *Ну то есть весь Страхов% конечно не моя история абсолютно* (ОРД).

Так же как и в рамках ре- и десемантизации, многие вопросы идиоматизации слова *история* остаются пока нерешенными: почему некоторые ФЕ, будучи вариантами словарных единиц, не зафиксированы в словарях? когда возникли новые ФЕ и новые значения? есть ли связь между частотностью

«несловарных» реализаций слова *история* и возрастом, полом, профессией говорящего?

Проведенный анализ позволил не только получить ряд интересных наблюдений, но и наметить перспективы исследования в избранном направлении данной единицы: в частности, расширение круга источников (например, за счет газетного подкорпуса НКРЯ, а также материалов основного подкорпуса – для решения хронологических задач) или установление корреляций между новыми употреблениями и характеристиками говорящего или типом речи. Конечной целью этого исследования может стать проект новой словарной статьи на слово *история*, созданный в рамках речевой лексикографии.

Литература

Басалаева Е.Г., Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Стилистическая квалификация разговорной лексики в Базе данных прагматически маркированной лексики русского языка // Повседневная речь как объект лексикографии (Тринадцатые Шмелевские чтения). Тезисы докладов междунар. конф. М.: ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, 2020. С. 9-10.

Богданова Л.И. Когнитивная информация для толковых словарей // Вестник Московского ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012, № 2. С. 65-70.

Богданова Л.И. Слово в речи и в словаре // Слово и словарь = *Vocabulum et vocabularium*. Сб. научных материалов / Гл. ред. И.Л. Копылов. Минск: Четыре четверти. 2017. С. 7-12.

Богданова-Бегларян Н.В. Ядро и периферия лексикограмматической характеристики русского слова: о судьбе периферийных единиц // Мир русского слова. № 2. 2020. С. 23-31.

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с. – БТС.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание

/ Отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 16.10.2021).

Осьмак Н.А. Основные принципы речевой лексикографии // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XI Международной научной конференции (Владимир, 29 сентября – 1 октября 2015 года). Владимир: Транзит-ИКС, 2015. С. 379-383.

Розина Р.И. Крохотки: о том, чего нет в «Толковом словаре русской разговорной речи» // Повседневная речь как объект лексикографии (Тринадцатые Шмелевские чтения). Тезисы докладов междуна. конф. М.: ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, 2020. С. 63-64.

Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / под ред. Н.В. Богдановой-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.

Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 1. А – Й / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. 702 с. – МАС.

Телия В.Н. (ред). Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary/index.htm> (дата обращения: 16.10.2021).

Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1: А – Й / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Изд. Дом ЯСК, 2014. 775 с. – ТСРРР.

Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.

Bazarzhapova A.D. «Istoria s Istoriej» («the Story Adventure»): the Features of the Communicative Behavior of the Word in Modern Everyday Discourse

The object of attention in the article is the peripheral zone of the

lexical and grammatical characteristics of the Russian word *istoria*, in particular those meanings that have not been reflected in academic dictionaries. An analysis of the corpus material shows that the dictionaries do not contain such uses of the word *istoria* (*lavandovaya/ver'ovochnaya istoria, kanut' v istoriju*, etc.), which appear to be reflexes of a number of processes – re- and desemantization, as well as idiomatization, actively proceeding in oral speech, which determine the originality of the communicative behavior of the word *istoria* in everyday discourse and requiring special attention of linguists and lexicographers.

Keywords: lexical and grammatical characteristic, core and periphery, resemantisation, desemantisation, idiomatisation.

Базаров Евгений Эрдэмович

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Недо- или не до-: толковый словарь в орфографических тисках

В статье рассматривается несоответствие между сводом правил русской орфографии и орфографическими словарями, с одной стороны, и материалом толковых словарей и узусом – с другой. На примере правила слитного/раздельного написания с отрицанием *не* глаголов, начинающихся на *до-*, показывается, как безвариантная орфографическая норма может влиять на работу составителей академического толкового словаря среднего объема.

Ключевые слова: лексикография, орфография, толковый словарь, орфографический словарь, слитное или раздельное написание, написание с отрицанием.

В настоящее время в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН ведется работа над «Академическим толковым словарем русского языка» (АТос), который относится к типу словарей среднего объема. За основу АТоса взят «Словарь русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (1981–1984) (МАС); в 2016 г. вышло два первых тома АТоса, охвативших алфавитный отрезок А–Г.

В словарях среднего (как, впрочем, и большого) объема в словарных статьях широко представлены цитаты из письменных текстов (прежде всего – из произведений художественной литературы), которые позволяют проиллюстрировать разные грамматические формы слова, его возможные лексико-синтаксические связи и некоторые особенности употребления. Источником цитат для АТоса в первую очередь служит Национальный корпус русского языка [НКРЯ]. Разумеется, при работе с текстовыми примерами составители академического

толкового словаря оценивают цитатный материал не только с содержательной, но и с формальной точки зрения.

Как известно, свод правил русской орфографии и академические орфографические словари русского языка, фиксирующие современную орфографическую норму, должны служить основой при написании учебников, справочных пособий, словарей и т. п. Несомненно, материал академического толкового словаря должен соответствовать правилам русской орфографии (это касается как нормативного написания заголовочного слова и его грамматических форм, так и оформления цитат). Однако в некоторых случаях составителям бывает трудно приводить материал словаря в соответствие с орфографической нормой.

Одна из подобных, непростых орфограмм – слитное/раздельное написание *не* с глаголами, начинающимися на *до-*. В полном академическом справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации» [ПАС] под ред. В.В. Лопатина указывается, что вне зависимости от грамматической принадлежности слова отрицание **не** пишется слитно:

«В составе приставок *недо-* и *небез-* (*небес-*):

недо- со значением **неполноты, недостаточности** (здесь и далее выделение наше. – Е.Б.) по сравнению с **нормой**, напр.: *недовес, недоделка, недомерок, недооценка, недочёт; недоспелый, недоразвитый; невыполнить, недодать, недоедать, недополучить, недосказать, недосмотреть, недосолить, недоспать, недосчитаться;*

Примечание. От глаголов с приставкой *недо-* следует отличать глаголы с приставкой *до-* и предшествующей частицей *не* (такие глаголы с частицей *не* обозначают **не доведенное до конца действие**). Ср.: *Недосмотрел за ребёнком* и *Не досмотрел до конца пьесу; Они хронически недоедают* и *Он обычно не доедает свою порцию*» [ПАС: 134].

При подготовке 3-го тома АТоса составители обратили внимание на то, что в МАСе, как, впрочем, и в других толковых словарях (например, БАС-3, БТС под ред. С.А. Кузнецова), приводятся примеры употребления глаголов на *до-* с отрицанием,

написание в которых не соответствует рекомендациям ПАСа и академическим орфографическим словарям.

В МАСе глагол *долечить* в значении ‘закончить, довести до конца лечение кого-, чего-л.’ иллюстрируется следующей цитатой: «*Разбитую свою ногу он не долечил и – мог с трудом передвигаться лишь при помощи костылей.* А. Новиков-Прибой. Цусима» [МАС I: 423]. Как видно, в примере из МАСа (кстати говоря, этот же пример содержится в [БАС-3 V: 234]) глагол *долечить* с отрицанием *не* написан отдельно. При этом в РОСе дается следующая рекомендация: «**недолечить(ся)**, -ечу́(сь), -éчит(ся) (*пролечить(ся) меньше нужного или возможного*)» [РОС: 394]. Очевидно, в цитате из Новикова-Прибоя глагол с отрицанием, по РОСу, должен был бы писаться слитно.

В МАСе, в статье *доносить*, одно из значений глагола иллюстрируется отрицательным предложением, где *не* пишется отдельно с глаголом:

«**ДОНОСИТЬ**¹... 3. Родить по истечении нормального срока беременности. – *У меня – двое [детей] было. Один, двухлетний, сварился кипятком, другого – не доносила, мертвый родился.* М. Горький, Мать» [МАС I: 429].

Этот же пример с аналогичным, отдельным написанием встречается в [БАС-3 V: 267], в БТС обнаруживаем речение: *Женщина родила до срока, не доносила ребёнка* [БТС 2000: 275]. Однако РОС дает вполне однозначную рекомендацию: «**недоносить**, -ошу́, -óсит (*родить раньше срока*)» [РОС: 394]. Как видно, написание, зафиксированное толковыми словарями, не соответствует орфографической норме.

Разумеется, можно было бы предложить составителям АТоса при работе над материалом МАСа последовательно исключать из словаря подобные приведенным выше примеры, в которых, вопреки нормативному, слитному написанию, глаголы пишутся отдельно с *не*, и заменять их на утвердительные предложения (типа *Он долечил свою больную ногу и Несмотря на проблемы со здоровьем, она смогла доносить ребенка*), однако это не является панацеей и не поможет решить проблему,

например, в тех случаях, когда слово в данном значении употребляется преимущественно (или всегда) с отрицанием. В МАСе и АТоСе такая особенность употребления обозначается специальным примечанием (*с отрицанием «не»* или *обычно с отрицанием*), предваряющим толкование.

Так, в МАСе, в словарной статье *досмотреть*, указывается, что слово в одном из оттенков значения употребляется в отрицательных предложениях, в качестве иллюстрации дан пример с отдельным написанием:

«**ДОСМОТРЕТЬ...** 2. также за кем-чем и без доп. Последить за кем-, чем-л., ухаживая, заботясь и т. д. (разг.) ... || (*обычно с отрицанием*). Наблюдая, присматривая за кем-, чем-л., заметить, усмотреть. [Подточин:] Ты, вероятно, **не досмотрел**; господин Ягозин должен быть здесь; поди справься, — нет ли у молодого графа Григорович, Замшевые люди. [Кирилл Семеныч:] Меня и дома люди на каждом шагу обманывают: ничего не умею досмотреть! Писемский, Раздел» [МАС I: 435].

РОС же рекомендует глагол, употребленный в данном значении, писать слитно с *не*: «**недосмотреть**, -отрю, -отрит (*наблюдая, не заметить всего, не уберечь*), но: **не досмотреть** (*так и не досмотрел фильм*)» [РОС: 395].

При этом анализ НКРЯ показывает, что отдельное написание *не* с глаголом *досмотреть* в данном значении представлено в современных текстах в больших количествах. В АТоСе этот оттенок значения можно было бы проиллюстрировать следующими примерами из литературы XX–XXI вв.:

В нынешнем году, случилось, мы не досмотрели: выведенные утята преждевременно попали на холодную росу, подмочили пупки и погибли, кроме единственного. М. Пришвин. Пиковая дама.

Чтобы кто-нибудь во сне не свалился в костер, назначили дневальных, но они не досмотрели, и у меня сгорела подошва на одном сапоге. И. Анпилогов. Уроки армии и войны [НКРЯ].

Однако включение этих примеров, как и сохранение исходной цитаты из «Замшевых людей» Д. В. Григоровича, противоречит рекомендациям академического орфографического словаря. По этой причине составители АТоса будут вынуждены либо включить примеры только с утвердительными предложениями (едва ли такое употребление представлено сколько-нибудь большим количеством цитат), либо вовсе исключить рассматриваемый оттенок из словарной статьи.

Примечательно, что в МАСе, наряду со статьей *досмотреть* и примером с раздельным написанием глагола с *не*, есть также статья *недосмотреть*, в которой текстовые примеры соотносятся с рекомендациями орфографического словаря:

«**НЕДОСМОТРЕТЬ...** Наблюдая, присматривая за кем-, чем-л., не уберечь от кого-, чего-л.; недоглядеть. *Барыня вскакивает и приближается к самому лицу повара. – Сказывай! куда печенку девал? – Собака съела...* **Недосмотрел-с.** Салтыков-Щедрин, Пошехонская старина. – *И мне сочувствовать я не прошу – недосмотрела за собственной дочерью.* Катерли, Бронзовая прялка» [МАС II: 439].

Схожим образом в МАСе описан глагол *доглядеть*, синонимичный лексеме *досмотреть*. В статье *доглядеть* выделен оттенок значения ‘Наблюдая, присматривая за кем-, чем-л., заметить, углядеть’ с примечанием «*обычно с отрицанием*», в качестве иллюстрации приведена цитата: «– *Что ж ты – не видал [хозяина]? – Стало быть, не видал. – А тебе не наказывали – гляди?! – А я вот не доглядел.* М. Горький, Хозяин» [МАС I: 414].

При этом в словнике МАСа есть статья *недоглядеть*, в которой выделено два значения: ‘Не заметить, пропустить по невнимательности, оплошности’ (примеры: **Недоглядеть опечатку в тексте.** □ *Маленький кустик утонул в густой траве. Боже упаси недоглядеть, всадить в него косу!* Тендряков, Не ко двору) и ‘Наблюдая, присматривая за кем-, чем-л., не уберечь от кого-, чего-л.; недосмотреть’ (иллюстрируется речением **Недоглядеть за ребенком**) [МАС II: 435]. Судя по всему,

составители АТоСа со статьей *доглядеть* будут вынуждены поступить так же, как и со статьей *досмотреть*: включить лишь утвердительные предложения или полностью исключить оттенок, предусматривающий употребление с отрицанием.

В описанных выше случаях речь шла об исключении из толкового словаря – для приведения материала словаря в соответствие с нормами русской орфографии – отдельных текстовых примеров (*долечить, доносить*) или оттенков значения (*досмотреть, доглядеть*). Однако в случае с представленной в МАСе статьей *досчитаться* речь может идти об исключении из словника АТоСа целой словарной статьи. В МАСе данная статья описана лаконично:

«**ДОСЧИТА́ТЬСЯ**, -аюсь, -аешься; *сов., кого-чего (обычно в отрицательных оборотах)* (несов. досчитываться). Найти, обнаружить что-л. при подсчете» [МАС I: 439].

В АТоСе употребление этого глагола могло бы быть проиллюстрировано следующими примерами, в которых, как видно, *не* с глаголом пишется раздельно:

Четырех матросов не досчитался капитан Бернардито – они были смыты с палубы гребнем волны. Р. Штильмарк. Наследник из Калькутты.

– Госпожа Лоо, куда всё-таки делись те сто пятьдесят тысяч долларов, которых не досчитались при обыске вашего мужа? В. Левашов. Заговор патриота» [НКРЯ].

Однако в РОСе обнаруживаем рекомендацию: «**недосчита́ться**, -аюсь, -ается (*обнаружить при подсчете недостатку*)» [РОС: 396].

При этом в словнике МАСа имеется статья *недосчитаться* с соответствующим правилам орфографии слитным написанием:

«**НЕДОСЧИТА́ТЬСЯ**, -аюсь, -аешься; *сов. (несов. недосчитываться)*. Обнаружить недостаток, отсутствие кого-, чего-л. при счете, подсчете. *Крестьянин говорит: – Такого-то числа, Поутру, у меня двух кур недосчитались. И. Крылов, Крестьянин и Овца. Сначала недосчитались около сорока*

человек, но потом доползли несколько человек оставших и нераненых. Сергеев-Ценский, Лютая зима» [МАС II: 440].

Рассмотренный материал МАСа наводит на мысль, что составители сочли возможным включение в словарь как статей с регламентированным справочниками и словарями слитным написанием (*недосмотреть, недоглядеть, недосчитаться*), так и примеров, в которых встречалось (или подразумевалось – как в статье *досчитаться*) отклоняющееся от нормы раздельное написание *не* с глаголами на *до-* (*досмотреть, доглядеть*). Читатель мог бы упрекнуть автора настоящей статьи в том, что материал МАСа необоснованно сопоставляется с современным справочником 2006 года и орфографическим словарем 2013 года. Однако еще в «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 г. было указано, что *не* пишется слитно «в глагольной приставке *недо-*, обозначающей несоответствие требуемой норме, например: *недовыполнить* (выполнить ниже требуемой нормы), *недосмотреть* (недостаточно, плохо смотреть, упустить что-нибудь), *недосыпать* (спать меньше нормального)» [Правила 1956: 50], а в «Орфографическом словаре русского языка» 1963 г., изданном под грифом ИРЯ АН СССР, были зафиксированы слова *недоглядеть* и *недосчитаться* [ОСРЯ 1963: 460, 461]. Таким образом, можно сделать вывод, что на момент выхода в свет 2-го издания МАСа (1981–1984 гг.) уже были изданы источники, регламентировавшие безвариантное слитное написание глаголов на *недо-*, однако формально противоречащие орфографической норме примеры с раздельным написанием из МАСа выведены не были.

Описанный словарный материал показывает, с какими трудноразрешимыми вопросами, связанными, в частности, с орфографией, порой приходится сталкиваться составителям толкового словаря: при вполне однозначном орфографическом правиле в тексте уже изданных толковых словарей (МАС, БАС-3, БТС) и, судя по всему, в узусе наблюдается вариативность при написании глаголов на *до-* с отрицанием *не*. Рекомендации справочников и словарей, не предусматривающие орфогра-

фических вариантов, вынуждают составителей толкового словаря: 1) либо отсеивать огромное количество убедительных текстовых примеров (не только из современной, но и из **классической** литературы) только потому, что они не соответствуют орфографическому правилу, которое в некотором смысле систематически нарушается в узусе; 2) либо включать в словарь только утвердительные предложения, игнорируя при этом большое количество употреблений с отрицанием; 3) либо исключать из словника оттенки, значения и даже целые словарные статьи с не соответствующим рекомендациям словарей орфографическим оформлением, тем самым нарушая сложившиеся традиции толковой лексикографии.

Известно, что важным для академической орфографии является принцип безвариантной кодификации, однако, например, в статье И.В. Нечаевой, Н.В. Перцова «О вариативности в русской орфографии» говорится о целесообразности регламентированной вариативности в орфографии. Авторы статьи пишут: «Принципиальное неприятие орфографической вариантности, выражающееся в однозначных словарных кодификациях во всех, в том числе спорных, случаях и в императивных формулировках правил, представляется нам неплодотворным» [Нечаева, Перцов 2020: 33]. Возможно, в отношении слитного/раздельного написания глаголов на *до-* с отрицанием *не* можно было бы говорить о нормативной вариативности, в этом случае не было бы конфликта между орфографическим правилом и уже изданными толковыми словарями, а составители толковых словарей в будущем могли бы полноправно отражать встречающиеся в текстах классической и современной литературы орфографические варианты.

Литература

Нечаева И.В., Перцов Н.В. О вариативности в русской орфографии // Русский язык в научном освещении. № 1. 2020. С. 10–35.

Большой академический словарь русского языка. Т. 5. / Гл. ред. К.С. Горбачевич. СПб.: Наука, 2006. 695 с. – БАС-3.

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с. – БТС.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> – НКРЯ.

Орфографический словарь русского языка / под ред. С.Г. Бархударова, С.И. Ожегова и А.Б. Шапиро. 5-е изд. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963. 1040 с. – ОСРЯ.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В.В. Лопатина. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2018. 432 с. – ПАС.

Правила русской орфографии и пунктуации. М.: Учпедгиз, 1962. 176 с. – Правила 1956.

Русский орфографический словарь / под ред. В.В. Лопатина, О.Е. Ивановой. 4-е изд. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. 896 с. – РОС.

Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. М.: Русский язык, 1985. Т. 1. 696 с.; Т. 2. 1986. 736 с. – МАС.

Bazarov E.E. *Nedo-* or *ne do-*: explanatory dictionary in the grip of Russian orthography

The article examines the discrepancy between the set of rules for Russian orthography and orthographic dictionaries, on the one hand, and the material of explanatory dictionaries and usage, on the other. Using the example of the rule of fused / separate spelling with negation *ne* of verbs starting with *do-*, author shows how strict orthographic norm can affect the work of authors of an academic explanatory dictionary of the middle size.

Keywords: lexicography, orthography, explanatory dictionary, orthographic dictionary, fused or separate spelling, spelling with negation.

Бакланова Ирина Васильевна
Институт лингвистических исследований РАН

**Архивные материалы III: Мифологические тексты
д. Будогощь как источник лексикографического материала¹**

В статье внимание обращено к фольклорным текстам, опубликованным известным русским и советским ученым Владимиром Николаевичем Перетцем в статье «Деревня Будогоща и ея предания» в журнале «Живая старина» за 1894 год. Приводятся аргументы в пользу целесообразности использования фольклорных нарративов как одного из источников областных словарей. Предпринимается попытка анализа особенностей говора на разных уровнях языка, сопоставление выявленных языковых черт нарративов с архивными материалами довоенного времени.

Ключевые слова: архивные материалы, фольклорные нарративы, северо-западные говоры, Малая Будогощь, Большая Будогощь.

В статье, посвященной описанию говоров Ленинградской области [Бакланова 2020: 7], нами был выявлен ряд специфических особенностей говора Малой и Большой Будогощи. Согласно данным, говор рассматриваемых деревень имеет севернорусскую основу (ладого-тихвинская группа северо-западных говоров).

Архивные материалы, к сожалению, ограничены в своих объемах, а также по временному охвату языковых данных. Поэтому появление новых источников позволит расширить состав словаря и произвести на дополнительном материале анализ языковых единиц говора как в синхронии, так и в диахронии.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00415.

В данной статье внимание будет обращено к фольклорным текстам, опубликованным известным русским и советским ученым Владимиром Николаевичем Перетцем в статье «Деревня Будогоща и ее предания» в журнале «Живая старина» за 1894 год.

Хорошо известно, что язык произведений устного народного творчества имеет диалектную природу. Язык фольклорных текстов представляет собой сложное образование системного характера, в котором представлены и элементы диалектного языка, и местные особенности конкретных говоров, и общенародный язык в целом, причем не только в их современном состоянии [Оссовецкий 1975: 71].

«Принимая во внимание опыт жанровой лексикографической интерпретации фольклорного лексикона, следует отметить, что работа над сводным диалектным словарем, который включает в свой состав лексемы, зафиксированные в различных текстах фольклора, предполагает более широкий взгляд на некоторые аспекты как теории, так и словарной практики...» [Мызников 2018: 204].

Вопрос по поводу включения диалектной лексики, извлеченной из произведений устного народного творчества, в региональные словари остается дискуссионным. Однако о целесообразности использования произведений фольклора как одного из источников областных словарей свидетельствует опыт составителей региональных словарей [Баженова 2018: 10], сводного Словаря русских народных говоров [Мызников 2018: 211].

Рассматриваемые тексты о мифических существах и нечистой силе¹ были записаны со слов жителей Малой и Большой Будогощи. Вот образец одного из таких устных рассказов: *«Сиди вечером мужик в избы, и подъезжае тройка. Вылез барин, велит сготовить чаю, созвать посидку, да и*

¹ Мы не применяем жанрового определения рассматриваемых текстов в данной статье.

говорит хозяйину: «Стопи мни-ка байну, да найди человека, чтоб меня помыл да попарил, а я за всё сто рублей дам». – «Как за сто рублей не найти человека», говорит мужик, – «Да вот баба моя и вымоет те и попарит». «Ладно». Стопилась байна, барин пошел мыться, посидка разошлась. Ждет мужик за самоваром, что-то долго с байны нейдут. Ждал-пождал, да и спрашивает у кучера: «Что, мол, пора бы и из байны быть»? А тот ему: «Наш барин люби долго париться!» Пождал мужик еще: нет, нейдет ему. Пойду, думает, погляжу, что они там мешкают. Подходи к байны и гледи в окошко. И види: сиди барин на полку и с бабы кожу сымае. Он как закричит, да побежит за народом! Прибежали: баня отворена, на окошке сто рублей денег, на полку баба ободрана лежи, а барина нет. Побежали к избы: и кучера, и тройки как не бывало».

Выявим особенности говора, отраженные в фольклорных записях, на разных уровнях языка и сопоставим их с теми чертами говора, которые были выявлены нами ранее [Бакланова 2020: 7].

Фонетические черты

- оканье: *р[о]здѣл, р[о]здѣину* «роздину ево; на што ему хорошая одежа?- а мни-ка послужи. Роздил и пошол», *р[о]зл[о]мѣт* «а в подпольи пусть она розломат стенку».

- ёканье: *ноч[ѣ]вѣть* «пришел в деревню ночовѣть¹ мужик с медведем, велели в риге той ночовѣть», «они и говорят, милости просим ночовѣть»; *прин[ѣ]су, запеч[ѣ]к* «давайте-ка я сюда покойника приносу, а девки от страха кто на печку, кто в запечок забрались», *подполь[ѣ]* «сведи ево в подпольѣ и отдай ему што он сам возьмет».

- выпадение интервокального [j] с последующим стяжением гласных: *быв[á]т* «скотина бывает заблудится, бывает зверье обидит»; *подбир[á]т, подьед[á]т* «медведь из-за печки

¹ Запись текста, как в статье В.Н. Перетца.

подбирает лапкой, да подьедат»; **розлом[á]т** «а в подпольи пусть она розломат стенку».

- твёрдое произношение долгих шипящих согласных [шш] и [жж]: **проишай** «Проишай брат хрестовой!»; **попроишайтесь** «а покойник и говорит: «попроишайтесь со мной!».

- окончание *-ого* произносится с [в]: **любóво** «выбирай себе любóво, которой взглянется»; **у нево** «ригу ту я у нево сжег»; **однóво** «стали ночовать, глядь, однóво на берегу и забыли».

- на месте древнего ять под ударением и в первом предударном слоге произносится гласный «и»: **вел[ú]л** «Вылез барин, велил сготовить чаю», «помер он и помирамие велил, чтоб его трои суток откараулить»; **челов[ú]к** «Как за сто рублей не найти человека»; **розд[ú]ну** «вот парень то и здумай: роздину ево»; **над[ú]л** «Надíl на покойника свой [крест], да и говорит»; **гр[и]шнó** «гришно тебе-ка меня так бросить», **в с[и]ня'х** «велила поставить в синях, в чуланчике».

- прослеживается отражение произношения [и] в соответствии с /ě/ в форме дательного и предложного падежах личных и возвратных местоимений: «стои **мни**-ка байну», «**мни**-ка тебя ись пора», «на што ему хорошая одежда? - а **мни**-ка послужи», «гришно **теби**-ко меня так бросить», «и што найдешь – **себи** возьми».

- местоимение 3-го лица ед.ч. женского рода она в винительном падеже: **йей** «начал он ей печь на угольках».

- архаичная краткая форма личного местоимения тебя: **те** «да вот баба моя и вымоет те и попари».

- краткая форма указательного местоимения сей: **си** «си зиму много зверья буде у вас».

- местоимение весь в И.п. мн.ч.: **вси** «идите вси крещоны в кузницу».

- мена [а] на [е]: **глёди** «подходи к байны и глёди в окошко».

Морфологические черты

• употребление глаголов 3 л. ед. ч. с согласным элементом *t* или без него, глаголов 3 л. мн. ч. только с *t*: **сід[и]** и **сид[и]т**, **вїд[и]** и **вїд[и]т**, **прихóд[и]** и **прихóд[и]т**, но **прихóд[я]т**, **вхóд[я]т**, **вїд[я]т**; **буде** «много зверья буде у вас»; **послужи** «бери вот этого, кривого, он тебе послужи»; **сїди**, **подъезжае** «сиди вечером мужик в избы, и подъезжает тройка», **сидит** «сидит пастух на осиновом пне», **попáри** «вымоеет те и попари», **лїдби** «наш барин лїдби долго париться»; **подходи**, **глéди**, **вїди**, **сымае** «подходи к байны и глэди в окошко: и вїди: сиди барин на полку и с бабы кожу сымае», **вїдит** «и видит он, что пастух что-то ладить собирается»; **је** «дай сковать, что хочу». – «Да куй!» говорит кузнец, «железа много је»; **говóри** «Является ему этот покойник и говóри: «Што ты, хрестовой брат, меня и не похоронил», **говорит** «Лесовой ему подумавши и говорит»; **прихóди** «во полночь приходи рижный», **прихóдит** «однажды вечером приходит странник», **прихóдят** «приходят в баню, разделись в передбаннике», **выхóдят** «выходят утром они, кузнец и молотобоеу, на работу».

• употребление форм согласуемой постпозитивной частицы: «Мужик-**от** подошел к ней», «пошли две невестки и девка, а старуха-**та** дома осталась», «[солдат] говорит-**от** матки-попадъи: тело привёз», «ригу-**ту** я у нево сжег».

• распространенность форм дательного и предложного падежей ед. числа с окончанием -и (-ы) у существительных женского рода на -а с твёрдой и мягкой основой: **в избы** «сиди вечером мужик в избы»; **к байны** «подходи к байны»; **к избы** «побежали к избы», **к матицы** «привязали к матицы», **по Мсты** «Гнали ребята барки по Мсты».

• наличие инфинитива с суффиксом -ч': **печ'** «начал он ей печь на угольках».

• употребление форм глаголов с возвратной частицей -си (-сы) после согласного /л/: **вырвалси** «насилу вырвалси, ушел весь оцарапанный».

- совпадение форм Д. и Т. п. мн. ч.: *«Привезли, похоронили и осиновым клиньям забили», «вот мы хрестам поменялись, побратались, значит».*

- суффикс -миши у деепричастий: *помирамиши* «помер он и помирамише велил, чтоб его трои сутки откараулить».

- произношение с мягким согласным [с'] прилагательных с суффиксами -ск-: *градо[с']ской* «после обхода с крестами, пастух градоськой загнал скот в лоцинку»; *лу[с']ской* «луськой бык девку забол»

- наличие большого числа диминутивов: *«загнал скот в лоцинку»*, *«начал он ей печь на угольках»*, *«печет и роет на краешок»*, *«медведь из-за печки подбирает лапкой»*, *«зарыли и осиновым колышком забили».*

Синтаксические особенности

- Употребление деепричастия в качестве сказуемого: *«Видит, какво у матки чудо случавши, скопил народ..»*; *«а старуха уже померши».*

Вышеперечисленные признаки позволяют нам с уверенностью отнести материал фольклорных текстов к ладоготихвинской группе севернорусских говоров. Следует также отметить, что, помимо севернорусских языковых черт и специфических диалектных черт этой группы, в текстах зафиксированы черты, обычно фиксируемые на иных территориях: а) западной диалектной зоны, например употребление деепричастий в качестве сказуемого; б) северной диалектной зоны, например произношение с мягким согласным [с'] прилагательных с суффиксами -ск-; в) северо-западной диалектной зоны: распространение форм дательного и предложного падежей ед. числа с окончанием -и (-ы) у существительных женского рода на -а с твердой и мягкой основой; местоимение *весь* в И. п. мн. ч. *вси*. В отличие от архивных материалов довоенного времени в анализируемых текстах можно отметить наличие значительного числа

диминутивов с суффиксами -к-, -ок-/-ек-; наличие архаичных кратких форм личного местоимения *тебя*: *те* и указательного местоимения *сей*: *си*.

Не удалось обнаружить в фольклорных текстах примеры таких характерных черт ладого-тихвинской группы, как наличие второго полногласия или, например, употребление форм местоимения 3-го лица *йон*, *йонá*, *йоны́*, распространённых наряду с местоимениями *он*, *онá*, *оны́*.

Выявленные данные могут быть использованы как дополнительный материал к «Словарю говоров Ленинградской области» и впоследствии при работе над «Словарем русских народных говоров». В них содержатся слова, не зафиксированные ни в сводном лексикографическом труде, ни в довоенных архивных материалах по данному говору, например: **домок**, м. ‘гроб’. Анализируемые материалы могут служить для уточнения ареала функционирования той или иной единицы, а также их значений. Например: слово **артель**, ж. ‘группа животных (существ) одного вида’ в [СРНГ 1: 279] имеет другие значения; слово **рижный** ‘сверхъестественное существо, живущее в риге’ в [СРНГ 35: 101] зафиксировано лишь в сочетаниях и с другим значением; **батька** ‘священник, поп’ в [СРНГ 2: 148] имеет только следующие географические пометы – Пск., Смол., Калуж., Орл., Tobол., Иркут., Сиб.; **омутник** ‘водяной’ в [СРНГ 23: 206] имеет только помету Пск.; **особя** ‘отдельно от всех’ в [СРНГ 24: 40] отмечена только Калуж.; **стяжье** ‘палки’ в [СРНГ 42: 128] – с единственной пометой Тихв. Новг.

Ниже приводится список диалектных слов, выделенных в фольклорном материале, с иллюстрациями. В иллюстрациях применяется так называемая упрощенная транскрипция (цитаты приводятся в соответствии с записями, отображенными в фольклорных текстах). Следует отметить, что лексические единицы даются так, как они представлены в исходных текстах, с сохранением авторской орфографии и пунктуации, допущены лишь небольшие изменения, с учетом дореволюционной

графики.

Артель, ж. Группа животных (существ) одного вида. *Сидит пастух на осиновом пне, а перед ним целая артель врагов.*

Байна и байня, ж. Баня. *Чтой то долго с байны нейдут/да и спрашивает у кучера: «что, мол, пора бы и из байны быть/и была у хозяев байня топлена, и в той байне чудилось».*

Батька, м. Священник, поп. *Привез покойника, а батька дома нет/ Говорит от матки-попадьи: «тело привез»/ Сиди matka ночью, ждѣ батька/ Немного погодя сряд и батька приехал.*

Ввечеру, нареч. Вечером. *Утром ты из ворот выгони, – ввечеру придут к воротам сами.*

Взойти, сов., неперех. Войти. *И всякой раз, как взойдет кузнец в свою кузницу на работу, Спасу помолится.*

Взять, сов., неперех. ◊ Взять в железа. Надеть наручники. *Взяли его в железа, да и повезли в город.*

Вместях. Вместе, совместно с кем-л. *Так их вместих и схоронили.*

Враг, м. Черт. *Сидит пастух на осиновом пне, а перед ним целая артель врагов/ и всю бы жизнь свою он прожил по-хорошему, кабы только враг на него не обиделся/ А станovým то враг от прикинулся, да на людей мороку навел/глаза то у врага водяного так и горят/всю бы жизнь он прожил по-хорошему, кабы только враг на него не обиделся.*

Вражонок, м. Чертенюк. *Кривой вражонок как схватит лозину, да как крикнет.*

Вязка, ж. Связка чего-л. *Тот, крякнул, закусил селедкой да вязкой кренделей.*

Горно, ср. Кузнечный горн. *Вошел он в кузницу, что стояла на берегу реки, разжог горно и ждет/Взял молотобоец старика, положил в горно, засыпал уголья, да как зафычит мехами/Приволок он ее в кузницу, связал, бросил в горно, и ну мехами раздувать.*

Давиться, *несов., неперех.* Вешаться. *Вот один парень и говорит: «дай-ка попытаю (испробую), как люди давятся/ А кто тут давиться задумал!*

Домок, *м.* Гроб. *Сделали домок ему, обручи набили и повезли на погост/ Набил солдат обручи на домок и уехал скорей.*

Дуть, *несов., неперех.* Раздувать горн. *Старуха та вопить благим матом, а он и взаправду ума решился: знай себе дует.*

Забость, *сов., перех.* Забодать. *Луськой бык от девку забол.*

Замнуться, *сов.* Закрыться на замок. *Она замнулась, залезла на печку.*

Захрестить, *сов., перех.* Осенить крестом. *Вернулся, помолился над ним, захрестил, вси молитвы прочел, какия знал и опять пришел на барку.*

Зафычить, *сов., неперех.* Начать с шумом нагнетать воздух, раздувать. *Положил в горно, засыпал уголья, да как зафычит мехами, только искры столбом поднялись.*

Здынуться, *сов.* Подняться в гору. *«Эй дедушка, заходи ко мне!» – «Тяжело, родимый, на гору не здынусь», отвечает старик.*

Найспашку, *нареч.* Наотмашь. *Осиновым колом три раза буде найспашку успеешь ударить – убьешь.*

Киса, *ж.* Заплечная сумка из шкуры нерпы. *Вышел из воды на берег и много им из кисы на берег серебра насыпал.*

Краешок, *м.* Небольшая часть какой-л. поверхности. *Печат и роет на краешок, а медведь из-за печки подбирать лапкой, да подъедат.*

Крецоны, *в знач. суц.* Люди, народ. *Идите вси крецоны в кузницу, смотрите как кузнец мать сожог.*

Лесовой, *в знач. суц.* Леший. *Лесовой ему подумавши и говорит.*

Лихой, *ая, ое.* Очень усердный. *Работник лихой, всем хорош, всем доволен.*

Наздогнать, *сов., перех.* Догнать. *Пошел он по берегу: думает своих наздогнать.*

Обещаться, *несов.* Обещать. *И омутник за такое бескорыстие их обещался, что не будет народ тонуть у них.*

Обрать, *сов., перех.* Забрать все, полностью. *Пусть он деньги мои оберет: их под углом риги пивоваренной котел зарыт. И вправду, обрал мужик деньги: большой котел полный серебра, и стал богато жить.*

Омутник, *м.* Водяной. *«Я zdeшний омутник», отвечает старичок/Забрался в мой омут чужой омутник: житья мне нет от него/ Стоит в воде тот свой омутник.*

Особя, *нареч.* Отдельно от всех, особняком. *Забрался в избушку, где особя жил колдун.*

Остатний, *яя, ее.* Последний. *Рижной хозяин остатнюю рыбку спёк, на печку кинул.*

Передбанник, *м.* Предбанник. *Приходят в баню, разделись в передбаннике.*

Переметывать, *несов., перех.* Перемещать с места на место. *Только метель крутит, да ветерок воет и снег переметывает.*

Перерыть, *сов., перех.* Перекидать. *И опять лезет, а она ему кого-нибудь опять кине: всех кошек и собак перерыла.*

Петун, *м.* Петух. *И в это время запил питун – мертвец упал навзничь.*

Подлинно, *нареч.* Действительно. *И подлинно: столько зверья было, как никогда.*

Попоехать, *сов., неперех.* Проехать. *Попоехал еще немного – другой лоп!*

Посидка, *ж.* Посиделки, вечеринка. *Велил сготовить чаю, созвать посидку, да и говорит хозяину/Барин пошел мыться, посидка разошлась/Собралась раз о святках посидка/Собрались девки да ребята на посидку.*

Поставить, *сов., перех.* Назначить кого-л. кем-л. *За хлеб-соль поставлю я тебе пастуха: утром ты из ворот выгони, – ввечеру придут к воротам сами, только во двор загони.*

Разобрать, сов., перех. Вникая в подробности, выяснить, проверить. *«А кто тут давиться задумал! Я вот сейчас всех вас разберу».*

Расскочиться, сов. Отскочить, отпрыгнуть в разные стороны. *Все по углам раскочились, кто к дверям бросился.*

Решиться, сов. ◊ Ума решиться. Сойти с ума. *Старый кузнец, словно ума решившись, опрометью домой бросился.*

Рижный, в знач. сущ. Сверхъестественное существо, живущее в риге; злой дух. *Построился мужик заново, а рижный опять сжег.* ◊ Рижной хозяин. Сверхъестественное существо, живущее в риге; злой дух. *В полночь приходи рижной хозяин и приноси множество рыбы. Рижной хозяин остатнюю рыбку спёк, на печку кинул.*

Рыть, несов., неперех. Помещать, класть, ставить куда-л. *Печат и роет на краешок, а медведь из-за печки подбирает лапкой, да подъедат.*

Синочь, нареч. В эту ночь. *Они и говорят: милости просим ночовать, только синочь покарауль ты у нас отца.*

Скопить, сов., перех. Собрать, созвать. *Видит, какво у матки чудо случавши, скопил народ, свезли мертвеца в яму, зарыли и осиновым колышком забили.*

Случиться, сов. Появиться. *А Прокопий тут и случись.*

Спас Премилостивый. Икона Всемилоствого Спаса. *Была у него в кузнице, на правой стороне, как войти, икона – Спас премилостивый*

Стяжье, ср., собир. Палки. *А он им: «Возьмите стяжье и идите к омуту»/вы по первому и бейте стяжьем.*

Торгош, м. Торговец. *Приехал в деревню торгош/ Торгош пошел с мужиками: вымылись, выпарились/ Пришли, на торгоша жалуются: тот спит себе и с избы не выходил.*

Черепье, ср., собир. Черепки, осколки разбитой посуды, стекла и т.п. *Если б взяли, то все равно деньги в черепье дома обернулись бы.*

Лексический материал позволяет отметить лишь единичные случаи совпадения слов в фольклорных текстах XIX века и в

довоенных архивных материалах, например *байна/байня* 'баня', *петун* 'петух', бóльшая же часть массива лексики представляет собой интерес с точки зрения специфики значений и их оттенков, географических помет.

Диалектная лексика, извлеченная из анализируемых фольклорных текстов, свидетельствует о ее своеобразии и высокой степени сохранности в ней древнерусской архаики, дает представление об ее ареальных связях, происхождении, способах образования и др.

Рассмотренный материал требует дальнейшего изучения, более тщательного отбора и анализа лексики. Параллельное сравнение материалов XIX и XX вв. поможет сделать вывод о динамике говора. Представленные тексты позволят также выявить определенный этнокультурный компонент в говоре Малой и Большой Будогощ.

Литература

Баженова Т.Е. Фольклорные тексты как источник самарского регионального словаря // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 9-26.

Бакланова И.В. Архивные материалы II: Киришский район, деревни Малая и Большая Будогощ // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография, 2020. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 5-17.

Баранникова Л.И. Народно-поэтическая речь и ее место в системе функционально-стилевых различий диалектной речи // Вопросы теории и методики изучения русского языка. Саратов, 1965. С. 251-259.

Ганцовская Н.С. Диалектные тексты как хранилище лексического богатства языка (на материале хрестоматий костромских говоров) // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2016. № 1. С. 135-139.

Мызников С.А. Лексика фольклора в «Словаре русских народных говоров»: теоретическая база и лексикографическая практика // Исследования по славянской диалектологии. 19-20. М.: ИнСлав РАН, 2018. С. 202-211.

Оссовецкий И.А. О языке русского традиционного фольклора // Вопросы языкознания. 1975. № 5. С. 66-77.

Перетц В.Н. Деревня Будогоща и ее предания. Этнографический очерк // Живая старина. 1894. Вып. I. С. 3-18.

Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Т. 1-52. М.; Л.-СПб.: Наука, 1965-2021.

Baklanova I.V. Archival materials III: Mythological texts of Budogoschi as a source of lexicographic material

In this article, attention will be drawn to folklore texts from the article "The Village of Budogosch and its legends" published in the journal "Living Antiquity" (1894) by the famous Russian and Soviet scientist Vladimir Nikolaevich Peretz. Arguments are given in favor of the expediency of using folklore narratives as one of the sources of regional dictionaries. An attempt is made to analyze the peculiarities of the dialect at different levels of the language, to compare the identified linguistic features of narratives with archival materials of the pre-war period.

Keywords: archival materials, folklore narratives, northwest dialects, Malaya Budogoshch', Bol'shaya Budogoshch'.

Военушкина Екатерина Алексеевна

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина

Роль визуального компонента в дискурсе бытовой несказочной прозы

В статье выявляется роль визуального модуса в устной коммуникации. На материале транскриптов 63 «текстов» бытовой несказочной прозы анализируется значимость жестов в данном дискурсе. Метод мультимодальной транскрипции позволяет объективно оценить вклад как вербально-просодического, так и визуального модуса в устной речи. Именно обстоятельство устной фольклорной речи накладывают определенную специфику на визуальный модус.

Ключевые слова: лингвофольклористика, когнитивная лингвистика, мультимодальная лингвистика, теория мультимодальности, теория дискурса.

Естественная форма коммуникации представляет из себя взаимодействие нескольких каналов информации. В процессе общения собеседники используют как вербальные знаки, так и просодические, и визуальные.

Исторически сложилось так, что в область исследования лингвистов входили только знаки вербальной коммуникаций, по преимуществу, зафиксированной – письменной. Это объясняется логикой развития науки, поскольку интенция к исследованию языка, как мы считаем, изначально была связана с накоплением материальной письменной культуры. Тем самым долгое время устная коммуникация оставалась на периферии лингвистических исследований.

Нас, в большей степени, интересует роль каждого модуса естественной человеческой коммуникации не в совсем спонтанной речи, а именно в среде дискурса бытовой несказочной прозы.

Такой специфичный дискурс исследования был выбран неслучайно. Во-первых, он обусловлен особенностями мифологического мышления представителей традиционной культуры, которых становится с каждым годом все меньше и меньше. Во-вторых, в университетских лабораториях накоплено достаточно большое количество материала для исследования, однако, мало кто из исследователей приступал к анализу бытовой несказочной прозы с точки зрения мультимодальности. В-третьих, именно бытовая несказочная проза является самым спонтанным жанром из всех жанров устного народного творчества.

Изначально большинство жанров фольклора никаким образом не соотносится со спонтанной речью, поскольку именно воспроизводимость является основным законом любого текста устного народного творчества. Такой текст сохраняется в народной памяти посредством передачи его из одного поколения в память другого поколения. В процессе определенного ритуала участники перенимают правила устройства социума и, соответственно, представления о мироустройстве. Фольклорный текст является инструментом приобретения правильного мировоззрения.

Идеальными фольклорными текстами являются те, содержание и форма которых меняются мало, например, сказки, былины, заговоры, частушки и т.д., поскольку существуют они и бытуют исключительно в устной форме и при использовании того или иного текста каждый раз воспроизводятся. Собственно воспроизводимость одного и того же текста позволяет ему бытовать на протяжении долгого времени и самое главное – передавать представление о мироустройстве будущим поколениям. Повторение конкретных слов, интонации, жестов составляет дискурс этих текстов. Содержание этого дискурса объединяется в ритуале, именно поэтому фольклорные тексты важно рассматривать и исследовать как мультимодальное единство, поскольку они изначально существуют как единство слова и действия.

Однако наименее регламентированными и более спонтанными являются «тексты» жанров несказочной прозы (былички, бывальщины, суеверные рассказы), в которых описывается встреча говорящего с нечистой силой. Если рассматривать их с точки зрения буквальной воспроизводимости, то они не являются собственно фольклорными. Эти тексты считаются фольклорными лишь потому, что их автором является народ, но эти жанры воспроизводят не текст, а мотив, сюжет, который повторяется в некоторых классах этих жанров. Так репрезентируется «традиционное мифопоэтическое» мышление и специфическая интерпретация мира, поэтому мультимодальный анализ текстов бытовой несказочной прозы позволяет зафиксировать особенности трансляции специфической картины мира, свойственной носителю мифологического типа мышления.

Материалом нашего исследования являются 63 «текста» бытовой несказочной прозы, собранных в 1994, 2007 и 2008 годах на территории Кировской области и Республики Коми (Прилузский и Усть-Цилемский районы). Всего проанализирована речь 17 рассказчиков. Информантами, чьи рассказы мы анализировали, являются: Островская Александра Ивановна, 1926 г.р.; Моисеева Мария Васильевна, 1914 г.р.; Листова Евдокия Аристарховна, 1916 г.р.; Пинежанина Любовь Ануфриевна, 1916 г.р.; Бетехтина Ульяна Андреевна, 1917 г.р.; Шилова Татьяна Андреевна, 1921 г.р.; Рудакова Алена Васильевна, 1915 г.р.; Груздева Августа Афанасьевна; Бушуева Мария Дмитриевна (в девичестве Пинежанина), 1918 г.р.; Попова Валентина Александровна 1920 г.р.; Семенюк Лидия Ивановна, 1938 г.р.; Лобанова Агния Павловна, 1920 г.р.; Безносикова Анна Павлиновна 1930 г.р.; Чужмарова Мария Владимировна, 1925 г.р.; Чупрова Анисья Яковлевна, 1940 г.р.; Зайвина Евдокия Львовна 1934 г.р.; Дуркина Ирина Федуловна, 1927 г.р.; Дуркина Луиза Владимировна 1932 г.р.; Дуркин Александр Ульянович (сын) 1952 г.р.; Рочева Марфа Петровна, 1933 г.р. Очевидно, что подавляющее большинство рассказчиков – это пожилые женщины.

Исследование дискурса бытовой несказочной прозы возможно с позиции мультимодальности, поскольку существует особый метод транскрибирования текста, содержащего разные модусы информации. Для этого выделяется три информационных канала: **вербальный, просодический и визуальный**. Вербальный и просодический каналы мы анализируем в совокупности друг с другом с помощью такого элемента, как элементарная дискурсивная единица (далее – ЭДЕ), поэтому в транскрипции фиксация вербального и просодического модусов находятся в одном поле. Вербальный и просодический каналы анализируются в транскрипции с помощью таких критериев, как паузы, их длительность, темп и скорость речи, ее громкость и т.д. В отличие от А.А. Кибрика и В.И. Подлесской, которые анализировали исключительно дискурс, ограничивающийся вербально-просодическим модусами [Кибрик, Подлесская 2010], мы предлагаем включить в методику мультимодального транскрибирования еще и визуальный модус.

Визуальный канал также представлен довольно сложно. Мы вслед за Г.Е. Крейдлиным выделяем три основных типа кинем: иллюстративные, регуляторные и эмблематические. Последние более изучены паралингвистами и некоторые жесты зафиксированы в так называемом словаре, представляющем собой корпус разных эмблематических кинем, узнаваемых носителями русского языка и всегда воспринимающимися однозначно. В статьях о жестах приводится контекст его употребления [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001].

Живую спонтанную речь невозможно представить без мимики, жестов, пауз, индивидуальной тоновой и тембровой конструкции голоса собеседника и т.д. Информацию, передаваемую в коммуникации, можно разделить на 3 информационных канала: вербальный, просодический и визуальный. Первые два модуса исследуются совместно, с помощью элементарной дискурсивной единицы (далее – ЭДЕ), а минимальной единицей последнего является жест. Исследователи дискурса устной речи пытались выявить роль каждого из модусов

в коммуникации. Вклад каждого информационного канала в коммуникации оценивается неоднозначно.

А.А. Кибрик считает, что «принципиальной разницы между вербально передаваемой информацией и информацией, передаваемой просодически или жестами, не существует» [Кибрик, Подлеская 2010: 187]. «В практической психологии часто указываются следующие цифры: визуальный канал передает 55 % информации, просодия – 38 %, а на долю вербального канала остается лишь 7 %» [Кибрик, Федорова 2018: 149].

А.А. Кибрик и его коллеги провели эксперимент, целью которого было оценить значимость каждого информационного канала в процессе коммуникации. Исследователями был выбран отрывок из телесериала. Три компонента видеоряда: вербальный, визуальный и аудиальный были представлены зрителю изолированно и в разном порядке. В итоге, результаты эксперимента показали, что вклад каждого информационного канала может быть оценен следующим образом: вербальный – 39 %, просодический – 28 % и визуальный – 33 %. Такой результат эксперимента говорит о том, что вклад каждого информационного канала практически равноценен в естественной коммуникации [Кибрик 2010: 140].

В целом, мы согласны с этой позицией, однако «тексты» бытовой несказочной прозы нельзя отнести к форме естественной спонтанной коммуникации полноценно. Эти «тексты» более спонтанны и менее регламентированы, чем другие фольклорные жанры, но, с другой стороны, они не являются результатом живой речи, поскольку содержат историю о встрече с потусторонними силами, что накладывает определенные ограничения.

С точки зрения деления потока речи на ЭДЕ визуальный модус вносит свои коррективы в разработки А.А. Кибрика и его команды по анализу устного дискурса. В вербально-просодической транскрипции «ЭДЕ является базовой единицей локальной структуры дискурса, выделяется на основании

преимущественно просодических критериев и прототипически соответствует одной клаузе» [Федорова 2016: 162].

Несмотря на отсутствие согласия в вопросе, существует ли общий источник жестикуляции и речи, на наш взгляд, при разделении потока речи на ЭДЕ следует соотносить пропозиции с жестами говорящего, поскольку, хоть и не все типы жестов, но некоторые из них помогают структурировать речь и сделать ее более понятной собеседнику. Часто жесты помогают выделить границы ЭДЕ, независимо от их формы: канонической или наоборот.

Многие исследователи утверждают, что визуальный модус, в целом, временно опережает вербально-просодический [Федорова 2016: 163]. «Одно из возможных объяснений этого феномена состоит в том, что общий когнитивный источник, находящийся на досемантическом уровне, одновременно запускает активацию как абстрактных семантических репрезентаций, так и более конкретных моторных. Однако время, которое тратится на поиск моторных репрезентаций, обычно оказывается меньше, чем время, необходимое для поиска семантических репрезентаций» [Федорова 2016: 164]. Однако эксперимент О.В. Федоровой и ее коллег показал, что жесты не опережают ЭДЕ в речевом потоке, а разные результаты исследователей говорят о разных типах жестов, поскольку, например, регулятивные позволяют делить поток речи на короткие фразы, а, например, иллюстративные часто соотносятся с объектом речи. Соответственно нельзя однозначно сказать, что все единицы визуального модуса обязательно опережают ЭДЕ в речи, поскольку многое зависит от типа жестов в анализируемом речевом потоке.

Анализ «текстов» сказочной прозы, показал, что при упоминании нечистой силы рассказчик активно использует иллюстративные жесты (указательные, иконические) в тот момент, когда хочет описать окружающую его обстановку. Практически все случаи (46 единиц из 49), когда жест опережает ЭДЕ, связаны с использованием этих жестов. Однако в

соотношении всех иллюстративных жестов (709 единиц), их опережение незначительно, поскольку составляет всего 6,48 %. В эти случаи входят только те варианты, когда использование иллюстративных жестов очевидно опережает речь, мы не брали в расчет одновременное использование жеста и ЭДЕ, а также стоит учесть, что фиксировали лишь те случаи, когда жест опережает речь не на сотую долю секунды, а только на десятую или целую секунду. К сожалению, мы не располагаем свежим материалом, который можно было бы зафиксировать на промышленные камеры или микрофоны-петлички. Так или иначе, наши выводы совпадают с выводами О.В. Федоровой и мы считаем, что опережение жестов связано с конкретным типом жестов, в нашем случае, с иллюстративным. Соответственно, источник на досемантическом уровне одновременно запускает активацию вербально-просодического модуса и жестов, но запоздание первого, по-видимому, связано с нарушениями в памяти адресанта, поскольку, когда говорящий говорит и как бы показывает, где и что стояло в момент встречи, то он точно помнит, как это было. Однако, когда вербально-просодический модусы опаздывают, то жестовая материализация обстановки встречи, подталкивает говорящего сказать, что было забыто. Это вполне закономерно, ведь встречи, происходили с рассказчиками несколько десятков лет назад.

В некоторых случаях элементы визуального модуса помогают раскрыть ту информацию, которую адресант пытается скрыть от собеседника, речь идет о так называемых «двойных посланиях». Например, в легенде о тобышском старце Иване. В отдаленном поселении Тобыш поселились несколько человек и создали там скит, однако из-за того, что почти все старцы умерли, остался последний – Иван. Он, будучи еще живым, сколотил себе плотик и гроб. Этот гроб он поместил на плот, но рассказчица не уточняет в какой момент он умер. Однако, по ее словам, он похоронен в Усть-Цильме. Когда адресантка (Чупрова Анисья Яковлевна, 1940 г.р., урож. д. Рочево) пытается вспомнить «в како место его принесло», то уточняет, что «шибко

внимания не обращала» (ВФ 0345 31:30-31:32). Пытаясь сделать вид, что для нее не важна информация, куда приплыл Иван (или его тело), Анисья Яковлевна неосознанно транслирует эмблематичный жест – почесать затылок. Который она маскирует дальнейшим действием – поправляет платок. Согласно «Словарю языка русских жестов» «В основе жеста лежит физическая метафора: своим движением жестикулирующий как бы стимулирует работу мозга, приводит мысли в движение» [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001: 115]. Соответственно говорящий пытается скрыть свое замешательство и только благодаря мультимодальной транскрипции можно заметить эту особенность.

Также важным критерием для достоверности происходящего является способность говорящего не только показывать другому собеседнику, материализовывать окружающую обстановку в момент встречи с нечистым, но видеть окружающее пространство самому. Показательным в данном случае является пример с одной из информанток (Рудакова Алена Васильевна, 1915 г.р., ур. Д. Весенеево), которая на протяжении своей жизни слеpla и в момент встречи с собирателями ослепла окончательно. На первый взгляд ЭДЕ ее вербально-просодического транскрипта, а также кинемы не транслируют ничего специфичного, однако она постоянно уверяет собеседника в своей неуверенности: «во сне видела, да **не знаю я ниче**» (ВФ 2301: 34:55). Соответственно, можно говорить о том, что способность видеть является одним из критериев достоверности происходящего, поскольку для адресанта важен визуальный контакт с собеседниками, ведь это один из способов убеждения.

Таким образом, не стоит недооценивать роль визуального модуса в устной речи только потому, что он не исследован в достаточной мере. Разные исследователи назначают разную роль содержанию визуального модуса, однако все утверждают, что большая доля информации передается с помощью жестов. Мы согласны с этим заявлением и полагаем, что кинемы помогают

определить границы ЭДЕ. Также в данный момент исследования трудно сказать, с чем связано жестовое опережение ЭДЕ, но в рамках дискурса несказочной прозы мы полагаем, что это довольно редкое явление соотносится лишь с иллюстративным типом жестов (указательными и иконическими) и указывает на возможную информационно-коммуникативную недостаточность. Проще говоря, адресант забыл, какая была обстановка при встрече с нечистой силой. Сам же адресант оценивает способность видеть, как ту, которая соотносится с критерием достоверности. Когда собеседник лишен возможности зрительно контактировать с собирателями, то он демонстрирует свою неуверенность в произошедшем. В целом говоря, некоторые компоненты визуального модуса позволяют выявить истинное отношение говорящего к коммуникативной ситуации.

Литература

Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов. М.: Языки русской культуры, 2001. 255 с.

Кибрик А.А. Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего / А.А. Кибрик, В.И. Подлеская // Когнитивные исследования: сб. научных трудов / отв. ред. А.А. Кибрик, Т. В. Черниговская. М., 2006. С. 138-158.

Кибрик, А.А., Федорова О.В. К вопросу о структуре мультимедийного дискурса // Образы языка и зигзаги дискурса: сборник научных статей к 70-летию В.З. Демьянкова / под ред. В.В. Фещенко. М., 2018. С. 181-182.

Кибрик, А.А., Подлеская, В.И. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009. 736 с.

Федорова О.В. Временная координация между жестовыми и речевыми единицами в мультимодальной коммуникации / Федорова О.В., Кибрик А.А., Кортаев Н.А., Литвиненко А.О., Николаева Ю.В. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной

конференции «Диалог 2016». (Москва, 1-4 июня 2016). Вып. 15 (22). М.: Изд-во РГГУ. С. 159-170.

Кибрик А.А. Мультиmodalная лингвистика // Когнитивные исследования: сборник научных трудов. М.: Ин-т психологии РАН, 2010. С. 135-152.

Voenushkina E.A. The role of the visual component in the discourse of everyday non-fictional prose

The article reveals the role of the visual modus in oral communication. The significance of gestures in this discourse is analyzed on the basis of transcripts of 63 «texts» of everyday non-fictional prose. The multimodal transcription method makes it possible to objectively assess the contribution of both verbal-prosodic and visual modes in oral speech. It is the circumstance of oral folklore speech that imposes a certain specificity on the visual mode.

Keywords: linguistic-folkloristics, cognitive linguistics, multimodal linguistics, multimodality theory, discourse theory.

Галимзянов Ильяс Рамисович

Санкт-Петербургский государственный университет

**О способах фразеологизации устойчивых выражений,
включающих имена собственные (на материале псковских
говоров)**

В статье рассматриваются способы фразеологизации устойчивых выражений с именами собственными, зафиксированных в «Псковском областном словаре с историческими данными». Особое внимание уделяется именам собственным – антропонимам в составе фразеологических единиц. Делаются выводы о продуктивных и непродуктивных моделях фразеологизации, частотных именах собственных в составе ФЕ в псковских говорах и прагматической нагруженности некоторых имен собственных.

Ключевые слова: фразеологизмы, имя собственное, диалектная фразеология, псковские говоры.

Фразеологизмы, включающие имена собственные (ИС), исследуются в работах многих лингвистов в разных аспектах. Учеными описаны процессы фразеологизации таких сочетаний (Л.И. Ройзензон), их классификация по способу апеллятивизации ИС (В.М. Мокиенко), семантика ФЕ с компонентами-антропонимами (О.А. Мещерякова), компонентный состав фразеологизмов с ИС (И.В. Бугаева), их национально-культурное своеобразие (М.М. Вознесенская), вопросы лексикографического описания (М.Л. Ковшова), сопоставление ФЕ русского языка с другими языками (Е.Н. Бетехтина) и др.

При анализе этих единиц одной из важных становится общеономатистическая проблема – процесс апеллятивизации ИС. По мнению лингвистов, специально изучавших эту проблему (Т.Н. Кондратьева, Р.И. Охштат, Л.И. Ройзензон), имя собственное, становясь компонентом фразеологической единицы,

подвергается семантическим преобразованиям и приобретает характеристики и свойства имени нарицательного.

По наблюдениям В.М. Мокиенко, способ аппелятивизации ИС в составе устойчивого сочетания обуславливает появление разных типов фразеологизмов. Его исследование «Фразеологизация как способ аппелятивизации имени собственного» [Мокиенко 2018] выполнено на материале литературного языка (ЛЯ), нам же для получения более полных данных было интересно проанализировать способы фразеологизации устойчивых выражений, включающих ИС, в русских народных говорах, где представлена широкая вариативность ИС.

Наше исследование выполнено на материале фразеологизмов с ИС, функционирующих в псковских говорах и зафиксированных в «Псковском областном словаре с историческими данными» (в выпусках 1-28).

В псковских говорах, также как и в ЛЯ, по способу фразеологизации выделяется три группы устойчивых выражений, включающих ИС.

Первая группа – это ФЕ, в основе которых лежит имя собственное, связанное с широко известными источниками, либо оно отражает реальные исторические факты. Отметим, что в псковских говорах имена литературных персонажей не встречаются. Редко встречаются имена, связанные с историческими фактами. Часто используются имена, связанные с мифологией: имена славянских языческих богов. В нашем материале это имя *Перун* (*бить с перунами* ‘о сильных ударах молнии’; *сбей тебя перун* ‘эмоциональное восклицание, выражающее гнев, негодование, раздражение’).

В основном используются имена, связанные с религией (агионимы): имена святых, библейских персонажей. К этой группе в псковских говорах относятся такие единицы, как *адамовы веки* ‘очень давно, с незапамятных времен’, *с-под Адама* ‘с давних пор, с более давнего времени (чем помнят другие)’; *Илья Пророк поехал* ‘о прогремевшем гrome’; *Христос*

по душе босиком (в лапотках) пробежал (прошелся) ‘о высшей степени удовольствия’; *Христос гогочет* ‘об обильном угощении, большом количестве пищи’ и др.

Во фразеологизме *адамовы веки* используется библейское имя *Адам* – первого человека, сотворенного Богом (согласно Библии). События, описываемые в ней, произошли достаточно давно, что объясняет значение ФЕ. Ср., например, в англ. *since Adam was a boy* ‘очень давно, с незапамятных времен’, *not know (someone) from Adam* ‘не иметь ни малейшего представления о ком-либо’.

Самым часто встречающимся агионимом является *Иисус Христос*. В диалектных фразеологизмах подчеркивается его святость (высшее счастье для христианина, если его посетил Господь, например: *Христос по душе босиком (в лапотках) пробежал (прошелся)*) и аскетизм, в том числе в еде (на этом основан образный компонент фразеологизма *Христос гогочет* ‘об обильном угощении, большом количестве пищи’).

Фразеологизация таких выражений происходит за счет конденсации большого текста (события) в короткое выражение или одно имя собственное, при упоминании которого возникают ассоциации и раскрывается весь контекст. *Содом и гомон* ‘шум, гам, веселье’ (ср. в ЛЯ: *Содом и Гоморра* ‘крайний беспорядок, полная неразбериха, суматоха’), в говорах второй компонент фразеологизма переосмыслен и заменен на созвучное «гомон».

С помощью библейских антропонимов «реализуется комплекс знаний о каком-либо библейском событии, при этом употребление имени отсылает к оценке поступков библейского персонажа» [Мещерякова 2018: 93]. Ср. *Ай, ай, Ева прельстилась древом и выстонала чревом; Адаме, Адаме, ты согрешил, наши сердца сокрушил*.

В тех случаях, когда в качестве ИС в диалектных фразеологизмах употребляется агионим можно отметить такое явление, когда «полная связанная форма, характерная для религиозного дискурса, [также] подменяется сокращенной формой, свойственной народной культуре» [Там же]. Например:

афонька оказался где (*шутл.*) ‘о прокисшей пище’ (от имени святого Аффония, тело которого не подверглось тлению); *вахрамей, разумей: кого корят, а тебе в глаза говорят* (разг. от имени Варфоломей – одного из 12 апостолов).

Ко второй группе – ФЕ, в основе которых лежит имя собственное, подвергшееся обобщению ещё до фразеологизации из-за своей социальной оценочности, – относятся следующие единицы: *Ванька с трудоднями* ‘о трудолюбивом колхознике с хорошим заработком’; (*вырядиться*) *что/как Ваня Дудинский* ‘о человеке с лохматыми, длинными волосами и в рваной одежде’; *Филя тобольский* ‘о несообразительном, рассеянном человеке’ и др.

Как отмечает В.М. Мокиенко, обобщение семантики ИС случилось в речи и языковом сознании носителей благодаря закреплению за тем или иным антропонимом определенных характеристик и коннотаций. Так, антропоним *Иван* (*Ваня, Ванька* и другие формы) носители русской культуры, соотносят с образами Ивана-дурака, Ивана-царевича, широко представленных в фольклоре и литературе. Во всех фразеологизмах с этим именем, отмеченных в псковских говорах, выражена отрицательная оценочность: *Ваня* часто воспринимается как глупый и неумелый человек, вследствие чего появляются фразеологизмы: *у бедного Ванюшки всё в ж...не камушки* ‘о невезучем человеке’, *нашему Ванюхе и на печке ухаб*; *Иван играет, а Марья с голоду умирает*; он беден: отсутствие материальных ценностей подчеркивается во фразеологизме *Ванька с трудоднями* (*шутл.*) [ПОС: 3, 32], т. е. ничего, кроме трудодней (отметок на бумаге за отработанные дни), у него нет; он одет в рваную одежду, лохмотья: фразеологизм (*вырядиться*) *что/как Ваня Дудинский* ‘об одетом в рваную одежду человеке’ отсылает к локально распространенному антропониму *Ваня Дудинский* – имени известного прежде в районе знахаря [Мокиенко, Никитина 2001: 89].

В народных говорах антропонимы обладают различными коннотациями: например, Фома – глупый (*Фома не купил ума*) и недотепа (*Фома плачет, а жена напившись скачет*); постоянно попадает в сложные ситуации (*иному Фоме насидеца в*

тюрьме); предстает как упрямый собеседник (*я – про Фому, а он – про Ерёму*); не справляется с задачами в одиночестве (*один Фома горюет, а два в поле воюют*; ср. в ЛЯ: *двое в поле воюют, а один и дома горюет*). Татьяна – много употребляет алкоголя, часто бывает пьяной (*бредет Татьяна, не добре пьяна, хоть и упадет, да не валяется; наша Татьяна и с воды пьяна*).

В структуре данного типа фразеологизмов часто отмечен синтаксический параллелизм (*от Савы славы, а от Перши чести; один Фома горюет, а два в поле воюют*), рифма (*Фофан с толокном, Сидор с волокном; Анна не всякому манна; посидеть у Дашки — будто у бражки*), антитеза (*Фома плачет, а жена напившись скачет; Иван был в орде, а Марья вести сказывает; от Савы славы, а от Перши чести*).

Особо интересен фразеологизм *наряжаться что Юрья на бабу*. В народных говорах он имеет шутливо-ироничную коннотацию и значение ‘об излишне нарядно одевающемся человеке (особенно – женщине)’. Вероятно, это искаженная поговорка *наряжаться что баба на Юрья*, которая отсылает к преданию о несбывшихся сборах бабки с внуком в Юрьев день с целью перейти от одного помещика к другому. *Юрья* обозначает в данном случае Юрьев день – в христианстве День памяти Георгия Победоносца; у крестьян этот день связан с правом перехода от одного феодала к другому в XI–XVII веках. Таким образом, в народном сознании имя собственное **Юрий**, которое является формой имени **Георгий** и являлось «высоким» именем-агионимом перешло в разговорную речь и затем стало компонентом ФЭ с шутливо-ироничной коннотацией.

Как отмечает О.В. Кисель, имя собственное «не является нейтральной языковой единицей, одни имена вызывают положительные ассоциации, другие имеют отрицательный оттенок. Оценочность и экспрессивность находятся в тесной связи друг с другом, так как невозможно дать оценку объектам действительности без экспрессивной характеристики» [Кисель 2009: 22]. Эту мысль подтверждают и наши диалектные материалы.

Так, в отобранном нами материале 30 единиц этой группы обладают эмоционально-оценочной окрашенностью, которая отмечена в словаре с помощью помет. Среди них наибольшее число фразеологизмов имеют помету шутовое – их 12 (*Ванька с трудоднями; у бедного Ванюшки всё в ж...не камушки* ‘о невезучем человеке’; *спеть матвея* ‘грубо выругать кого-н’), ироничное – 6 (*с максимцем* ‘о глуповатом, несообразительном человеке’; *в Москву съездить* ‘о неудачной поездке куда-л., о слишком дорогой покупке’), неодобрительно – 4 (*нашему Ванюхе и на печке ухаб; обрати что Миша Славский [ходить как Миша Славский]* ‘об очень заросшем, бородатом и лохматом человеке’) и шутивно-ироничное – 4 (*сидеть как пунья Маша* ‘о женщине, засидевшейся где-л., забыв о своих обязанностях’; *нарваться как Мартын до мыла* ‘о человеке, жадно набросившемся на какую-л. пищу, питье, нечто желанное’). Меньше всего представлены пометы бранное – 2 (*не пеняй на Ивана, коли м...а не касмата*), пренебрежительное – 1 (*ходить как Ваня-дурёня* ‘1. О глуповатом, вызывающем презрение и смех человеке. 2. О пьяном и потерявшем способность трезво рассуждать человеке. 3. О плохо, грязно и бедно одетом человеке’) и усилительное – 1 (*натаха-побираха* ‘кто живет подаянием, нищий’).

В третью группу – ФЕ, в основе которых лежит имя собственное, созданное языковой шуткой, каламбуром, – мы отнесли примеры: *съездить в Могилёв (шутл.)* ‘умереть’; *в Могилёвскую губернию позовут* кого (*ирон.*) ‘кому-л. придет время умирать’ и др.

Остановимся на нескольких ФЕ этой группы: во фразеологизме *Горький Максим* ‘пулемет’ [ПОС: 7, 139] каламбур получается в результате контаминации псевдонима русского писателя Максима Горького, названия пулемета системы Максима и значений прилагательного *горький* ‘едкий (о дыме и т. п.)’, ‘приносящий горе, несчастье’ [ПОС: 7, 138]; фразеологизм *искать как Исакия* ‘о хлопотливых, суетных постоянных поисках кого-л., чего-л.’ построен на народно-

этимологическом сопряжении имени *Исакия* с глаголом *искать* [Мокиенко, Никитина 2001: 97] (ср. появление нарицательного существительного *исакия* ‘хлопоты’ [ПОС: 13, 301]).

Анализ материала показал, что больше всего фразеологизмов с ИС в псковских говорах образовано 2 способом 86 (64,6 %), на втором месте по частотности располагаются фразеологизмы, в которых апеллятивизации подвергаются широко известные мифологические, религиозные ИС, – их 38 (28,5 %), третье место занимают фразеологизмы в основе которых лежит имя собственное, созданное языковой шуткой – 9 (6,7 %).

Наиболее частотными именами собственными в составе ФЕ псковских говоров оказались: *Фома, Иван* (в различных вариантах: *Ваня, Ванька* и др.), *Мария (Маша, Маня)*, которые закрепились в народном сознании как наиболее распространенные и национальные. Также присутствует большое количество библейских и мифологических имен, при этом отсутствуют имена литературных персонажей.

Апеллятивная семантика у ИС рождается в результате фонетического созвучия его с другими словами, языковой игры или имплицирования большого контекста, ситуации в одно имя собственное, ассоциативно с ним связанное. Экспрессивная коннотация может появляться как у «рядовых» ИС, так и у агионимов.

Таким образом, имена собственные в составе фразеологизмов отражают национально-специфичные черты, особенности менталитета русского народа, передают устойчивую оценочную характеристику, отсылая к определенным прецедентным именам. Поэтому нам кажется важным дальнейшее накопление, описание и изучение таких единиц языка.

Литература

Бетехтина Е.Н. Фразеологические единицы с антропонимическим компонентом библейского происхождения в

русском и английском языках // Библия и возрождение духовной культуры русских и древнеславянских народов. СПб., 1995. С. 20-31.

Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 224 с.

Бугаева И.В. Агионимы в ономастическом пространстве русского языка // Известия на Научен център «Св. Дасий Доростолски». Силистра: Русенски университет «Ангел Кънчев», 2006. С. 78-87.

Вознесенская М.М. Иван да Марья в русской идиоматике // XII Конгресс МАПРЯЛ «Русский язык и литература во времени и пространстве». Т. 2. Шанхай, 2011. С. 83-87.

Кисель О.В. Коннотативные аспекты семантики личных имен. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2009.

Ковшова М.Л. Теоретические и лексикографические аспекты исследования антропонимов в составе загадок, пословиц и идиом // Мир русского слова, № 1, 2021. С. 5-12.

Мещерякова О.А. Оценочная семантика паремий с антропонимом // Вторые Щеулинские чтения. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. С. 92-95.

Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М.: Высш. шк., 1989. 286 с.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Словарь псковских пословиц и поговорок. СПб.: Норинт, 2001. 176 с.

Мокиенко В.М. Фразеологизация как способ апеллятивизации имени собственного // Имиѣтата и фразеологијата имена и фразеология. Скопье, 2018. С. 207-219.

Ройзензон Л.И. Русская фразеология. Самарканд: Самарк. ун-т, 1977. 119 с.

Galimzyanov I.R. On the ways of phraseologization of stable expressions including proper names (based on the Pskov dialects)

The article discusses the ways of phraseologization of stable expressions with proper names, recorded in the «Pskov Regional

Dictionary with Historical Data» (according to the classification of V.M. Mokienko). Particular attention is paid to proper names - anthroponyms in phraseological units. Conclusions are made about productive and unproductive models of phraseologization, proper frequency names as part of phraseological units in Pskov dialects and pragmatic loading of some proper names.

Keywords: phraseological units, proper name, dialect phraseology, Pskov dialects.

Денисенко Юлия Федоровна
Институт лингвистических исследований РАН

Наименования объектов традиционной материальной культуры в Словаре русских народных говоров. Сезонная одежда: *холодай, холодёна, холодник*¹

Наименования предметов сезонной одежды с корнем *холод-* не попали в орбиту специальных исследований культурологов, этнографов, лингвистов, но широко представлены в картотеке СРНГ и областной лексикографии (что обобщено в сводном словаре – СРНГ). Анализ материалов СРНГ показывает: 1) хронологические рамки фиксации лексики, 2) основные семантические характеристики, 3) особенности обозначаемых предметов: материал, форма, детали, 4) ареал распространения, 5) степень активности. Определены способы отражения культурологических особенностей в семантике, иллюстративном материале, цитировании комментариев собирателей лексики.

Ключевые слова: русские говоры, областная лексикография, национальные особенности наименований одежды, Словарь русских народных говоров.

Работ об одежде русских и ее наименованиях в народных говорах трудно обозримое количество. Лексика одежды рассматривается в них в историческом и современном аспектах, по принадлежности к определенным лексико-семантическим группам, по отражению этносоциокультурных особенностей, фрагментов языковой картины мира и т. п. [Русские 1970, Маслова 1956, Работнова 1964, Кузнецова, Сороколетов 1995, Вардугин 2001, Гвоздева 2003, Крылова 2004, 2010, Калинина 2010, Ильина 2017 и др.].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00415.

Интересующая нас лексика принадлежит к группе наименований неосновных, дополнительных видов одежды. Это прежде всего предметы одежды для отдельных периодов сезонного времени: при наступлении более теплых, жарких дней (летом) желательна более легкая (чем основная повседневная) одежда; при приближении или отступлении холодов (осенью или весной) необходима менее теплая (чем зимой) одежда. В основе наименований такой одежды могли быть прежде всего понятия холода или тепла или конкретной сезонности (весна, лето, осень, зима). В Словаре русских народных говоров (далее – СРНГ) наиболее многочисленны наименования, соотносимые с понятием «холод» – в основе которых корень *холод-* (здесь и ниже полужирным шрифтом отмечены более употребительные и многозначные лексемы): *хо'лод* [второй омоним], *холода'ишка*, *холода'й*, *холода'йка*, *холода'йчик*, *холодайчо'нка*, *холода'н*, *холоде'йка*, *холодена* [удар.?] / *холоде'на*, *мн. холодни'*, *холодни'к*, *холодня'*, *холодня'к*, *холодя'нка* [СРНГ 52: 172-176, 184, 187-188, 196-197, 203]. Значительно меньше лексем, соотносимых с понятием «тепло» – в основе которых корень *тепл-* / *тёпл-*: *тепова'т*, *тепогре'йка*, *теплома'т* / *тё'пломат*, *теплу'ха*. Тип наименований одежды, мотивированных понятием конкретной сезонности – образованных от названий определенных сезонов, малопродуктивен: с корнем *лет-* отмечены *ле'тник*, *ле'тничек* [СРНГ 17: 18-20]; с корнем *зим-* даны *зимо'вка*, *зимо'вочка* [СРНГ 11: 278-279]; от *осен-* зафиксирована только лексема *осе'нник* [СРНГ 33: 367]; от корня *весн-* / *вешн-* названий нет. Как следует из такого краткого обзора, основными признаками, используемыми для наименований дополнительной одежды, являются «холодный» и «теплый», первый из них продуктивнее.

В группе наименований неосновных видов одежды с корнем *холод-* номинативный признак «холодный» является также основным экстралингвистическим / культурологическим понятийным признаком, важным для населения северной (по преимуществу) страны с ярко выраженным континентальным

климатом, что находит отражение и в материальной культуре одежды жителей такой страны.

Наименования с корнем *холод*- обозначают предметы женской и мужской одежды.

I. Одежда женщин весьма разнообразна.

Значительную группу составляют наименования в разной степени легких (нередко летних) носильных вещей¹:

‘(летнее) платье (обычно свободного покроя)’:

холод [второй омоним в СРНГ] Алт.², 1998, *мн. холода* «летние платья» шерстяные, широкие, длинные Тюменц. Алт., 1998;

холодаишка пропускной [цельнокроеный, неотрезной] Том. Том., 1964;

холодай Том., 1852, Алап., Камен., Красноуфим., Турин. Свердлов., Сиб., Среднеобск., Тобол., Большереч., Тарск. Омск., Кыштов., Мошков., Сузун. Новосибир., Параб., Том. Шегар. Том., Ребрихин. Алт., Кемер., Чебул., Юргин., Яшк. Кемер., Енис., Новосел., Пий-Хемск., Хакас. Краснояр., Колым. Якут., Джелтур., Шиман. Амур., Облуч. Хабаров.; [отмеченные в материалах словарных статей СРНГ особенности:] «в виде балахона, широкое [платье]» Том. Том., [платье] «полное и бористое» Сиб., *холодаи большие, широкие* Чебул. Кемер., *простое платье, широкое, в талии не собранное* Юргин. Кемер., *платье... из пяти полос,.. с рукавами,.. широкое* Новосел. Краснояр., [холодай] *длинный, как рубаха, старухи раньше носили* Шиман. Амур., «из легкой ткани (ситца, холста и др.)» Сиб., «из простого материала, носили преимущественно пожилые женщины» Среднеобск., «из дешевого материала», *старухи носили, сейчас не носят* Том. Том., *шили в пять полос, ситцевы* Яшк. Кемер., [платье] *в талии не собранное* Юргин. Кемер., *пропускной* [цельнокроеный, неотрезной] *холодай* Пий-

¹ При изложении материалов СРНГ фрагменты интерпретаций (собирателей лексики или составителей региональных словарей) отдельных языковых фактов закавычены, диалектный материал дан курсивом.

² Здесь и далее географические сокращения даны по СРНГ.

Хемск. **Краснояр.**, «приталенное платье, с юбкой на сборке»
 Алап. **Свердл.**, *обтяжной холодаи* - он в талию Пий-Хемск.
Краснряр., «на кокетке» Старожильческие р-ны **Том.**, Кемер.,
 Юргин., Яшк. **Кемер.**, *раньше носили, теперь их нет,.. спереди и*
сзади кокетка шла Пий-Хемск. **Краснояр.**, *сзади и спереди*
кокетка Мошков. **Новосиб.**, **Тобол.**, *раньше носили,.. от планки*
выше груди пришивалась перелинка [род кокетки] Новосел.
Краснояр., **Том.Том.**, Ребрихин. **Алт.** «на подкладке, с прямым,
 чуть завышенным лифом, длинным рукавом, юбкой на сборке»,
на бочку похожа [женщина в холодае] Алап. **Свердл.**;
холодайка Колым. **Якут.**, 1901, Хакас. **Краснояр.**, Юргин.
Кемер., Сквород. **Амур.**; [особенности:] из легкой ткани («дабы,
 ластика, ситца») Колым. **Якут.**, *как раздуванчик развеивается*
 Хакас. **Краснояр.**, *раньше на покос надевали,.. пропускное*
платье, с пелеринкой, свободно тако Сквород. **Амур.**;
холодаичик с маленькой пелеринкой Крив. **Том.**, 1964;
холодан в пять полос, спереди и сзади перелиночки **Том.**
Том., 1964;
холодена **Яросл.**, 1896 / *холодёна* **Яросл.**, 1968;
холодник Кинеш. **Костром.**, 1846, р. Елонь **Сарат.**, Наровч.
Пенз., **Сев.-вост.**; [особенности:] *надень холодник, на улице*
тепло стало Наровч. **Пенз.**, *в будни носят китайчатые*
холодники Кашир. **Тул.**, *молодка... в... плисовом или нанковом*
холоднике Р. Елонь **Сарат.**, «из легкой ткани» **Сев.-вост.**;
холодняк Влад., 1847;
холодянка Слобод. **Вят.**, 1881;
 ‘домашнее платье, халат’:
холодаи **Том. Том.**, 1964, **Том.**, **Омск.**, **Краснояр.**,
 Сквород. **Амур.**, «капот» **Том.**;
холодайка Бугуруслан. **Самар.**, Архив АН, Урал.
 ‘платье для беременной’:
холодаи Сузун. **Новосиб.**, 1964-1965;
 ‘широкий и длинный фартук’:
холодаи **Курган.**, 1971, «запон» Камен. **Свердл.**, *фартуки*
широкие, долгие Тюмен. **Тюмен.**;

‘род кофты’:

холодай «с рукавами, шугай» **Сиб.**, Даль (1863-1866);

холодайка **Обл.**, Архив АН, **Урал.**, «кофта, блуза» **Могилев.**, 1907; [особенности:] *в жару... полотняные носили, под вид кофтёнки легкой* Тогуч. **Новосиб.**, «из яркого холста» Тугулым. **Свердл.**, *ситцева кофтёнка* Красноуфим. **Свердл.**; «теплая, короткая», «носят зимой» **Дон.**;

холодейка **Пск.**, 1957-1961;

холодник «(как) старинный шугай» Переслав. **Влад.**, 1850, «летние кофты или холодники» Сергач. **Нижегор.**; [особенность:] «[шугай] надеваемый поверх сарафана» Кадн. **Волог.**; ср. замечание этнографа Г.С. Масловой: «Летнюю одежду такого типа [короткую, с отрезной спинкой, известную главным образом среди северных великорусов] – *холодник* шили с круглым большим воротником» [Маслова 1956: 707];

‘молодежный сарафан’:

холодай «из покупной материи,.. из двух частей – верхней узкой и нижней широкой» Тюмен. **Тобол.**, 1898;

холодник «суконный летний,.. носят девицы» Судог. **Влад.**, Архив РГО, 1850;

‘летний полукафтан’:

холодник «шелковый или бархатный» Бурнашев (1843-1844).

Значительную подгруппу составляют наименования предметов верхней в какой-либо степени утепленной одежды (преимущественно осенне-весенней):

‘предмет верхней (летней) одежды’ [без конкретизации]:

холодни, *мн.* «одежда [для лета] из русского сукна чаще белого цвета» Тамб. **Тамб.**, 1850-1851;

холодник Вязник. **Влад.**, Архив АН, 1850-е, Кинеш. **Костром.**, Вышневол., Кашин., Стариц. **Твер.**, Охан. **Перм.**, *надень холодник, на улице тепло; в холоднике ходишь, стало холодно, надо шубак надевать* Наровч. **Пенз.**;

‘легкая куртка’:

холодайка «носили осенью и весною» Велиж. **Смол.**, 2005,
Демид. **Смол.**, «фланелевая» Велиж. **Смол.**;

‘жакетка на подкладке’:

холодайка в холодную погоду поверх надевали, коротка,.. с подкладкой Суксун. **Перм.**, 1987, Камен. **Свердл.**;

‘летнее пальто’:

холодаи «прямого покроя, из покупной ткани», одевали в праздники,.. ходили к обедне, в гости,.. носили токо богатые Илим. **Иркут.**, 1970, Нижнеилим. **Иркут.**;

холодайка Порх. **Пск.**, 1904--1918;

холодаичик «легкое, неутепленное пальто», одевали в праздник, к обедне,.. в гости Нижнеилим. **Иркут.**, 1970;

холодник Вязник. **Влад.**, 1868, Нижнеилим. **Иркут.**;
[особенности:] «из сукна» Кадн. **Волг.**, «из сукна вроде кафтана» Кадн., Великоуст. **Волог.**, «из покупного сукна, без подкладки» Кадн. **Волог.**;

‘пальто’ [летнее?]:

холодянка Слобод. **Вят.**, 1881, **Вят.**;

‘род шубы, шубки облегченного типа’:

холодник «без меха» (в качестве подкладки) Вязник. **Влад.**, 1861; «на вате» Юрьев. **Влад.**, 1910.

II. Одежда мужчин. Немногие ее разновидности (легких или в разной степени утепленных вариантов) представлены только двумя лексемами:

‘майка’:

холодник: парень... всё лето в холоднике ходит Старошайг. **Морд.**, 2006;

‘длиннополый кафтан’:

холодник «нанковый» Свяж. **Казан.**, Архив РГО, 1875;

‘верхняя одежда преимущественно суженного в талии покроя’:

холодник «из ткани» Муром. **Влад.**, Балаш. **Сарат.**, **Смол.**, **Сарат.**, 1997;

‘демисезонное пальто’:

холодник Лунин. Пенз., 1945-1950, **Моск.**; [особенности:] «длинное суконное, присборенное на талии [пальто], с лифом на вате и подолом с подкладкой», *теперь не шьют... в них в церковь ходили... весной носили и осенью... на одной подкладке, а если на вате, то мало ваты, лёгкий он Моск.*;

холодняк «из грубой холщовой ткани, свободное [пальто], длинное, приталенного покроя, со сборками по бокам, на подкладке, иногда со слоем простеганной ваты по лифу», *носили осенью, зимой холодно в нём, а летом жарко... это вольная одёжина Моск.*, 1969;

‘крытый сукном полушубок’:

холодник «праздничная одежда» Балаш. **Сарат.**, 1954.

Добавим к этому перечню псковское **холодейка** ‘**фуфайка**’ (по-видимому, с отнесенностью к мужчинам и женщинам), приведенное в статье З.В. Жуковской [Жуковская 1996: 92], которое не фиксируется в источниках СРНГ (ср. выше отмеченное в СРНГ псковское **холодейка** ‘род [женской] кофты’).

В представленном материале отражено широкое и устойчивое использование такой одежды женщинами и мужчинами, молодками и старухами, девицами и парнями – в самых разнообразных ее вариантах (от весьма легких до утепленных, от шелковых, ситцевых до суконных, от длинных и широких до укороченных, приталенных и т.п.), при самых разных погодных условиях (от жары летом до подступающей стужи зимой), в повседневной жизни и в праздники – все это свидетельствует также о несомненной традиционности наименований такой одежды.

Лексика одежды с корнем *холод-* отмечается в СРНГ с 40-х гг. XIX в. по 10-х гг. XXI в. (выше приведены первые фиксации каждого значения лексем). Ряд фактов напрямую свидетельствует о том, что конкретные виды такой одежды устаревают и выходят или уже вышли из употребления (*холодники старухи носили, теперь не носят*), Этнограф Г.С. Маслова отмечает, что «[по словам Лунина из... Нижегород. губ.] “в 60-х годах [XIX в.] немного уже оставалось приверженцев сарафанов, длиннополых

сюртуков,.. холодников”, которые еще в середине XIX в. были распространены» [Маслова 1956: 560]. А вот обозначающие их названия помнят достаточно хорошо. В диалектных цитатах употребляются общеизвестные *платье, пальто, кофта, фартук* – но как видовые, родовыми же по отношению к ним – более конкретными выступают *холодай, холодник, холодянка* и под. Совершенно современно употребление *холодник* по отношению к майке – новой для традиционного крестьянского быта реалии (в мордовском источнике СРНГ 2006 г.), но это единственный факт, в других случаях наименования с корнем *холод-* поясняются наряду с общеизвестными словами активного употребления также устаревающими или устаревшими *кафтан полукафтан, шугай, запон*).

Предметный ряд рассматриваемых наименований многокомпонентен: от платья, майки до шубки, полушубка. Располагается он на шкале переходных погодных состояний между главными периодами года «лето – зима». Поскольку основное предназначение одежды (как «второй / третьей кожи») – защита человека от различных внешних воздействий, в том числе и температурных, а сезонной одежды – защита прежде всего от конкретных температурных перепадов погоды, предметный ряд рассматриваемых наименований объединяет **общий семантический признак «меньшая степень теплоизоляционности», выраженный через понятие «холодный»**: например, менее теплые (т. е. более легкие) для жаркой поры года платье *холодай* или майка *холодник* – менее теплые для предзимья шубка «без меха» *холодник* или надеваемый по праздникам крытый сукном полушубок *холодник* (а не длинные тулуп или доха на меху).

Под понятие сезонности не подпадают предметы одежды халат, платье для беременных, фартук. Но свободный, не стесняющий движения тип этих вещей сближает их со свободными платьями или широкими пальто – и также по основному семантическому признаку «холодный» в

наименованиях *холодай* для всех трех реалий и *холодайка* для халата.

Меньшая или большая «теплость» одежды создается за счет ее конструктивных особенностей (длины, ширины, облегаемости, наличия или отсутствия рукавов и др.), материала (разных тканей от шелка, ситца, холста до сукна, меха), особенностей фасона и т. д. В системе дефиниций соответствующих словарных статей сводного словаря (каким является СРНГ) отдельные значения отражены в «объединяющем» – обобщенном виде, разрозненные же, часто единичные частные характеристики реалий не могут быть включены в толкования, но по возможности полно представляются в иллюстративном материале – во фрагментах записей диалектной речи и в цитатах пояснений интерпретаторов диалектных фактов. «Связь слов с миром вещей настолько тесная, что диалектный словарь не может обойтись без описания предметов, без показа неязыковой действительности» [Крылова, 2010: 82]. Задача сводного словаря – не потерять эти разнообразные частные особенности – семантические, этнографические, культурологические и т. п. Технически это осуществляется отбором разнообразных цитат, прямым цитированием толкователей диалектных фактов, использованием маркировки с помощью знака «черный ромб» (для конкретных проявлений семантики, не дотягивающих до оттенка значения), выделением оттенков значений (для группы однотипных употреблений толкуемого слова).

Рассматриваемые наименования одежды отмечаются на обширной территории – в широких пределах Европейской России (исключая Архангельско-Мурманский регион, Карелию, Ленинградскую, Брянскую, Смоленскую обл., некоторые южные области), на Урале, в Сибири до Камчатки и Якутии, на Дальнем Востоке. На этой общей территории вычленяются два ареала: в уральско-дальневосточной зоне предпочтительнее лексемы *холодай* и его дериваты, в европейской зоне – *холодейка*, *холодѣна*, *холодник*, *холодня*, *холодняк*, *холодянка*.

Ввиду своей традиционности, широты распространения, разветвленной и своеобразной системы значений рассматриваемые наименования с корнем *холод-* по праву занимают свою нишу в лексиконе русских народных говоров – этой «подлинной энциклопедии материальной и духовной культуры народа» [Герд 2005: 11].

Литература

Бурнашев П. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного, в 2-х т. СПб., 1843-1844.

Вардугин В.И. История народного костюма от скифских до советских времен с очерками обрядов, обычаев, нравов. Саратов, 2001.

Гвоздева А.А. Этносоциокультурная обусловленность языковой картины мира // Лингвориторическая парадигма: теоретические и практические аспекты. Вып. 3. М., 2003. С. 24-30.

Герд А.С. Введение в этнолингвистику. Курс лекций и хрестоматия. 2-е изд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 457 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, в 4-х т. М., 1963-1966.

Жуковская З.В. Слова – названия одежды, обуви, головных уборов, рукавиц, украшений в псковских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1994 / Отв. ред. И.А. Попов. СПб.: Наука, 1996. С. 88-92.

Ильина Е.Н. Одежда жителей Режи как компонент локальной картины мира // Севернорусские говоры. Вып. 16 / Отв. ред. А.С. Герд, Е.В. Пурицкая. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 280-299.

Калинина М.В. Лексико-семантическое поле «одежда» как фрагмент диалектной картины мира // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2010 / Отв. ред. А.С. Герд. СПб.: Наука, 2010. С. 343-351.

Крылова О.Н. Структурно-семантическая характеристика ЛСГ «народная одежда» в севернорусских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2001-2004 / Отв. ред. А.С. Герд. СПб.: Наука, 2004. С. 218-224.

Крылова О.Н. Этнографическая лексика в диалектном словаре: проблемы лексикографирования (на материале лексики одежды) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2010 / Отв. ред. А.С. Герд. СПб.: Наука, 2010. С. 81-90.

Кузнецова О.Д., Сороколетов Ф.П. Отражение особенностей крестьянской культуры в Словаре русских народных говоров // Историко-культурный аспект описания русского языка (К 20-летию издания Словаря русского языка XI – XVII вв.). М., ИРЯ РАН, 1995. С. 153-157.

Маслова Г.С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX - начале XX в. // Труды Ин-та этнографии, т. XXXI. Восточнославянский этнографический сб. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 543-809.

Работнова И.П. Русская народная одежда. М., 1964. 76 с.

Русские: Историко-этнографический атлас. Из истории русского народного жилища и костюма. М., 1970. 206 с.

Словарь русских народных говоров. Вып. 1-52 / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. М.; Л.-СПб.: Наука, 1965-2021.

Denisenko J.F. Names of objects of traditional material culture in the Dictionary of Russian folk dialects. Seasonal clothing: *kholoday, kholodyona, kholodnik*

The names of seasonal clothes with the root *kholod-* did not fall into the orbit of special studies by culturologists, ethnographers, linguists, but are widely represented in the file of the Dictionary of Russian folk dialects and regional lexicography (which is summarized in the consolidated dictionary). Analysis of the materials of the Dictionary shows: 1) the chronological framework for the fixation of

vocabulary, 2) the main semantic characteristics, 3) the features of the designated objects: material, form, details, 4) distribution area, 5) degree of activity. The methods of reflecting cultural characteristics in semantics, illustrative material, citing the comments of vocabulary collectors are determined.

Keywords: Russian dialects, regional lexicography, national features of clothing items, the Dictionary of Russian folk dialects.

Ду Сянь

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Междометные комплексы в русской народной речи

В современном русской народной речи регулярно используются междометия и междометно-местоименные комплексы для передачи эмоций и отражения языковой экспрессии. Междометные комплексы содержат примарное междометие и расширители фонетического и лексико-синтаксического типа. В качестве фонетических расширителей используются асемантические повторы и звуковые добавки. В состав новых междометных дериватов входят звуки [х] и [й], а также сонорный [м], добавляющий экспрессию в новое слово. Используется также суффикс *-ушк-*, придающий деривату уменьшительно-ласкательный оттенок значения. Лексико-синтаксическими средствами создания междометных комплексов выступают местоимения 2-го лица в обоих числах (чаще в единственном), а также нарицательные слова с положительной семантикой.

Ключевые слова: междометие, примарное (первообразное) междометие, местоимение, междометно-местоименный комплекс, фонетическое расширение, лексико-синтаксические средства.

Междометия в русском языке (как и в любом другом) – «это класс неизменяемых слов, служащих для нерасчлененного выражения чувств, ощущений, душевных состояний и других (часто произвольных) эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность» [Русская грамматика 1980: 732]. В.А. Богородицкий отделяет междометия от других слов, относящихся к области умственных представлений, отмечая, что они «восклицания, относящиеся к области эмоциональной» [Богородицкий 1935: 106]. Известный исследователь междометий А.И. Германович пишет:

«Своеобразие слов, включаемых в категорию междометий, заключается в том, что они не являются названием чувств или волеизлияний (вроде существительных, прилагательных, глаголов или наречий). Междометия – это слова-сигналы для выражения чувств и воли человека» [Германович 1941: 28].

По формальному признаку русские междометия в основном делятся на первообразные (первичные, примарные, прототипические, непроизводные) и непервообразные (вторичные, секундарные, производные). Первообразные междометия не связаны в современном языке со знаменательными частями речи. Они представляет собой сочетание гласных и согласных звуков, подразделяясь на три основные группы:

- 1) гласный + согласные [х] и [й] (ах, ох, ух, эх, ай, ой, эй);
- 2) гласный + согласные [г], [γ], [х] + гласный (ага, ого, эге, эхе);
- 3) согласные [х] и [ф] + гласный (ха, хе, хо, фу, фи, фе) [Шаронов 2004: 661].

В народной речи в силу ее повышенной экспрессивности количество и структура первичных междометий значительно расширяется. Т.С. Коготкова справедливо пишет, что «в диалектной системе как бы сосредотачивается максимальный набор средств экспрессивного выражения» [Коготкова 1979: 80]. В различных русских диалектах используются примарные междометия с усложнённой фонетической структурой: *аихма*, *аихмах* ‘восклицание, выражающее горе’, *ахти-хти* ‘выражает удивление, сожаление и т. п.’, *ачев*, *аяй* ‘выражает удивление, изумление’, *аяё* ‘выражает ощущение боли, ужас’ [СРНГ 1: 219, 298, 301], *ой-ё*, *ой-ей-еюшки* ‘выражает удивление’ [СРНГ 23: 103], *охма*, *охмак* ‘выражает досаду, сожаление, горечь, разочарование’ [СРНГ 24: 39] и др.

В данных случаях носители народной речи прибегают к фонетическим средствам усиления экспрессии междометий. Несмотря на сложность некоторых из них, мы можем отнести эти единицы к первичным междометиям, поскольку для расширения

объёма слова используются асемантические повторы и звуковые добавки. Обратим внимание, что в состав этих междометных дериватов входят известные по первичным междометиям звуки [х] и [й], а также сонорный [м], добавляющий экспрессию в новое слово. В литературном языке отмечено междометие *эх-ма*, использующееся для выражения досады, сожаления [БТС: 1528]. В одном из сложных междометий используется суффикс *-ушк-*, придающий деривату уменьшительно-ласкательный оттенок значения.

Носители русского языка для усиления эмоционально-экспрессивного воздействия речи прибегают к лексико-синтаксическому способу расширения объёма междометия, к созданию междометных комплексов. К первообразному междометию добавляются чаще всего местоимения *ты* или *вы*, реже – другие языковые единицы. В созданном междометно-местоименном комплексе *ты* «почти полностью утрачивает своё лексическое значение и интонационно сливается с междометием: ах ты, ох ты, ух ты, их ты, ишь ты, эх ты, тьфу ты, фу ты, ну ты» [Русская грамматика 1980: 734].

Ранее мы рассматривали междометно-местоименный комплекс *ух ты* в художественных текстах XVIII–XXI веков [Ду Сянь 2021]. В литературном языке только он получило лексикографическое описание, будучи впервые зафиксированным в «Словаре современного русского литературного языка»: ~ *Ух, ты (ух ты). То же, что ух (во 2-м знач.)*. – *Ээ, благодать-то какая! Ух, ты... льет-то как! Гладк. Лихая година, 9. – Ух ты! Ну и голова у тебя! Ляшко, Сладк. каторга, I, 19. Он подошёл к ребёнку и подкинул его к потолку. – Ух ты, какая у нас сегодня нарядница! Николаева, Битва в пути, 26* [БАС 16: 1096].

Междометие *ух* во втором значении имеет помету *разг.* и дефиницию: *Выражает чувство восхищения, удивления и т. п. перед силой, необычностью, величиной и т. п. чего-либо* [Там же]. Этот междометный комплекс не вошел в «Словарь русского языка», составленным на базе БАС, в нем была только уточнена

дефиниция междометия *ух*: *Употребляется при высказывании, окрашенном каким-л. чувством (восхищения, удивления и т. п.)* [МАС 4: 538]. В «Большом толковом словаре русского языка» комплекс *ух ты* вновь зафиксирован, указано, что он употребляется «в зн<ачении> междом<етия>» и дефинирован следующим образом: *Выражает сильное удивление, восхищение чем-л. необычным* [БТС: 1408]. Определение самого междометия *ух* указывает более слабое выражение чувства по сравнению с отмеченным в той же словарной статье комплексом: *Выражает некоторое удивление, восхищение перед необычностью величиной силой и т.п. чего-л.* [Там же]. Следовательно, десемантизированное местоимение *ты* становится усилителем эмоционального воздействия междометия.

В народной речи число подобных комплексов больше. Т. В. Матвеева отмечает, что «диалекты, языковые нормы которых не кодифицированы, более свободны в использовании разнообразных ресурсов родного языка с целью усиления выразительности речи» [Матвеева 2013: 7]. Не всегда составители диалектных словарей обращают на междометные комплексы свое внимание, однако в целом лексикографические источники показывают, что в подобные единицы с усиленной экспрессией могут включаться местоимения второго лица обоих чисел, а также другие лексемы.

Междометно-местоименный комплекс *ох ты / вы* используется как обращение к кому-нибудь, выражающее упрек, укоризну, насмешку [СРНГ 24: 21]. Оно может входить в более сложный комплекс *ох ты маченьки* ‘употребляется при выражении удивления, страха, недовольства и т. п.’ [Там же]. В междометном комплексе может опускаться местоимение, он приобретает вид *ох-маченьки* с тем же значением [Там же]. Последнее слово может выступать в качестве самостоятельного междометия, оно зафиксировано в 1887 году на Урале: **маченьки**, *междом. Восклицание, выражающее сожаление* [СРНГ 18: 55]. С этой лексемой связано междометие *мача-куча*, которое используется в фольклорных текстах для выражения

удивления, восхищения. Правда, лексикографы не заметили, что оно входит в междометный комплекс, начинающийся междометием *ах*: *Замечает Зоря Кручинин, что во дворце убранство, пространство, ах, мача-куча! Вельск. Арх., 1917* [СРНГ 18: 55].

Слово *маченьки*, вероятно, является уменьшительно-ласкательным дериватом от *мачка* '1. Родная мать, матушка. 2. Бабушка. 3. Попадья' [СРНГ 18: 56]. Переход [т] > [ч] отмечен также в слове *мачеха*, *мачешник*, *мачишник* 'растение мать-и-мачеха' [СРНГ 18: 56]. Деминутивно-мелиоративное именование матери используется в качестве междометия и в литературном языке: *матушки (мои)!*; *матушки светы* 'выражает изумление, испуг, радость' [БТС: 525].

Итак, в русской народной речи регулярно используются междометные комплексы, содержащие примарное междометие и расширители фонетического и лексико-синтаксического типа. В качестве фонетических расширителей используются асемантические повторы и звуковые добавки. В состав новых междометных дериватов входят звуки [х] и [й], а также сонорный [м], добавляющий экспрессию в новое слово. Используется также суффикс *-ушк-*, придающий деривату уменьшительно-ласкательный оттенок значения. Лексико-синтаксическими средствами создания междометных комплексов с усиленным зарядом экспрессии выступают десемантизированные местоимения 2-го лица в обоих числах (чаще в единственном), а также нарицательные слова с положительной семантикой.

Литература

Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики (из университетских чтений). Изд. 5-е, перераб. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. 354 с.

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с. – БТС.

Германович А.И. Междометия как часть речи // Русский язык в школе. 1941. № 2. С. 28-35.

Ду Сянь. О междометных комплексах в художественном тексте (*Ух ты* в текстах XVIII–XXI веков) // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. 2021. № 2-3. С. 109-114.

Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология. М.: Наука, 1979. 332 с.

Матвеева Т.В. Экспрессивность русского слова. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2013. 173 с.

Русская грамматика. Т. I: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 784 с.

Словарь русского языка: в 4-х томах / под ред. А.П. Евгеньевой. Т. IV. М.: Русский язык, 1984. 792 с. – МАС.

Словарь русских народных говоров. Вып. 1 / Сост. Ф.П. Филин. М.; Л.: Наука, 1965. 304 с. Вып. 18 / Гл. ред. Ф.П. Филин; ред. Ф.П. Сороколетов. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1982. 368 с. Вып. 23 / Гл. ред. Ф.П. Филин, ред. Ф.П. Сороколетов. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1987. 376 с. Вып. 24 / Гл. ред. Ф.П. Сороколетов, ред. вып. Е.Н. Этерлей. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1989. 368 с. – СРНГ.

Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти томах. Т. 16. М.; Л.: Наука, 1964. – БАС.

Шаронов И.А. Назад к междометиям // Компьютерная лингвистика и информационные технологии: труды Междунар. конф. «Диалог-2004». М.: Наука, 2004. С. 660-665.

Du Xian. Interjection complexes in the Russian folk speech

In the modern Russian folk speech, interjections and interjective-pronominal complexes are regularly used to convey emotions and linguistic expression. Interjection complexes contain primary interjection and exponents of phonetic and lexico-syntactic type. Asemantic repetitions and sound additives are used as phonetic expanders. The composition of the new interjection derivatives

includes the sounds [x] and [y], as well as the sonorant [m], which adds expression to the new word. The suffix *-ushk-* is also used, giving the derivative a diminutive-affectionate connotation of meaning. The lexico-syntactic means of creating interjection complexes are the 2nd person pronouns in both numbers (more often in the singular), as well as common nouns with positive semantics.

Keywords: interjection, primary (primitive) interjection, pronoun, interjection-pronominal complex, phonetic expansion, lexico-syntactic means.

Дягилева Ирина Борисовна

Институт лингвистических исследований РАН

**Из истории словарей иностранных слов XIX века:
«Карманная книжка для любителей чтения русских книг,
газет и журналов» И. Ре...ф...ца¹**

В статье предлагается историко-культурный и лингвистический анализ «Карманной книжки для любителей чтения русских книг, газет и журналов» И. Ре..ф..ца, оценивается ее роль в лексикографии XIX в. Особое внимание уделяется составу словника, применяемым в словаре способам толкования.

Ключевые слова: история лексикографии, словарь иностранных слов, заимствование.

В 1837 г. было опубликовано небольшое словарное издание – «Карманная книжка для любителей чтения русских книг, газет и журналов или краткое истолкование встречающихся в них слов: военных, морских, политических, коммерческих и разных других из иностранных языков заимствованных, коих значения не каждому известны». Словарь вышел под псевдонимом Иван Ре..ф..ц. В Словаре Масанова указано, что этот псевдоним, наряду с Ре-ф-ц и Р-ц, И., принадлежит Ивану Михайловичу Ренофанцу (р.1744-ум.1798), метеорологу и ботанику [Масанов 1960: 403]. Это утверждение ошибочно, так как И.М. Ренофанц, будучи еще и выдающимся минералогом, горным инженером, членом-корреспондентом Императорской академии наук и художеств, приехал в Россию из Германии по приглашению российского правительства в 1772 г. [Сидоров 1926: 112], писал свои работы на немецком языке и псевдонимом не пользовался. Кроме того, очевидны хронологические несовпадения между его датой смерти и публикацией словаря.

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект 20-512-23009 РЯИК_а «Новая иноязычная лексика в русской и венгерской лексикографии XIX и XXI веков»).

Автор словаря, Иван Ренофанц, по-видимому, имел немецкие корни¹. Он переводил с немецкого произведения А. Коцебу, А. Лафонтена, Г.К. Пфелля, а один из переводов посвятил своей племяннице – Софье Ивановне Шмидт, урожденной Фицтум фон Экштедт, что тоже может свидетельствовать о его немецком происхождении [Пфелль 1827]. Среди служащих Военного министерства в составе Военно-учетного комитета на 1 января 1838 г. указан ученый секретарь Иван Иванович Ренофанц [Общий состав военного министерства 1838: 241]. Его имя встречается также в списке лиц, оформивших подписку на некоторые переводные издания. Такие списки иногда помещались в конце книг в первой половине XIX в. [Дюфрени 1819]. Для уточнения данных о личности и биографии автора словаря требуются дополнительные архивные изыскания, но анализ словника, в котором много военной терминологии, турецких экзотизмов (см. далее) позволяет не исключать предположение, что составителем мог быть именно ученый секретарь Военного министерства Иван Иванович Ренофанц.

Для словаря автор использовал популярное в те годы название – карманная книжка, использовавшееся для разного типа изданий, например: «Карманная книжка для егерей и птицеловов», «Карманная книжка для поваров и поварих», «Карманная книжка для новобрачных», «Карманная книжка для скорейших и верных расчетов» и др. В предисловии он отмечает, что «часто встрѣчаются в Русских книгах и в повременных изданиях наших слова, не каждому известныя и большею частию заимствованныя из иностранных языков; от чего не свѣдущему в них трудно бывает вникнуть в точный смысл иной рѣчи, темной для него иногда из какого-нибудь одного чуждаго выражения». Поэтому «цѣль этой карманной книжки .. состоит в том, чтобы

¹ Нет свидетельств о родстве с И.М. Ренофанцем, среди его детей Иван не указан.

читающим газеты, журналы и книги, пособить вполне понимать их» [Ренофанц 1837: I].

В журнале «Сын Отечества» была опубликована отрицательная рецензия на словарь. Анонимный автор упрекал автора в том, что он «объясняет такія слова, которых вовсе не найдешь в наших книгах, журналах и газетах», в орфографических неточностях при написании слов, в ошибках при толковании слов, заканчивая свой отзыв следующим сатирическим комментарием: «Г. издатель не объясняет слова: *спекуляція*; но читателям легко понять его, взглянув на Карманную книжку ‘подручную для каждого сословія, пола и возраста’» [Библиография 1837: 110]. Не во всем критик был прав: например, слова *анонсировать*, *индустрия*, *нюансы*, *рафинировать*, *элегантный* и ряд других, включенных в издание, уже употреблялись в русском языке; варианты написания *бюджет*, *обтовщик*, *обтом*, *резонанс*, использованные И. Ренофанцем, были зафиксированы в двуязычных словарях этого времени и изданных книгах, поэтому из отмеченных в рецензии орфографических ошибок следует признать только написание слова цинизм через е. Нельзя, однако, не согласиться с критикой предложенных в словаре толкований таких слов, как *дипломатика*, *метафизика*, *проза*, *поэзия*, *романс* и др.

Карманную книжку невысоко оценивали и в XX в. Так, Ю.С. Сорокин писал о ней: «Это был сравнительно небольшой словарик иностранных слов, часто встречавшихся в газетах и журналах того времени, во многом случайный по составу и дающий часто неполные, неловкие и даже неверные и произвольные толкования, не соответствующие действительному употреблению слова и в то время». В пример он приводил следующие лексемы: «сардонически – невольно, специфический – удобный, верный, надежный, способный; органический – снабженный чувством; официальный – верный, достоверный и т.п.» [Сорокин 1965: 50].

Несмотря на очевидные недостатки словаря И. Ренофанца, его часто включают в библиографию современных

лингвистических исследований и работ по истории понятий, поскольку именно в нем впервые фиксируется лексикографически целый ряд заимствованных слов, например: *абстрактный, брошюра, культура, телеграф, тотальный, тротуар, туннель, турист, факт* и др. В словаре описано около 3000 слов, которые располагаются в алфавитно-гнездовом порядке, например: *абонировать, абонент; сцена, сценический; трагедия, трагик, трагически; универсальный, универсальность*, однако производные лексемы фиксируются спорадически. Родственные слова внутри словарной статьи не всегда толкуются, ср. ФУРАЖИРОВАТЬ. Воен. Собирать в неприятельской землѣ корм для лошадей (ФУРАЖИР. ФУРАЖ). Этимологические сведения в словаре не представлены.

Хотя автор ставил своей целью объяснить читателям прежде всего непонятные слова, он включил в словник и всем известные заимствования, которые уже укоренились в то время в русском языке, например: *студент, театр, семинария, университет, шлейф, экзамен*. Составитель словаря описывает в нем большое количество военной лексики, представленной в издании не только однословными заимствованиями (*авангард, амбаркация, ретирада* и др.), но и составными наименованиями: *извъщательные посты, маршрутная карта, операционный план, опора действий, осѣдлатъ реку¹, покрытый путь²*. Пристальное внимание уделяет И. Ренофанц турецким экзотизмам. Их в словаре значительно больше, чем в предшествовавшем ему словотолкователе Н. Яновского, например: *ага, адлие, алла, асаны, аспра, ассаки, аям, базистан, байрактор, бастонада, баша, беглербег, бунчук, гаджи* и многие другие. Их включение в словник можно считать актуальным, вследствие сложных политических отношений России с Турцией: русско-турецких войн 1806-1812 гг., 1828-1829 гг., помощи в освободительной

¹ Осѣдлатъ реку. Воен. Овладѣть обѣими берегами рѣки, поставя на оных войско. [Реноф.: 185].

² Ср. Le chemin couvert (фр.). Der bedeckten Weg (нем.). Covered way (англ.).

борьбе Греции против турецкого ига – и регулярного освещения политических новостей Турции в русских газетах и журналах этого времени.

Описываются в словаре и венгерские экзотизмы, что демонстрирует личную заинтересованность автора в истории и культуре Венгрии. Ср.: **Велиты**. Так называются во Французской пѣхотѣ и у Венгерских Гусаров молодые легко вооруженные воины, употребляемые в легких стычках [Реноф.: 52]. **Инсургенцы**. Ополченники. Корпус легких Венгерских войск, обыкновенно в случае нужды набираемый [Реноф.: 100]. **Инсурекція**. Собственно значит мятеж; но слово это обыкновенно употребляется для означенія общаго возстанія противу незаконной власти. В Венгрии, именуется Инсурекціею, возстаніе дворянства по воззванію Короля, для обороны, в крайних случаях, своих границ [Реноф.: 100]. **Комитаты**. Так называются в совокупности области, воеводства или Графства Венгерскаго Королевства [Реноф.: 123]. **Магнаты**. Вельможи, принимающіе и нынѣ в Венгрии, как прежде в Польшѣ, участіе в Правленіи [Реноф.: 154]. **Палатин**. 1) Намѣстникъ Короля Венгерскаго, Вицекороль [Реноф.: 187]. **Тшайки**. Род легких галер в Венгрии с парусом и веслами, каковыя ходят по Дунаю [Реноф.: 259]. Последнее из представленных слов в других источниках не встречается.

В словнике словаря есть опечатки, например, эблема вместо эмблема [Реноф.: 296], хорография, хорограф вместо хореография, хореограф [Реноф.: 279].

Заявленная в начале издания развернутая система помет применяется автором непоследовательно. Так, при наличии помет *артил.* (артиллерийское), *воен.* (военное), *такт.* (тактическое), *фортиф.* (фортификационное) слово *штерншанц* представлено без помет: **Штерншанц**. Окоп, имѣющій вид правильнаго многоугольника, коего стороны пересѣчены входящими углами [Реноф.: 290]. Пометы *перспек.* (перспективное) и *приказ.* (приказное) используются всего один раз: **Кассационный**. Приказ. Уничтожительный; приговор что

нибудь уничтожающей или разрушающей [Реноф.: 114]. **Стереогрфія**. Перспект. Черченіе твердых тѣл [Реноф.: 243]. Широко описана в словаре музыкальная лексика, но помета *музык.* не всегда применяется, например, ее нет при словах *аппликатура, кантата, риторнелл, секстет, сольфедж*¹ и др.

При толковании слов в словаре часто применяется синонимический способ определения. Ср.: **Анданте**. *Музык. Плавно, умѣренно. Анимировать. Оживлять, одушевлять, возбуждать, поощрять* [Реноф.: 17]. **Бравый**. *Храбрый, бодрый* [Реноф.: 43]. Также используются русские эквиваленты к заимствованным словам: астрономія — звѣздословіе; атланты — бременосцы; аэрологія — воздухословіе; катапулт — стрѣломет, монотонія — одногласіе, неологія — новословіе, тафельдекер — скатертник, что отражает пуристические устремления автора [Реноф.: 26, 29, 115, 170, 248]. Широко представлены и описательные дефиниции. Ср.: **ТАРИФ**. *Ростись позволенным для привоза и отвоза товарам с означеніем пошлинных денег, сколько платить должно в Государственную казну* [Реноф.: 247]. **ЛАВА**. *Расплавленное вещество, истекающее из жерла огнедышащих гор* [Реноф.: 142]. Включение в словарную статью обширной энциклопедической информации, характерное для словарей иностранных слов XIX в. [Дягилева 2020], встречается в словаре редко, но тем более свидетельствует о языковых и культурных интересах лексикографа. Например: **БУНЧУК**. 1) *У Турок: древко с жестяною вызолоченною головкою, под которою висят на подобіе конскаго хвоста, длинные, лошадиные волосы, Их носят пред Визирями, Пашами и проч. для означенія степени их власти. Это обыкновеніе произошло от случая, когда один из Турецких Полководцев лишившись в сраженіи знамя, отргзал у лошади своей хвост и вдѣвъ на древко, вскричал: Вот ваше знамя! вперед!* 2) *В Малороссіи назывался так золотой жезл, каковый при выборѣ Гетмана вручаем был ему с прочими почетными знаками* [Реноф.: 47]. **ПАША**. *Вельможа Турецкій.*

¹ Заимствование представлено в такой форме в единичных случаях.

Начальник области и войск в одной находящихся. Пред знатнѣйшими из них посят три, а пред младшими два Бунчука. Власть Паши весьма неограниченна, а потому ведет ко многим злоупотребленіям [Реноф.: 196].

Оценивая значение «Карманной книжки» И. Ренофанца, важно отметить, что, несмотря на любительский характер издания, это был первый словарь иностранных слов, вышедший спустя 30 лет после словотолкователя Н. Яновского. Издание И. Ренофанца стало толчком к появлению большого числа новых словарей этого жанра, в которых на протяжении XIX в. происходило становление принципов и приемов лексикографического описания. И хотя в словаре можно найти много ошибок и неточностей, он является ценным историческим источником для современных исследований.

Литература

Библиография. Карманная книжка для любителей чтения русских книг, газет и журналов. Составил Иван Ре..ф..ц // Сын Отечества, ч. 183, 1837. С. 108-110.

Дюфрени К. Философические и шуточные увеселения. СПб., 1819.

Дягилева И.Б. К вопросу о метаязыке словарей иностранных слов XIX века // Материалы метаязыкового семинара ИЛИ РАН. 2017-2019. СПб., 2020. С. 127-139.

Карманная книжка для егерей и птицеловов. М., 1822.

Карманная книжка для новобрачных, сочиненная доктором Г.В. Гроссом. М., 1836.

Корделли Г. Карманная книжка для поваров и поварих. М., 1826.

Крюков А. Карманная книжка для скорейших и верных расчетов. М., 1839.

Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 4. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1960. 560 с.

Общий состав военного министерства к 1 января 1838 года. СПб., 1838.

Пфеффель Г.К. Каролина Сален / Пер. с нем. Иван Ренофанц. Ч. 1-2. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1827.

Ренофанц И. Карманная книжка для любителей чтения русских книг, газет и журналов. СПб., 1837. – Реноф.

Ренофанц И.М. Минералогическое, географическое и другие смешанные известия о Алтайских горах, принадлежащих Российскому владению / пер. с нем. В. Севергина. СПб., 1792. 528 с.: карт., табл.

Сидоров А.Н. Горное искусство // Ленинградский горный институт. Юбилейный сборник. 1773-1923. Л.: Издание Юбилейной комиссии Горного института – Изд. комис. Кассы взаимопомощи студентов ЛГИ, 1926. С. 112-117.

Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. М.-Л.: Наука, 1965. 565 с.

Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Т. 1-3. СПб., 1803-1806.

Diaghileva I.B. From the History of Dictionaries of Foreign Words of 19th century: ‘Karmannaya knizhka dlya lyubitelej chteniya russkih knig, gazet i zhurnalov’ I. Re..f..ts

The article deals with the historical, cultural and linguistic analysis of the ‘Pocket book for lovers of reading Russian books, newspapers and magazines’ by I.Re..f..ts. Its role is evaluated in the lexicography of 19th century. Particular attention is paid to the dictionary word-list, the methods of interpretation used in it.

Keywords: history of lexicography, dictionary of foreign words, borrowing.

Зюзькова Наталья Антоновна

Томский государственный университет

Отрицательно-оценочная диалектная лексика в интернет-коммуникации (на материале социальной сети ВКонтакте)

В статье выявляется наличие и степень распространенности диалектной лексемы «страмовка» в интернет-коммуникации на материале комментариев, взятых из социальной сети ВКонтакте. Определены типы дискурсов, в которых функционирует лексема: моральный дискурс, политический дискурс, дискурс национальной идентичности. Выявлены темы, в которых встречается диалектная единица: нормы морали и отклонение от них, межличностные отношения с представителями других наций, осуждение внешности, образа жизни и взглядов. Определено, что слово страмовка в социальных сетях обнаруживает локальную окрашенность.

Ключевые слова: дискурс, интернет-коммуникация, диалектная лексика, оценочная лексика, социальная сеть.

В современном русском языке областными по происхождению являются многочисленные лексемы. Активное вхождение диалектных единиц в состав современного русского языка порождает необходимость изучения конкретных проявлений этих единиц в современных языковых реалиях, в том числе в Интернет-пространстве.

Этому вопросу посвящены диссертации Л.И. Балахоновой и Е.В. Вьюковой [Вьюкова 1987], в которых диалект рассматривается как источник пополнения словарного состава современного русского литературного языка.

Новый подход к изучению диалектной лексики путем исследования ее фиксации в сети Интернет задается в работах Н.Д. Голева и Н.Б. Лебедевой, предлагающих новый тип диалектного словаря, где лексика рассматривается сквозь призму ее функционирования в российском интернете. Основу словарных статей составляет типология дискурсов, в которых

диалектное слово употребляется в интернете [Голев, Лебедева 2016, Голев 2019].

Функционирование диалектной лексики в социальных сетях рассматривается в работе И.В. Минаковой, Д.И. Распопина и И.А. Окуневой, где авторами выдвигается и путем проведения эксперимента доказывается гипотеза о существовании в письменной речи социальных сетей диалектов [Минакова, Распопин, Окунева 2021].

Цель настоящей работы – выявление наличия и степени распространенности собственно диалектных слов в интернет-коммуникации, а также определение дискурсов и тем, в которых они функционируют. В качестве источника для поиска выбрана социальная сеть ВКонтакте – Интернет-ресурс, число пользователей которого составляет 73 млн человек (данные на 2021 год). Сайт представляет значительный массив данных для лингвистического анализа: миллионы пользователей ежедневно публикуют записи и оставляют комментарии, затрагивающие самые разные темы. С помощью социальной сети мы можем проследить примеры реального употребления того или иного слова, поскольку интернет отражает актуальные разговорные практики.

Преимуществом использования сети ВКонтакте является возможность учета темпорального (дата публикации комментария или записи), локального (место проживания автора), а также количественного (число вхождений) параметров фиксации лексемы.

Ограниченность источниковедческих возможностей интернета отмечает А.В. Богданов: интернет-ресурсы редко привязаны географически к какому-либо региону или городу и не гарантируют, что пользователь, написавший сообщение на форуме какого-либо конкретного города, является носителем диалекта данного региона [Богданов 2007]. Существуют и дополнительные пути определения места проживания автора, к которым мы относим личную информацию на странице: это место проживания, а также дополнительные источники –

подписки на публичные страницы или членство в группах с локальной привязкой в названии («*ЧС Тюмень*»).

Некоторые пользователи на своей странице указывают город, в котором не проживают, и возраст или пол, которые не соответствуют реальным. В данном исследовании основное внимание было сосредоточено на определении типов дискурса и общей тематики коммуникации, в которых функционирует диалектное слово. Определение возрастных, половых и локальных характеристик находилось на периферии исследования.

Лингвисты выделяют типы дискурса на различных основаниях. При анализе дискурсивной принадлежности контекстов мы обращались к классификации, предложенной В.И. Карасиком, который отмечает, что «типологизация дискурса возможна на основании любого признака» [Карасик 2009: 32], и понимает под дискурсом «текст в ситуации реального общения» [Карасик 2016: 25]. Мы выделяем типы дискурса с позиции коммуникативной тематики, наиболее соответствующей предназначению ресурса ВКонтакте.

В качестве искомой диалектной единицы была выбрана лексема *страмовка*, содержащая семантику оценочности. Выбор обусловлен тем, что интернет характеризуется свободой для выражения мнений: возможность оставлять анонимные комментарии создает у пользователей иллюзию вседозволенности, поэтому предполагается, что пользователи часто используют лексику с оценочным компонентом. Лексема *страмовка* не зафиксирована в словарях современного русского литературного языка, в словарях жаргона и просторечной и диалектно-просторечной лексики, но представлена в диалектных словарях. Так, в Словаре русских народных говоров (далее СРНГ), единица зафиксирована в пяти значениях:

1. Женщина, которая срамит, позорит кого-л., ругая, браня. Камч., Том., Новосиб. Омск., Сиб.

2. Бессовестная женщина, ведущая предосудительный образ жизни; бесстыдница, негодяйка. Урал, Новосиб., Том., Иркут., Амур.

3. Опозоренная женщина. Том.

4. Ленивая, неряшливая женщина. Том., Омск. Вост.-Казах., Иркут.

5. Бранное слово. Пинеж. Арх., 1963 [СРНГ 41: 283–284].

Все значения связаны отрицательно-оценочной семантикой и обозначают представительниц женского пола, образ жизни которых не соответствует принятым в обществе традиционным представлениям о моральных нормах.

Единицами анализа выступают высказывания с диалектной лексемой *страмовка*. Поиск лексемы осуществлялся в социальной сети ВКонтакте, в разделе «Новости», проанализировано 60 последних комментариев (на 01.11.2021).

Полученные результаты можно представить в следующем виде.

- Количество найденных контекстов: 1774;
- Регион: Тюменская (19), Курганская (11), Новосибирская (4), Кемеровская (1), Иркутская область (1), Красноярский край (2), Ханты-Мансийский автономный округ (2), Мангистауская, Ленинградская, Волгоградская, Челябинская области (1);
- Типы дискурса: моральный дискурс (58), дискурс национальной идентичности (2), политический дискурс (1);
- Темы: нормы морали и отклонение от них (аморальное поведение), межличностные отношения с представителями других наций и рождение от них детей, осуждение внешности, образа жизни и взглядов.

Лексема обнаруживает локальную окрашенность: слово распространено на территории Уральского и Сибирского федерального округа. Единичные фиксации отмечаются на территории Южного и Северо-Западного федеральных округов и юго-западе Казахстана.

Слово *страмовка*, являющееся мотивированным и связанным со словами *страм*, *срам*, включено в моральный дискурс (58), дискурс национальной идентичности (2) и политический дискурс (1). Е.В. Беляева под моральным дискурсом понимает «регламентируемую определенными

социокультурными кодами смыслообразующую и смысловоспроизводящую деятельность, посредством которой люди создают нормативно-ценностные модели и приводят в соответствие с ними личность, сообщества и общества» [Беляева 2017: 21]. К моральному дискурсу мы относим комментарии авторов, в которых поднимается проблема соблюдения ценностей и норм, принятых в современном обществе, а также отклонение от них: *Старый хрен. Привык всё пинать, и бабка его страмовка раз молчит* (комментарий в ответ на новость о порче чужого имущества).

Дискурс национальной идентичности, по определению И.А. Бубновой, представляет собой речь, направленную на стимуляцию ценностно мотивированного социального действия, и служит для укрепления чувства национального самосознания [Бубнова 2015: 74]. Это комментарии, осуждающие русских женщин за отношения с представителями других национальностей, а также рождение от них детей. В подобных контекстах дискурс национальной идентичности тесно связан с моральным дискурсом: в представлении некоторых авторов, межнациональные отношения, подразумевающие интимную связь с представителями иных культур, нарушают нормы поведения и морали: *«А если рожаете то уж точно не от русских, страмовки»*. В этом случае можно говорить о переплетении нескольких дискурсов в рамках одного контекста.

Е.И. Шейгал называет политическим дискурсом «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относятся к сфере политики» [Шейгал 2000]. К этому типу дискурса относится комментарий автора, осуждающего чиновника за высказывание о том, что в коррупции виноваты сами граждане. Комментарий может быть отнесен и к моральному дискурсу, так как поднимает вопросы нравственного характера.

Основная тематика комментариев с лексемой *страмовка* – отклонение от принятых норм и аморальное поведение, вопросы межличностных отношений. Выделяются следующие действия,

подвергаемые осуждению: отношения или действия интимного характера между людьми одного пола, воровство, убийство, неряшливость употребление бранной лексики, измена, неумение готовить и др.

Все эти действия связаны с нарушениями норм приличия, существующими в современном обществе. Наиболее постыдными считаются однополые отношения и публикация интимных фотографий: они неприемлемы как среди комментаторов-женщин, так и среди комментаторов-мужчин.

Страмовкой называют преимущественно бессовестную или опозоренную женщину (часто эти значения пересекаются внутри одного контекста): *«Страмовки прославидись на ровном месте щас наверное оправдываются»*. Реже – ленивую и неряшливую женщину: *«Уроды моральные, приехали порыбачить, дак бабы страмовки как [...] свою вытирали так и накидали салфеток кровавых, и ещё мусор, мы все убрали, свиньи бессовестные, и пляж на песках тоже [...]»*, а также женщину, срамящую или позорящую кого-либо, ругая, браня: *«Твоим ртом страмовка старая. И похабная»*. В некоторых однословных комментариях, имеющих цель оскорбить собеседника, слово можно классифицировать как бранное.

Все рассмотренные примеры использовались авторами в адрес женщин, за исключением одного, адресованного мужчине, неуважительно относящемуся к представительницам женского пола. В некоторых контекстах с лексемой **страмовка** содержится нецензурная лексика. В части примеров не удалось определить тип дискурса и конкретную тематику: это однословные высказывания, используемые авторами для оскорбления других пользователей.

Многочисленные примеры использования лексики **страмовка** объясняются тенденцией к демократизации языка, отклонением от кодифицированной нормы в неофициальной интернет-коммуникации, а также эмоционально-оценочной семантикой единицы и относительной свободой вербального выражения мыслей, характеризующей социальные сети и

интернет в целом. Распространенность слова может быть обусловлена и тем, что оно является мотивированным. Словесная раскованность, присущая Интернет-ресурсам, позволяет оставлять комментарии с использованием различных пластов лексики, в том числе и диалектной.

Инструментарий социальной сети ВКонтакте, несмотря на специфические особенности, позволяет проследить функционирование лексем во времени и пространстве, сделать вывод об их «жизни», определить типы дискурсов и темы, в которых они употребляются. В перспективе исследования – выявление особенностей функционирования диалектной лексики с эмоционально-оценочным компонентом в разных типах дискурса.

Литература

Беляева Е.В. Параметры морального дискурса // *Веснік Брэсцкага ўніверсітэта*. Сер. 1. 2017. № 1. С. 20–26.

Богданов А.В. Исследование городской диалектной лексики с помощью поисковых систем // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Материалы междунар. конф. «Диалог 2007»*: [Электронный ресурс:] URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2007/materials/html/09.htm> (дата обращения: 15.10.2021).

Бубнова И.А. Дискурс национальной идентичности на постсоветском пространстве // *Язык, литература и культура как грани межкультурного общения: Материалы международного научного семинара, Прага, 26 октября – 02 2014 года*. 2015. С. 69–83.

Вьюкова Е.В. Диалектный источник пополнения словарного состава современного русского литературного языка (1940-70-е годы XX века): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1987. 283 с.

Голев Н.Д., Лебедева Н.Б. Современный интернет-словарь диалектной лексики // *Сибирский филологический журнал*. 2016. № 2. С. 125–133.

Голев, Н.Д. Дискурсивный словарь диалектной лексики Новейшего времени (на материалах Рунета): инновационный

лексикографический проект // Вопросы лексикографии. 2019. № 16. С. 113–137.

Карасик В.И. Комментарий как жанр герменевтического дискурса // В. И. Карасик // Язык, коммуникация и социальная среда. 2009. № 7. С. 32–47.

Карасик В.И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 1 (21) С. 17–34.

Минакова И.В. Исследование диалектов в письменной речи социальных сетей / И.В. Минакова, Д.И. Распопин, Е.А. Окунева // Успехи гуманитарных наук. 2021. № 3. С. 211–221.

Словарь русских народных говоров. Вып. 41: Ссувориться — Стригчись / Гл. ред. Ф.П. Сороколетов; составители: Н.И. Андреева-Васина, Е.В. Колосько, О.Н. Крылова. СПб.: Наука, 2007. 342 с.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 368 с.

Zyuzkova N.A. Negative and evaluative dialectal vocabulary in Internet communication (on the social network VKontakte)

The article reveals the presence and degree of prevalence of the dialect lexeme "stramovka" in Internet communication on the material of comments taken from the social network VKontakte. The types of discourses in which the lexeme functions are determined: moral discourse, political discourse, national identity discourse. The themes in which the dialect unit is found are identified: moral norms and deviation from them, interpersonal relations with representatives of other nations, condemnation of appearance, lifestyle and attitudes. It is determined that the word stramovka in social networks reveals local coloring.

Keywords: discourse, Internet communication, dialectal vocabulary, evaluative vocabulary, social network.

Козлова Ксения Александровна

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

**Антропонимы в народном календаре
(на материале современных говоров Саратовской области)**

В статье рассматривается специфика актуализации антропонимов в названиях праздников народного календаря в речи диалектоносителей сел Белогорное и Земляные Хутора Саратовской области. В результате проведенного анализа были отмечены единичные случаи предоставления информантами подробных разъяснений названий и традиций праздников, активное использование церковно-народного календаря, частое употребление диалектоносителями усеченной формы праздника, в том числе с потерей антропонимического компонента. Установлено, что праздники выполняют функцию временного маркирования.

Ключевые слова: народный календарь, диалектоноситель, антропоним, православные праздники, временной маркер.

Народный календарь несет в себе древнюю традицию, ведь события, имеющие священное значение для жизни людей, являются важной частью любой культуры. Наиболее отчетливо эта значимость прослеживается на примере жизни и быта в сельской местности, так как большая часть русского населения вплоть до XX века проживала в деревнях и селах, объясняя многие внешние явления окружающей действительности в рамках религиозных воззрений.

Источниками календаря являются месяцесловы дохристианского и древнехристианского периода. Провести линию и четко их разграничить не представляется возможным, поэтому мы условно выделили во всем их многообразии 3 основные единицы. *Языческий календарь* славян различает «месяцы и отдельные праздничные дни, к которым

приурочивались моления богам, различные жертвоприношения и прочие обряды» [Шапарова 2001: 560]. Принятие христианства на Руси дало толчок к образованию *церковного месяцеслова*, который частично смешался с языческим, в результате чего возник *народный календарь*. Сейчас кроме календаря гражданских праздников мы имеем дело с так называемым церковно-народным месяцесловом. Именно этот термин, по словам А.Н. Розова, подчеркивает связь народа и церкви.

Объектами нашего исследования стали реализованные в диалектной речи номинации праздников, в которых встречаются антропонимы. Для анализа были выбраны материалы подкорпусов «говор с. Белогорное» и «говор с. Земляные хутора» Саратовского диалектного корпуса, создаваемый в Центре народно-речевой культуры им. Л.И. Баранниковой (СарДК). Информантами являлись люди пожилого возраста, беседы с носителями диалекта велись в неофициальной обстановке.

Выборка контекстов показала, что носителей диалекта можно условно поделить на **две группы**: для первой, куда мы отнесли верующих информантов (последователи официальной церкви и старообрядцы), восприятие праздника сакрально, наблюдаются разные тенденции в их именовании. У второй же группы – тех, кто не причисляет себя к определенной религии, актуализируется светское понимание праздника.

В речи религиозных и воцерковленных информантов номинации праздников актуализируются в ходе разговора самостоятельно, без наводящих вопросов со стороны диалектолога. Стоит отметить и то, что в сознании диалектоносителя сохраняется не только само понятие праздника, но и понимание священности, значимости его традиций:

• *вот у меня лежит книга/ она называется «Цветная Триодь»/ ну тут-то правда службы/ к любому **празднику** службы/ всё//;*

• *- мы в любой **праздник** не радуемся/ мы читаем с умилением//*

- А торжественно?

- да/ торжественно/ мы// мы не радуемси// и в честь праздника мы не выпиваем/ ничего/ мы такие торжества не делаем// это погрешно//

Несмотря на то, что большинство информантов относились к одной из конфессий, в нашей выборке чаще всего встречались случаи, когда именно с помощью прямого вопроса диалектолога инициировался рассказ информанта:

• - А вот **праздники** какие раньше были?

- ну какие/ Паска была// Рожество// я это / упала с возу / у меня сотрясение мозгов/;

• - А какие у Вас раньше **праздники** были?

- А я щас уж дочк и забыла / я щас забываю каки праздники/ забываю// Вот знаю одно воскресенье// А вот были праздники большие// Я даже и ни знала// Каки уш мне праздники/ уш памяти то её нет//

Это может означать, что в момент речи религиозная составляющая жизни не осознается как основополагающая наравне с бытовой сферой.

Общеизвестно, что советский период с его разнообразными притеснениями верующих и ущемлением их прав оставил свой след в сознании людей старшего поколения. Наши информанты не стали исключением. В обоих селах встречаются неверующие жители, и в их восприятии тоже можно проследить определенную тенденцию – в момент соответствующего вопроса от диалектолога рассказ идет о государственных праздниках:

• - А **праздники** были у вас какие-нибудь?

- Праздники?//

- Да.

- Раньше/ вот тогда как-то не отмечали праздники/ праздники стали отмечать.../ это в каких годах-то?//ну у меня уж робята были/ я уж замужем была// тут стали отмечать/ колхозные праздники стали делать// вот//;

• знаете/ как справляли все **праздники**?/ на квартирах/ тогда не ходили по этим/ по уке...[укендам]/ ну/ по природе/

тогда большинство на квартирах/ все праздники такие вот/ не божественные/ а вот эти/ советские все празднества/ новый год/ седьмое ноября / первое мая/ день победы/ вот такие вот все празднества// весело было [м-м]// очень весело//

Наиболее часто в речи актуализировались праздники, которые связаны с жизнью и деяниями *Иисуса Христа, Богородицы, Иоанна Предтечи*. Мы наблюдаем, что в памяти верующего человека сохраняется их полная номинация, в некоторых случаях информант может даже объяснить название, которое отражает содержание праздника:

• *ну вот Усекновение головы тут есть/ Успенье вот/ Успенье Богородицы/ это ведь что за праздник? вы слышали/ нет?// <...> // вот/ вот это Успенье пресвятой Богородицы/ это её/ смерть//*

Однако это нечастое явление, и у большинства информантов теряется связь формы с содержанием несмотря на то, что они упоминают важные для христианской традиции праздники.

Например, 14-го октября по новому стилю верующими празднуется Покров Пресвятой Богородицы. В народной традиции к этому времени (1 октября по старому стилю) заканчивались сельскохозяйственные работы, открывался сезон осенних свадеб, а также первых приготовлений к зиме. Нами же не было отмечено в контекстах особого отношения к данному празднику среди диалектоносителей:

• *Это вот как раз было// четырнадцатого-то Покров Богородицы/ праздник/ Покров был/;*

• *А этот это/ поёт/ служит// Вот Покров/ там ещё какие-то тут праздники все он служит// Приезжает//*

Упомянув праздник, информант не приводит его полное название, не рассказывает о традициях этого дня и не соотносит его со своей жизнью. Номинация праздника воспроизводится только в усеченном виде.

Актуализация в речи названий праздников часто сопровождалась ошибками, но иногда эти ошибки осознавались диалектоносителями самостоятельно:

• *Иван Приттечи/ сесение головы// Вот они все тут праздники/ пойдут в июле/ по-старому// Ой/ по-новому// Вот я и плутаю// Сейчас июль/ а **Петров** день 29 июня// Где уж он?// А тут праздники// А у меня численника нет// А тут у меня коли так/ коли эдак//*

Мы отмечаем, что в момент речи сам праздник не имеет сакральной важности для человека. В данных контекстах, диалектоноситель старается разобраться в датах, а не рассказать о самом дне.

Из-за похожего фонетического облика слов, в сознании языковой личности может происходить путаница и в названиях праздников:

• *а ещё будет вот пятнадцатого// это по-старому/ двадцать восьмого по-новому –ту/ **Сретенье** будет// **Сретенье**// нет/ вру// **Успенье**// **Успенье**// всёму соспенье// а мы всё выдрали безовремя//*

Для говорящего здесь не важна привязка к Богородице, соответственно теряется святость самого дня. Поговорка «всему соспенье» только усиливает важность народной составляющей этого праздника в сознании человека. Это время соотносится в первую очередь со сбором урожая, так как праздник Успения Пресвятой Богородицы выпадает на конец августа.

Упоминание праздника в качестве временного маркера нередкое явление в рассматриваемых контекстах:

• ***Петров** день-то у нас 12 июня что ли?// Это теперь что же будет-то/ это что же будет-то/ у нас в 58 году/ в 58 году/ это сколько же будет?// Ну/ почти 50 лет/ да?//*

В данной ситуации диалектоноситель соотносит день своей свадьбы и праздник не случайно – в народном календаре эта дата связывалась с началом сезона летних свадеб.

Информантами часто упоминался День святых апостолов Петра и Павла. Православные христиане в этот день завершают

пост, который связан со смертью апостолов и их переходом в вечную жизнь:

- *а вот пост то здесь это/ это вот строгий пост// остальные вот все дни ешьте/ среду пятницу не ешьте/ хоть в пост/ вот хоть в **Петровки** вота/;*

- *Да вот впору сейчас это// Сейчас **Петров пост**/ вот// рыбу/ ничего/ даже без масла// А в среду сухоедение/ фрукты сухие// А там вот эти/ рыбу/ в пятницу тоже сухоедение// Да// Ну/ он не такой строгий//*

Однако и здесь не была отмечена ни одним из информантов связь названия праздника и его содержания.

Последовательное перечисление номинаций праздников встретилось единожды. В ряду названных диалектоносителем торжественных дней, можно отметить названия и из церковного, и из народного календаря, но все номинации приведены в усеченной форме. Можно предположить, это связано с тем, что диалектоносители считают данные праздники широко известными и почитаемыми повсеместно, поэтому для собственного удобства и быстроты речи они неосознанно используют именно сокращенные формы:

- - *А вот расскажите о праздниках церковных.*

- *Ну/ какие праздники ти? вот/ Успенье будет/ потом **Иван Поститель** будет/ Вздвигенье придёт за ним/ и крещенский сочельник// вот эти три праздника/ это три дня/ не ешьте скоромного/ вот // а там за **Иван Постителем** будет что ль/ **Вздвигенье**/ а за Вздвигеньем будет **Покров**/ вот говорили нам **Покров**-то/ откроют церкву ту/ да нет наверно/ не сделают наверно//*

Несмотря на знание диалектоносителем многих праздников церковного календаря, он не стремится рассказать о них самостоятельно, объяснить значение. Единственное, с чем он их связывает, так это с наличием поста или отдельных постных дней, традиция которых вряд ли понимается говорящим.

Выше уже отмечалось, что народный календарь представляет собой синтез нескольких месяцевловов. Тенденцию

к разному наименованию праздников мы отметили в следующих контекстах:

1. Широко известный День памяти святого Николая Чудотворца или Никола (Микола) зимний: *а Микола – она чудотворец/ дочка // поняла? это знаешь/ в году раз она бывает/ Микола//; Ну как всё равно вот/ скажем/ Никола/ там/ осенний зимний есть/ вот он приезжает/ и мы тогда знали/ ага праздник/ мы тоже уже ничего не делали/*

2. Егорий Вешний (Юрьев день) – народное название церковного дня памяти святого великомученика Георгия Победоносца: *а Егорий бывает в году два раз// весенний/ и осенний/ Егорий// вот// волк вот скоро за/ вот осенью Егорий будет вот/ волк за овцой придёт//*

3. Народный праздник восточных славян Ивана Купала совпадает по времени проведения с христианским праздником Рождества Иоанна Предтечи, однако в сознании диалектоносителя сохранился именно народный вариант:

- *А Иван Купала у вас тут отмечают/ праздник/ обливают водой?*

- *Да/да/ это раньше обливались смеялись грах/ а сейчас облей/ сейчас убьют э/ поьют/ а раньше прям друг от дружки// кто друг дружку тащат в речку/ кто из ведра подбежит сзади ухнет/ тогда как-то и смех/ и всё было//*

4. Кузьминки осенние – праздник народного календаря славян. Его название происходит от имён святых бессребреников Космы и Дамиана Азийских, но, несмотря на это, сохраняется именно разговорный облик номинации праздника: *раньше говорят делали/ вот дед мне говорил/ говорит/ када подожд../ ща у них на Кузь.../ Кузьма Демьяна есть такой праздник/ вот он по моему это осенью будет/ говорит/ дочка тридцать четыре свадьбы было на это/ на Кузьму Демьяна/ и все приезжали в церковь венчаться/*

В Земляных Хуторах Кузьминки являются так же и престольным праздником, однако в контекстах мы не находим

его подробного описания, встречается только упоминание отдельных народных традиций (открытие сезона свадеб):

- *А в деревне у вас есть свой праздник?*

- *Есть как жех-э//*

- *Расскажите*

- *Ну этот как его/ Михайлов день это в Синельевке/ а у нас*

Кузьминка//

- *Кузьминка?*

- *Да все время вот свадьбы делают и празднуем обязательно/ гуляем//*

- *Он когда?*

- *14/ ноября/*

Переходя к выводам, мы отмечаем, что, сельские жители активно используют общий церковно-народный месяцеслов, именно поэтому в их речи появляются названия как церковных праздников, так и праздников народного календаря. Вместе с тем, в контекстах не выявлено ярких диалектных черт на лексическом уровне, мы соотносим речь информантов с разговорной.

Необходимо отметить, что сакральное значение праздников полностью осознается только глубоко верующими представителями анализируемых говоров: они используют в речи полное название праздников, знают его традиции, говорят об этих днях по своей инициативе. Однако чаще мы наблюдали усеченные номинации, потерю антропонимического компонента и отсутствие в сознании людей связи названия особого дня с его внутренним смыслом. Праздник для них выполняет лишь функцию временного маркера.

Литература

Каменская Ю.В. Христианские праздники в современной диалектной картине мира // XXXII Кирилло-Мефодиевские чтения: 1150 лет славянской письменности: Международная научно-практическая конференция преподавателей истории, языков и культуры славянских народов, Самара, 23–24 мая 2013.

Самара: Самарский государственный университет, 2013. С. 192-196.

Розов А.Н. Народный календарный праздник и православие // Человек. Культура. Образование. 2018. № 4(30). С. 122-132.

Шангина И.И. Русские традиционные праздники. СПб.: Азбука-классика, 2008. 336 с.

Шапарова Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии: около 1000 статей. М.: АСТ [и др.], 2001. 622 с.

Kozlova K.A. Anthroponyms in the folk calendar (based on the material of modern dialects of the Saratov region)

The article discusses the specifics of the actualization of anthroponyms in the names of holidays of the folk calendar in the speech of dialect speakers of the villages of Belogornoye and Zemlyanye Farms of the Saratov region. As a result of the analysis, there were isolated cases of informants providing detailed explanations of the names and traditions of holidays, active use of the church-folk calendar, frequent use of the truncated form of the holiday by dialect speakers, including with the loss of the anthroponymic component. It is established that holidays perform the function of temporary marking.

Keywords: folk calendar, dialect carrier, anthroponym, Orthodox holidays, time marker.

Костина Екатерина Дмитриевна
Санкт-Петербургский государственный университет

История словообразовательного гнезда с вершиной ‘вкус’

В статье представлены результаты диахронического изучения словообразовательного гнезда с вершиной ‘вкус’ на материале словарей русского языка разных эпох и видов с использованием данных Национального корпуса русского языка. Рассматриваются процессы пополнения состава производных слова *вкус*, утраты производных, их семантическая и стилистическая эволюция. Выявляется специфика диалектной лексики и современного употребления новейших производных этого слова.

Ключевые слова: словообразовательное гнездо, слово *вкус*, история русского языка, или историческая лексикология, семантическая эволюция.

Лексико-семантическое поле слов, обозначающих вкусовые ощущения, изучено подробно, однако родовое понятие *вкус* и круг его производных слабо охарактеризованы с точки зрения диахронии. Главным для исследователей представляется процесс развития отвлечённого значения ‘чувство изящного’ у слова *вкус* посредством семантического калькирования в XVIII в. [Виноградов 1999: 96–98, Rothe 1980: 493–504]. Целью настоящей статьи является обзор развития словообразовательного гнезда с вершиной *вкус* на материале исторических, толковых и диалектных словарей русского языка с использованием данных Национального корпуса русского языка [НКРЯ]. Важно отметить, что в работе не рассматриваются бесприставочные образования с этим этимологическим корнем (*кушать*) и слова с другими приставками (*искушать*, *покушаться*).

В современном русском языке сосуществуют два омонимичных корня *-кус-*: *вкус* и его производные содержат

заимствованный из готского языка корень *kus-, в то время как в глаголе *кусать* ‘отделять, сдавливая зубами’ и родственных словах – исконный корень *kqs-. Говоря о первом корне, М. Фасмер подчеркивает, что «о родстве с *кус*, *ку́сать* не может быть речи» [Фасмер II: 432].

По данным словообразовательного словаря, в современном русском языке фиксируется 26 лексем, входящих в словообразовательное гнездо с вершиной **вкус**: *вкус*, *вкусовой*, *вкусовщина*, *пищевкусовой*, *вкусный*, *вкусно*, *невкусно*, *невкусный*, *вкуснота*, *превкусный*, *превкусно*, *вкусовщина*, *безвкусный*, *безвкусно*, *безвкусица*, *безкусие*, *привкус*, *вкусить*, *вкушать*, *вкушаться*, *вкушение*, *предвкушать*, *предвкушаться*, *предвкушение*, *предкусие* [Тихонов I: 177]. Формирование этого гнезда берет начало в древнейшем историческом периоде. В классическом старославянском языке фиксируется всего четыре лексемы, относящиеся к исследуемому гнезду: 1) **вѣкѹснѹти** ‘принять, попробовать пищу’; 2) **вѣкѹсѹ** – ‘пробование пищи’; 3) **вѣкѹшатѹ** – ‘принимать, пробовать пищу’; 4) **вѣкѹшение** – ‘принятие, пробование пищи’; особо отмечается единичное употребление страдательного причастия *невѣкѹшеныи* в значении прилагательного ‘неиспытанный’ [Старославянский словарь 1994: 144]. Таким образом, слово **вкус** в старославянском языке фигурирует только в значении ‘пробование пищи’, значение ‘ощущение от принимаемой пищи’ еще не зафиксировано. Тем самым подтверждается отглагольность существительного **вкус**.

Для древнерусского периода, согласно данным словарей [Срезневский; СлРЯ XI–XVII; СлДрЯ], характерно увеличение числа производных: фиксируются существительное **вкѹшь** ‘вкусовое ощущение, чувство’ [СлРЯ XI–XVII II: 205]; глагол **вѣкѹшатѹся** в переносном и единственном значении ‘пытаться, стремиться’ [СлДрЯ II: 156], глагол **вѣкѹшивати** ‘испытывать, вкушать’ [СлДрЯ II: 156]; прилагательные **вѣкѹснѹи** ‘вкусовой’ с развитием отвлеченного значения ‘испытанный, познавший какое-либо чувство, ощущение’ [СлДрЯ II: 155] и **невѣкѹсивѹи** – ‘не отведавший, (ничего) не евший’ [СлРЯ XI–XVII XI: 47].

Последнее слово – единичный пример деривата с отрицательной приставкой *не-*. Суффиксальный способ словообразования более продуктивен (*вЪкУсьный, вЪкУшатися и вЪкУшивати*).

Старорусский период развития русского языка характеризуется активным развитием приставочных дериватов с отрицательной приставкой *не-*. Словообразовательное гнездо пополняется существительными (*невкусное* – ‘невкушение, неупотребление в пищу’ [СлРЯ XI–XVII XI: 47]), прилагательными (*невкусный* ‘не вкусивший, не познавший, не испытывавший чего-либо’ [СлРЯ XI–XVII XI: 48]) и наречиями (*невкусно* ‘не отведав, не изведав’ [СлРЯ XI–XVII XI: 47]).

XVIII век стал переломным в аспекте семантического развития исследуемых образований. В этот период в языке появляется большое количество дериватов от слова *вкус*. В словарях фиксируются существительные *вкусность* (‘свойство вкусомъ, на вкус приятнаго’ [САР I: 536]), *безвкусность* (что примечательно, лексема появляется сначала в значении ‘отсутствие вкуса, пресность’ [СлРЯ XVIII I: 165]), глагол *предвкушать* (‘предварительно вкушать, ощущать удовольствие въ чайнии событія желаемаго’ [САР V: 162]), прилагательные *безвкусный* (‘не имеющий никакого вкуса; пресный’ [СлРЯ XVIII I: 165]), *вкусностельный* (окказионализм Г.Р. Державина [СлРЯ XVIII III: 191]), наречия *вкусно* (включая переносные значения ‘изящно’ и ‘приятно’ [СлРЯ XVIII III: 191]), *безвкусно* [СлРЯ XVIII I: 165], *невкусно* [СлРЯ XVIII XIV: 142]. Активизируется префиксальный способ словообразования, в том числе в сочетании с суффиксальным (*безвкусный, предвкушать*).

По данным лексикографических источников XIX века [Словарь 1847; Словарь Грота], в этот период продолжается процесс пополнения производных. Фиксируются новые дериваты, содержащие приставку, в том числе отвлеченные существительные: *безвкусица, безвкусие* (‘отсутствие вкуса’ [Словарь 1847 I: 27]), *предвкусить* (‘предварительно вкусить’ и ‘напередъ мысленно предощущать что-либо, предощущать’ [Словарь 1847 III: 426]) и *предвкушение* (‘предварительное

вкушение' и 'предошущение ожидаемого' [Словарь 1847 III: 427]). В словаре под ред. Я.К. Грота впервые фиксируется суффиксальный дериват *вкусовой* с указанием на специальный характер слова [Словарь Грота I: 436]. В словарях отмечено и уменьшительное суффиксальное образование – *вкусець* [Словарь 1847 I: 131; Словарь Грота I: 436]. Однако примеры употребления этой лексемы в НКРЯ не были обнаружены.

Согласно словарям XX – начала XX вв. [Словарь Ушакова; БАС, Словарь Ожегова; МАС; БТС; БАС-3] наибольшее количество новых лексем отмечено среди существительных. Новое слово *привкус* впервые фиксируется в значениях 'посторонний вкус в каком-нибудь кушанье, что-нибудь, вызывающее дополнительное вкусовое ощущение' и 'посторонний, добавочный элемент в чем-нибудь, влияние, веяние чего-нибудь' (разг.) [Словарь Ушакова III: 773]. Отмечены экспрессивные суффиксальные дериваты. Появляется стилистически отмеченная лексема *вкусовщина* [Словарь Ожегова 1988: 70], существительные *вкуснота* и *вкуснотища* отмечаются впервые со стилистической пометой «разг.» [Словарь Ожегова 1988: 70]. Лексема *вкусность* есть и в словарях XIX века, но только в значении 'свойство вкуса' [Словарь 1847 I: 131]. В БТС впервые фиксируется лексема *вкусности* в значении 'вкусные кушанья, продукты питания' [БТС: 135]. Однако НКРЯ фиксирует вхождение слова в этом значении еще в середине XIX века. Таким образом, словарная фиксация отстала от узуса примерно на 100 лет. Расширяется количество используемых суффиксов: так, отмечается разговорное существительное *вкуснятина* [БТС: 135].

Класс прилагательных пополняется сложным прилагательным *пищевкусовой*, образованным словосложением. Оно отмечается в словаре под ред. Д.Н. Ушакова в значении 'занятый изготовлением продуктов, потребляемых в пищу' с указанием на новый и специальный характер слова [Словарь Ушакова III: 274]. Разговорные лексемы образуются за счет экспрессивных суффиксов и приставок с усилительным

значением: *вкуснущий*, *вкуснющий* [БТС: 135], *превкусный* и *превкусно* [БАС XI: 72].

Наряду с пополнением состава словообразовательного гнезда в ходе развития русского языка наблюдается утрата некоторых производных. Исчезали ограниченные в употреблении образования. Так, древнерусский глагол *вѣкушивати* ‘испытывать, вкушать’, использовавшийся редко и в узком контексте (например, *сна вѣкушивати* [Срезневский I: 377]), постепенно выходит из употребления. Не закрепилось окказиональное сложное слово *вкусностѣлый* [СлРЯ XVIII III: 191]. Причину утраты отдельных слов можно видеть и в семантическом развитии центрального слова гнезда, постепенно утрачивавшего свой отглагольный характер и первоначальную сему ‘пробование’. Так, вышли из употребления древнейшие образования *невкусивый* и *невкусѣ*, использовавшиеся для описания пробы на вкус.

Лексемы, входящие в описываемое словообразовательное гнездо, переживали семантические изменения. Процессу семантического расширения подверглись ключевые слова этого гнезда – *вкус* и *вкусный*. Первоначальное значение слова *вкус* ‘пробование, опробование’ изменилось на ‘качество пищи, ощущаемое при еде или питье’, а позднее, в середине XVIII века, слово *вкус* приобрело отвлечённое значение ‘чувство изящного’ как семантическая калька французского слова *gôût*. В современном русском языке ощутима тенденция к окончательному разделению слова *вкус* на два омонима – первый связан с физическим ощущением, а второй – с отвлечённым понятием [Словарь Ожегова 1988: 70].

Существенные семантические изменения претерпело прилагательное *вкусный*. Оно утратило сему ‘вкусовой’, и уже в XVIII в. основным значением стало ‘приятный на вкус’ [СлРЯ XVIII III: 191]. Исходное значение прилагательного *невкусный* ‘не вкусивший, не познавший, не испытывавший чего-либо’ [СлРЯ XI–XVII XI: 48] сменяется значением ‘не имеющий приятного вкуса, неприятный на вкус’, с дополнительным оттенком

значения 'безвкусный', которое впоследствии утратилось [СлРЯ XVIII XIV: 142].

Помимо значения, могла изменяться и стилистическая окраска слова. Так, слово *привкус*, попав в словари в первой половине XX века, поначалу отмечается как разговорное ([Словарь Ушакова III: 738]), впоследствии характеризуется как нейтральное ([БАС XI: 379]), а затем в переносном значении приобретает помету «книжн.» ([БТС: 972]). Лексемы *вкусить* и *вкушать* стали основой для формирования книжных фразеологизмов *вкушать сон* 'спать', *вкушать смерть* 'умереть', которые во второй половине XX в. получают пометы «устар.» и «ирон.» [МАС I: 182].

В результате анализа диалектных словарей [Даль; СРНГ; ПОС] можно выявить лексемы, не встречающиеся в литературном языке: *невкусица* 'невкусная їда, стряпня; || безвкусица, неизящное' [Даль II: 1091], *вкусня* 'яичница с ломтями белого хлеба на молоке и масле' [Даль I: 187], *безовкусица* 'пища, лишенная ярких вкусовых свойств' [ПОС I: 156], *вкуситься* 'начать есть, пить, не отрываясь (о животных)' [ПОС IV: 44]. Возможны и семантические диалектизмы, например *вкусный* 'кислый' [СРНГ IV: 314]. Для диалектов характерно большее количество экспрессивно окрашенных слов: *невкуснящий* 'очень неприятный на вкус, неаппетитный' [СРНГ XX: 346], *вкуснина* [ПОС IV: 44], *вкуснятина* [ПОС IV: 44], *прескусный* [СРНГ XXXI: 90]; встречается фонеморфологическое явление редупликации, например *вкуснятятина* [ПОС IV: 44].

Развитие словообразовательного гнезда с вершиной *вкус* продолжается в настоящее время. В речи функционируют шуточные производные, например *вкусняшка*, первое вхождение которого в Национальный корпус русского языка датируется 2004 годом. В сочетаниях типа *вкусный текст*, *вкусная тема* осуществляется метафорический перенос: вкусовое восприятие становится основой эмоциональной или эстетической оценки [Словарь русской пищевой метафоры III: 123]). Впрочем, следует отметить, что подобное употребление было известно еще во

второй половине XVIII в.: *вкусный* – ‘приятный доставляющий удовольствие; сделанный искусно, со вкусом’ [СлРЯ XVIII III: 191], *невкусный* – ‘не доставляющий удовлетворения, удовольствия, неприятный’ [СлРЯ XVIII XIV: 142].

Таким образом, на протяжении письменной истории языка словообразовательное гнездо с вершиной *вкус* неуклонно расширяло состав. При этом обратное явление – утрата лексических единиц, относящихся к этому гнезду, – представлено гораздо более редкими примерами. Для ключевых слов этого гнезда – *вкус* и *вкусный* – характерны существенные семантические диахронические сдвиги. В то же время глаголы *вкусить* и *вкушать*, которые радикальных семантических изменений не претерпели, в результате оказались стилистически ограничены в своем употреблении. Диалектная картина отличается от ситуации в литературном языке незначительно, но здесь отмечается более широкий круг экспрессивно окрашенных производных. Современное словоупотребление показывает, что и пополнение состава обсуждаемого словообразовательного гнезда, и семантическое развитие слов, входящих в него, продолжается.

Литература

Виноградов В.В. История слов. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1999. 1140 с.

Большой академический словарь русского языка. Т. 1–27. М.; СПб.: Наука, 2021. (издание продолжается). – БАС-3.

Большой толковый словарь русского языка. СПб.: НОРИНТ, 2000. 1536 с. – БТС.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Изд. общ-ва любителей Российской словесности, 1863–1866.

Национальный корпус русского языка [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 12.05.2021). – НКРЯ.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988. 750 с. – Словарь Ожегова.

Псковский областной словарь с историческими данными. Т. 1–26. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1967–2020. (издание продолжается). – ПОС.

Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный: в 6-ти т. СПб.: Императорская Академия наук, 1806–1822. – САР.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–12. М.: Русский язык, 1988–2019. (издание продолжается). – СлДрЯ.

Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Т. 1–52. М.; Л.-СПб.: Наука, 1965–2021. (издание продолжается). – СРНГ.

Словарь русского языка: в 4-х т. / отв. ред. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1985–1988. – МАС.

Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук / под ред. Я. К. Грота. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1891–1895. – Словарь Грота.

Словарь русской пищевой метафоры. В 3 т. / под ред. Е.А. Юриной. Томск: Издательство Томского университета, 2015–2019.

Словарь русского языка XI–XVII веков. Т. 1–31. М.: Наука, 1975–2019. (издание продолжается). – СлРЯ XI–XVII.

Словарь русского языка XVIII века. Т. 1–22. Л.: Наука, 1984–2019. (издание продолжается). – СлРЯ XVIII.

Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. – БАС.

Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. В 4 т. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1847. – Словарь 1847.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. СПб.: Императорская Академия наук, 1893–1902.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М.: Русский язык, 1994. 842 с.

Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2 т. М.: Русский язык, 1985.

Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940. – Словарь Ушакова.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986–1987.

Rothe H. Russ. vkus, 'Geschmack' // *Romanica Europaea et Americana: Festschrift für Harri Meier.* Bonn, 1980. S. 493–504.

Kostina E.D. History of the family of words with the centre 'taste'

The paper examines the results of a diachronic study of a family of words with the main word *vkus* on the material of various types of Russian dictionaries about the language of different eras using data from the National Corpus of the Russian Language. The processes of replenishment of derivatives of the word *vkus*, decreasing the number of derivatives, their semantic and stylistic evolution are considered. The peculiarities of dialectal vocabulary and modern use of the newest derivatives of this word are revealed.

Keywords: family of words, the word *vkus*, history of the Russian language, historical lexicology, semantic evolution.

Ложкина Виктория Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет

**Освоение новейшего заимствования *пост*
(‘сообщение в блоге, социальной сети’)**

В статье описывается процесс освоения англицизма *пост*, заимствованного в русский язык на рубеже XX и XXI вв. Рассматривается развитие его производных, дается примерная хронология их вхождения в узус, описываются трудности в выборе формы производных глаголов 1 л. ед. ч. наст. и буд. вр., колебания в постановке ударения в косвенных падежах существительных с корнем *пост-* и проблема неустоявшейся орфографической нормы.

Ключевые слова: заимствование, англицизм, современный русский язык, освоение заимствований, слово «пост».

Среди англицизмов, заимствованных в русский язык на рубеже XX–XXI вв. особое место занимают слова, связанные с интернет-коммуникацией. Одним из таких слов является англицизм *пост* ‘запись пользователя на странице в Интернете, в социальной сети’.

Целью исследования является описание различных аспектов освоения русским языком заимствования *пост* и функционирования его производных. Материал исследования включает в себя данные из Национального корпуса русского языка, в частности его устного, газетного и мультимедийного подкорпусов, корпус словоупотреблений, обнаруженных на интернет-форумах, в социальных сетях («Живой Журнал», «ВКонтакте»), на новостных сайтах и в печатных изданиях при помощи поисковой системы «Гугл», а также результаты опроса, проведенного нами весной 2021 года.

Теоретической базой исследования служат положения, согласно которым освоение заимствования включает различные аспекты: фонетический, орфографический, морфологический,

словообразовательный, семантический. На начальном этапе освоения англицизм может быть неустойчив как в произносительном, так и в орфографическом аспекте («*ангрейд* и *ангрэйд*, *андеграунд* и *андерграунд*» [Нечаева 2011: 10]). Несмотря на то, что приобщение заимствованного слова к грамматическим категориям языка-реципиента – «единовременный акт» [Крысин 2004: 46], заимствования могут испытывать колебания в словоизменении («грамматическая адаптация <...> сопровождается варьированием» [Маринова 2008: 19]). Семантика заимствованных неологизмов подчас «затемнена», и нередки случаи их неустойчивого употребления («*бульдозер* – этим словом называли то нож, которым эта машина ровняет землю, то саму машину с таким ножом» [Крысин 2004: 43]).

Современные процессы освоения заимствований осложняются тем, что у носителей русского языка нет единого отношения к притоку англицизмов. Некоторые видят в этом процессе падение культуры владения языком, а В.Г. Костомаров – «желание преобразовать <...> литературный языковой канон» [Костомаров 1999: 36]. В целом, языковая ситуация на границе двух веков «характеризуется интенсивностью англо-русского билингвизма» [Тимофеева 1992: 10]. Рефлексия носителей о значении и употреблении того или иного заимствования становится частью общего процесса его освоения.

Словообразовательное гнездо с вершиной *пост*

По нашим данным, в современном устном и письменном сетевом употреблении выявляется словообразовательное гнездо с вершиной *пост*, включающее следующие слова: существительные *пост*, *репост*, *перепост*, *постинг*; прилагательное *постинговый*; глаголы *постить* (с колебаниями в 1 л. ед. ч.), *репостить* (с колебаниями в 1 л. ед. ч.), *репостнуть*, *перерепостить*, *перепостить* (с колебаниями в 1 л. ед. ч.), *запостить* (с колебаниями в 1 л. ед. ч.), *перепо/ащивать*, *запо/ащивать*. Употребляются также неличные глагольные

формы: причастия *репостнутый, перепощенный, перерепощенный, запощенный*; деепричастия *репостнув, запостив, перепостив*.

Первым в русский язык проникло слово *постинг*. Уже в 1997 г. оно появляется в записях интернет-пользователя Кати Деткиной: «Алтухов разослал... постинги» (1997, <http://kulichki.com/kadet/12.htm>). Примечательно, что в 2002 г. слов *постинг* могло употребляться как синоним слова *пост*: «Закладываю постинг в качестве гостя» (2002, <https://polusharie.com/index.php?topic=286.0>). Сложно судить однозначно, заимствованное слово перед нами или собственно русское образование с использованием модели слов, оканчивающихся на *-инг*. Мы склоняемся к мнению, что слово *постинг*, как и слово *репост*, представляют собой самостоятельные заимствования из английского языка (*posting, repost*). Ввиду этого в дальнейшем изложении эти слова исключены из подробного рассмотрения.

Краткая хронология вхождения англицизма *пост* в русский язык и развития его производных

Как показывает наш материал, впервые заимствование *пост* встречается в русскоязычном Интернете в 2001 году в социальной сети «Живой Журнал» (далее – ЖЖ): «Белое полотно клиента вопиет и жаждет новых постов» (пользователь: *paslen* – <https://paslen.livejournal.com/23089.html>). Пользователь *novikov* упоминает неологизм в таком контексте: «Коллеги, объясните мне пожалуйста, как постить не в свой журнал...» (<https://novikov.livejournal.com/757.html>). Как видно, уже на раннем этапе освоения иноязычного заимствования наравне с существительным употребляется и производный глагол *постить*.

Опираясь на словоупотребления, извлеченные из обследованных источников, представим краткую хронологию вхождения заимствования *пост* в русский язык и возникновения его производных:

- 1) 2001 г.: первое упоминание слов *пост, постить*;

2) 2002 г.: впервые упоминается форма *постю* и глагол *запостить*;

3) 2004 г.: употребление вариантных форм 1 л. ед. ч. наст. вр. *пощу*, *постю*, *пощщу*;

4) 2007 г.: попытка носителей установить норму в форме 1 л. ед. ч. наст. вр. глагола *постить*, обсуждаются варианты *пощу*, *пощщу*, *постщу*, *постщю* и *постю*;

5) 2010–2011 гг.: одно из первых упоминаний существительного *перепост*, глагола *перепощивать*;

6) 2016 г.: фиксируются глаголы *перепостить*, *перепощивать*, *перепощивать* и причастия *перепощенный*, *перепощённый*, *запощенный*, *запощённый*.

В последние пять лет неологизм активно осваивался в русском языке. Актуальное положение заимствования будет охарактеризовано далее.

Рефлексия интернет-пользователей в отношении слов с корнем «пост»

В процессе освоения заимствование *пост* начинает прочно входить в речь носителей, встречаются случаи языковой игры с семантикой англицизма, основанной на его омонимическом совпадении со религиозным *постом*. Так, в 2010 году пользовательница ЖЖ *mmekourdukova* писала: «...в таких случаях прибегают к испытанному средству – “запостить котика”. Ужас. Котика – и запостить!!! Я же христианка (хотя и православная)! Я лучше сама буду питаться макаронами, а котика я молочка завсегда налью. Нет, котиков я принципиально не пощу» (2010, <https://mmekourdukova.livejournal.com/35034.html>). Еще один пример можно встретить в 2011 году: в ЖЖ встречается «Пост о постах», в котором пользователь *s0no* пишет о своих религиозных убеждениях по поводу ограничения себя в пище. Подобная языковая игра свидетельствует о достаточном освоении англицизма русской языковой системой.

Еще одним способом осмысления нового слова являются попытки носителей языка самостоятельно определить

предпочтительный формообразовательный вариант. Так, в 2007 году интернет-пользователи устроили открытое голосование, чтобы установить нормативную форму 1 л. ед. ч. наст. вр. от глагола *постить* (2007, <https://www.gofuckbiz.com/showthread.php?t=807>). Варианты *поцу* (20/37 голосов) и *постю* (14/37 голосов) оказались самыми предпочтительными.

Интересно, что новое иноязычное слово всё еще может не приниматься носителями русского языка. Например, поэт Б. Ш. Кенжеев в интервью для интернет-телеканала Литклуб. TV в 2020 году говорил следующее: «Вот смотрите, вот вчера я на Фейсбуке написал пост. Пост написал... Очень противное слово. Не написал пост, а написал заметку. Это я оговорился. Заметку, заметку в Фейсбуке написал» (2020, <https://clck.ru/Yur3A>). Нужно учитывать, что в данном случае отрицательное отношение к неологизму может быть обусловлено обостренным чувством слова, характерным для поэтического мышления.

Кодификация

Фиксация иноязычного заимствования в словаре – последний этап его освоения, после этого неологизм можно считать вошедшим в систему принимающего языка («слово признается принадлежащим лексико-семантической системе данного языка» [Крысин 2004: 44]).

Уже в 4-м издании «Русского орфографического словаря» Российской академии наук зафиксированы слова *постинг* и *постинговый* [Русский орфографический словарь 2013: 563]. Однако гораздо более распространенное слов *пост* долго не получало словарной фиксации.

Среди непрофессиональных словарей следует отметить Викисловарь, в котором встречаются многие интересующие нас словоформы, а также любительский словарь на сайте «Словоново», куда слово *пост* было занесено в 2008 году с таким пояснением: «От англ. post – письмо. На веб-сайтах постами называют сообщения».

Что касается профессионально подготовленных словарей, необходимо назвать «Словарь молодежного сленга (на материале лексикона студентов Томского государственного университета)» Л.А. Захаровой и А.В. Шуваевой. Авторы предлагают определять семантику англицизма *пост* в 2014 году как ‘сообщение, запись на персональной странице пользователя в социальных сетях, блоге, на форуме’ [Захарова, Шуваева 2014: 91].

Самым значимым событием является кодификация слова *пост* в электронной версии «Русского орфографического словаря» ИРЯ РАН в 2020 году [Орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС»]. Интересно, что осенью 2020 года в словарь было добавлен также глагол *пóстить* с указанием форм *пóстю, пóстит*. Но затем этот глагол их словаря исчез, и в настоящее время из добавлений 2020 г. в словаре представлены только слова *пост* и *репост*. При этом отмечены акцентологические варианты в формообразовании: *пóста* и *постá*.

Обращение к проблеме постановки ударения в производных глаголах также можно считать попыткой кодификации неологизмов. Например, П.Н. Масальгина пытается охарактеризовать ударение у слов *постить* и *гуглить* через аналогию с исконной лексикой. Глагол *постить* может «примкнуть к двусложным глаголам акцентного типа на -ить»: *сверли́ть, звони́ть* [Масальгина 2020: 15]. Но эти глаголы также способны испытывать колебания в ударении (ср. вариантность *включи́шь* и *включишь*).

Результаты опроса носителей русского языка в отношении слов с корнем *пост-*

Для того чтобы описать актуальное положение англицизма *пост* и его производных, нами был избран статистический метод. С помощью опроса мы узнали мнение разновозрастных групп населения об этом заимствовании. Число респондентов составляет 200 человек, возраст которых: меньше 20 лет – 119 (59,5%), 20–30 лет – 69 (34,5%), старше 30 лет – 12 (6%). Среди

них подавляющее большинство – носители, не имеющие филологического образования (77%), тем самым результаты опроса должны отражать естественное состояние языка, ведь респонденты не имеют профессионального опыта в анализе языковых процессов и опираются исключительно на собственное языковое чутье.

Осветим структуру и содержание опроса. Общее число вопросов – 22. Он делится на две условные части: употребительность и формообразование. В первой носители должны были определить, в какой степени они знакомы со словом и как часто употребляют его сами (например: «Что Вы можете сказать о слове *репост*? – 1) Часто слышу/вижу и часто употребляю; 2) Часто слышу/вижу, но редко употребляю; 3) Редко слышу/вижу и редко употребляю; 4) Редко слышу/вижу и вообще не употребляю; 5) Не вижу/не слышу и вообще не употребляю»). Во второй части респонденты отмечали правильную, по их мнению, форму слова *пост* и его производных (например: «Какую форму Вы бы употребили? – 1) *Я пощу*; 2) *Я пощю*; 3) *Я постю*; 4) *Я постю*; 5) Этой формы следует вовсе избегать»). На последнем этапе респондентам было предложено оставить комментарий по поводу любой из обсуждаемых форм.

Опрос дал следующие результаты.

1. Заимствования *пост* и *репост* широкоупотребительны (соответственно 75% и 56% опрошенных указали, что часто слышат и часто используют эти слова), а вот форма с приставкой *пере-* подверглась наибольшей критике. Только 3,5% опрошенных часто встречают и употребляют *перепост*, ср. комментарий респондента: «*перепост* – максимально странная [форма]».

2. В глагольных формах наблюдается схожая картина. *Постить*, *запостить* и *репостить* находятся в активном словаре опрошенных (47%, 50%, 55% респондентов часто употребляют их), а глагол *перепостить* менее распространен (его используют 36% участников опроса); ср. комментарии респондентов:

«Обычно употребляю не *перепостить*, а *перерепостить*», «использую формы, производные от глагола *перерепостить* (вместо *перепостить*)», «вместо *перепощу/перепостью* скажу *репостну* (избегаю конкретно *пере-*)».

3. Некоторые формы причастий кажутся респондентам неестественными. Для различных причастий процент опрошенных, которые отрицают свое знакомство с этими формами, колеблется от 29% до 62% (ср. комментариев участника опроса: «причастия останутся гипотетическими»).

4. В формах слова *пост* с ненулевым окончанием большая часть опрошенных (84%) поставила ударение на флексии: у *этого поста́* много просмотров; его *посты́* мне нравятся.

5. Большинство участников опроса между формами *постю* и *пощу* выбирает последнюю (6% против 53%). Между тем в начале века, как показывает наш материал, эти две формы были одинаково употребительны. При этом значительная часть респондентов (около 40 %) полагает, что формы 1 л. ед. ч. наст. / буд. вр. следует избегать и заменять ее описательным оборотом, ср.: «Мне кажется, что слово *перепостью* звучит как странно и неправильно, например, как слово *победю*».

6. Сложной оказывается проблема постановки ударения в форме 1 л. ед. ч. наст. / буд. вр.: я (*пере-*) *пощу* / (*пере-*) *пощу́* / (*пере-*) *пóстю* / (*пере-*) *постю́*. Тем не менее около половины респондентов (47%—53%) предпочитает постановку ударения на корне.

7. Представители возрастной категории «старше 30 лет» реже, чем более молодые люди, встречаются в своей речевой практике с обсуждаемыми неологизмами.

Лексема *пост* активно употребляется носителями русского языка определенной возрастной категории в устной речи, в письменном сетевом общении и средствах массовой информации.

За время бытования в русском языке слово *пост* образовало обширное словообразовательное и формообразовательное гнездо. Англицизм вполне освоен в

семантическом отношении, что, в частности, доказывают примеры языковой игры. Важным фактором освоения слова является его кодификация в главном орфографическом словаре русского литературного языка.

В то же время освоение заимствования следует считать незавершенным. В ходе исследования мы наблюдали колебания в выборе звукового оформления грамматических форм (-*поицу* / -*постю*). Часто форма 1 л. ед. ч. наст. вр. глаголов не употребляется и заменяется описательными оборотами (например, *выкладываю пост*). Акцентологическая норма до конца не выработана, носители русского языка ставят ударение как на корень, так и на окончание в формах косвенных падежей существительного (*пóсты* / *посты́*; *пóстов* / *постóв*). Наконец следует отметить редкое употребление слова *пост* и его производных среди людей старшего поколения.

Можно заключить, что англицизм *пост* продолжает осваиваться носителями русского языка и, по нашему мнению, способен стать частью русской языковой системы.

Литература

Захарова Л.А., Шуваева А.В. Словарь молодежного сленга (на материале лексикона студентов Томского государственного университета): учебно-методическое пособие. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2014. 126 с.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб.: Златоуст, 1999. 330 с.

Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 889 с.

Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования: автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., 2008.

Масалыгина П. Большая книга о любимом русском. М.: АСТ, 2020. 192 с.

Нечаева И.В. Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. 168 с.

Орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС» [сайт] / Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук. URL: <https://orfo.ruslang.ru> (дата обращения: 01.04.2021).

Русский орфографический словарь / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова / под ред. В.В. Лопатина, О.Е. Ивановой. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. 896 с.

Тимофеева Г.Г. Английские заимствования в русском языке (фонетико-орфографический аспект): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1992.

Lozhkina Victoria Alexandrovna Mastering the newest borrowing *post* ('a message in a blog or a social network')

In the present paper, the author describes the process of mastering an English loanword *post*, borrowed into Russian language at the turn of the 20th and 21st centuries. The development of its derivatives is considered, an approximate chronology of the occurrence of each lexeme in the speech of Russian speakers is given, and the difficulties in choosing the form of derivative verbs in the form of I Sg Present Simple are described, staging of stress in indirect cases of nouns with the root "post" and the problem of an unsteady spelling norm.

Keywords: borrowing, English loanword, Russian modern language, mastering borrowings, word «post».

Локалина Юлия Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

#ОТСЛОВАСОВСЕМ: судьба одного хештега в интернет-коммуникации

Статья посвящена специфике употребления хештега *#отсловасовсем* в трех социальных сетях: ВКонтакте, Instagram, Twitter. В работе подчеркивается разница количества материала в указанных источниках. Рассматриваются графические особенности хештега, его положение в текстах пользователей Интернета. Важными критериями анализа являются функция хештега, способы его обособления в тексте, а также семантическая связь хештега с предложением. На основе анализа материала характеризуются особенности употребления *#отсловасовсем* в современной интернет-коммуникации. Результаты анализа представлены в статье на примерах цитат из личных блогов интернет-пользователей.

Ключевые слова: хештег, графические особенности, функция, пунктуация, интерпретация, социальные сети.

Использование хештегов в социальных сетях – достаточно частое явление. Хештеги заменяют собой длинные высказывания, понятны большинству носителей языка. Однако их употребление не дает оснований говорить о «порче языка» [Шмелев 2005: 18-35]. Создание хештега – подбор слов, указывающих на основные мысли текста. Такой феномен, по мнению В.И. Беликова, можно назвать молодежно-нормативным, связанным с реалиями «молодежной культуры» [Беликов 2007: 36-52]. В толковых словарях русского языка слово *хештег* пока не зафиксировано. Интернет же предлагает следующее его определение: хештег «представляет собой слово или объединение слов (без пробелов), которому предшествует символ # (решетка)». Хештеги, согласно данным той же Википедии, «используют в рекламной продукции или арт-представлениях в качестве отсылки к появившейся

тенденции в интернете или в попытке создать такую тенденцию» [wikipedia.org/wiki/Хештег]. Объектом внимания в настоящей статье является хештег *#отсловасовсем*.

Тенденция использовать данный хештег родилась с появления самой конструкции *от слова совсем*. Исследователи отмечают, что «рассматриваемое фразеологизированное выражение» произошло от «свободного сочетания *от слова* (здесь и далее в цитатах курсив авторов. – Ю. Л.)», которое обычно употребляется как отсылка к этимологии слова. Но в новом значении «*от слова совсем* отсылает к оси синтагматики, то есть *совсем* <...> синтагматически связано со словами этого или предыдущего предложения» [Вознесенская, Северская 2019: 472-482].

По мнению С.С. Белоусова, первый случай употребления данной конструкции зафиксирован в 2005 году [Белоусов 2016: 72-77]. Автору удалось найти пример использования конструкции на одном из форумов, где мужчина из города Волгодонска написал следующее: *Единственный крупный минус – водонепроницаемость отсутствует, от слова "совсем"* [https://airsoftgun.ru/phpBB/viewtopic.php?t=5383]. Здесь же С.С. Белоусов обращает внимание на успешный процесс коммуникации, что дает повод предположить более раннее начало истории употребления конструкции, которое пока нигде не зафиксировано. Со временем конструкция стала все чаще появляться в Интернете и, как теперь можно заметить, стала популярным хештегом.

В настоящей статье рассматривается функционирование хештега в трех социальных сетях: ВКонтакте, Instagram и Twitter. Сразу обратим внимание на неравномерное количественное распределение материала в этих сетях. Всего на данный момент удалось собрать 60 контекстов, которые и составили пользовательский подкорпус материала исследования. При этом оказалось, что чаще всего хештег используется в Instagram (58 %), реже – в сети ВКонтакте (37 %), и наименьшее количество употреблений можно найти в сети Twitter (5 %).

Такие результаты можно объяснить, по-видимому, повышенной популярностью двух первых сайтов [<https://ria.ru/20211119/sotsseti-1759749020.html>].

Обращаясь к истории употребления рассматриваемого хештега, отметим первые зафиксированные случаи его употребления в указанных социальных сетях:

1) Instagram (дата основания: 2010 г.): *Симку с интернетом сегодня купить не успела, а завтра воскресенье и #грекинехотятработать #отсловасовсем* (2014 г.);

2) ВКонтакте (дата основания: 2006 г.): *Я так устала, уже на грани и хочу послать все нафиг, уехать туда, где ждут, где есть друзья и поддержка. #зеркало #отсловасовсем* (2016 г.);

3) Twitter (дата основания: 2006 г.): *#первакинепришли #отсловасовсем.* (2014 г.).

В примерах (1)-(3) можно заметить, что хештег имеет свой «классический» вид: использование символа «решетка» и слитное написание слов. Однако это не единственный вариант его написания. Часто можно встретить в написании хештега прописные буквы, которые выделяют отдельные слова, часть хештега и т. д. На основе собранных контекстов были выделены следующие графические особенности **#отсловасовсем**:

- использование только прописных букв: **#ОТСЛОВАСОВСЕМ**;

- выделение отдельных начальных букв слов: **#отСловаСовсем**;

- выделение всех начальных букв слов: **#ОтСловаСовсем**;

- использование прописных букв для выделения нужного слова: **#отсловаСОВСЕМ**.

Хештег в предложении, в тексте, как правило, ставится в конце без использования знаков препинания:

4) *Зоопарк мне там не нравится #отсловасовсем.*

Однако некоторые интернет-пользователи по-своему решили проблему обособления хештега, поэтому появились варианты написания с использованием запятой, отделяющей хештег от главного предложения:

5) *Возможно #детектив, #фэнтези, драма или бурный роман не интересны, #отсловасовсем;*

с использованием точки, в результате чего образуется парцелляция:

6) *Все работает иначе. #отсловасовсем;*

а также встречается и многоточие, интонационно выделяющее хештег:

7) *С тобой рядом совсем не страшно... #отсловасовсем.*

Из представленных данных можно сделать вывод, что одного способа обособления рассматриваемого хештега пока не существует.

Необходимо подчеркнуть и еще некоторые особенности употребления хештега. Во-первых, в предложениях можно найти тавтологию: *совсем – совсем:*

8) *Ты у меня такой мудрый, такой умный, такой большой, что с тобой рядом совсем не страшно... #отсловасовсем.*

Во-вторых, в текстах часто образуется плеоназм, т. е. рядом стоят близкие по смыслу слова: *вообще – совсем:*

9) *Шапки Тим не признает вообще, #отсловасовсем.*

Особенно важным критерием анализа является взаимодействие хештега с предложением, к которому он относится, а точнее – с тем членом предложения, который он распространяет. Здесь возможны два основных варианта.

Чаще всего единица **#отсловасовсем** относится к сказуемому, простому или составному, глагольному или именному, даже если это сказуемое «спрятано» в другом хештеге: *#грекинехотятработать #отсловасовсем (1); #первакинепришли #отсловасовсем (3); не нравится #отсловасовсем (4); не интересны, #отсловасовсем (5); ср. также:*

10) *Раньше я не умела отдыхать #ОтСловаСовсем;*

11) *Я не готова к школе #отсловасовсем.*

Существенно реже хештег распространяет (усиливает) обстоятельство меры и степени: *работает иначе. #отсловасовсем (6).*

А в ряде контекстов сложно однозначно определить, к какому именно слову в предложении (сказуемому или обстоятельству) относится хештег, ср. приведенные выше контексты *совсем не страшно... #отсловасовсем* (7/8), *не признает вообще, #отсловасовсем* (9), а также ряд следующих:

12) *Столько вдохновения, когда не получается вообще #отсловасовсем;*

13) *Вещи ваще не успевают сноситься, надоест и тем более отработать вложенные в них кровные #отсловасовсем»*

В контексте (13) хештег относится одновременно и к осложненному составному глагольному сказуемому *не успевают сноситься, надоест и <...> отработать* (вложенные в них кровные), и к обстоятельству *ваще* (*вообще)¹.

И совсем редкими оказались случаи, когда хештег распространяет член предложения, выраженный именем существительным, ср.: *#зеркало #отсловасовсем* (2) и следующий пример (14):

14) *Отсутствие личного пространства #отСловаСовсем.*

В контексте (14), впрочем, перед нами отглагольное существительное, так что связь с глагольным словом и здесь не нарушена.

Видно, что хештег *#отсловасовсем* практически во всех своих употреблениях усиливает семантику взаимодействующих с ним слов. Как правило, он выполняет в тексте функцию обстоятельства меры и степени (при глаголе или другом обстоятельстве, также меры и степени). Нужно добавить также, что способствует этому усилению наличие в составе хештега наречия *совсем*, указывающего на «большую интенсивность итогового состояния» [НОССРЯ III: 1082]. Об этом же пишут и

¹ Такие редуцированные формы сверхчастотных слов/словосочетаний русской речи, в том числе в письменном их представлении (*тыща, щас, здрасьте, пийсят, шийсят, ничёсе, собсно гря* и под.), являются вполне типичными для современного языка, ср. специальный «Словарь редуцированных форм русской речи», включающий 100 подобных единиц [Стойка 2019].

авторы «Путеводителя по дискурсивным словам русского языка», отмечающие значение ‘завершения / кульминации процесса’, названного словом, взаимодействующим с данным наречием [Баранов и др. 1993: 148]. Ср., наконец, определение данного наречия в академическом словаре: ‘совершенно, полностью’ [МАС IV: 177].

Проведенный анализ показал, как много интересного могут выявить употребления хештега *#отсловасовсем*, демонстрирующие свою специфику на уровне семантики и грамматики, графики и пунктуационного оформления. Анализируемый хештег имеет различные варианты употребления и все чаще используется в текстах интернет-пользователей, посвященных развитию и популяризации блога, в результате чего каждый день появляются новые контексты.

Литература

Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 207 с.

Беликов В.И. Языковая норма: новые и старые трещины на русскоязычном пространстве // Acta Philologica: Филологические записки. М.: Альма матер, 2007. С. 36-52.

Белоусов С.С. От слова совсем как грамматическая конструкция // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. 2016, №7-1 (160). С. 72-77.

Википедия [сайт]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Хештег> (дата обращения: 22.10.2021).

Вознесенская М.М., Северская О.И. «Ни разу от слова совсем»: усилительная семантика сленговых аграмматизмов // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи: сб. научных трудов Международного научного симпозиума. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. 855 с.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под ред. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 2003. 624 с. – НОССРЯ.

РИА Новости [сайт]. URL: <https://ria.ru/20211119/sotsseti-1759749020.html> (дата обращения: 19.11.2021).

Словарь русского языка: в 4-х т. Т. IV: С – Я / Ред. А.П. Евгеньева. Изд. 3-е, стер. М.: Русский язык, 1988. 797 с. – МАС.

Стойка Д.А. Словарь редуцированных форм русской речи / Науч. ред. Н.В. Богданова-Бегларян, техн. ред. Т.Ю. Шерстинова. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 112 с.

Шмелев А.Д. Ложная тревога и подлинная беда // Отечественные записки. 2005, № 2. С. 18-35.

AIRSOFTGUN.RU [сайт]. URL: <https://airsoftgun.ru/phpBB/viewtopic.php?t=5383> (дата обращения: 30.10.2021).

Lokalina J.S. #OTSLOVASOVSEM: the fate of one hashtag in Internet communication

The article presents the specifics of using the hashtag #otslovasovsem in three social networks: VKontakte, Instagram, Twitter. The paper highlights the difference in the amount of material in the specified sources. The graphic features of the hashtag, its position in the texts of Internet users are considered. Important criteria for analysis are the function of the hashtag, the ways of its isolation in the text and the semantic relationship of the hashtag with the sentence. On the basis of the material, the features of the use of #otslovasovsem in modern internet communication are characterized. The article presents the results of the analysis using examples of quotations from personal blogs of Internet users.

Keywords: hashtag, graphic features, function, punctuation, interpretation, social media.

Милюкова Софья Викторовна

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина

**Лексико-семантическая характеристика синонимов «опять»
и «снова» в этнолингвистическом аспекте**

Статья посвящена анализу синонимов *снова* и *опять* в синхронном и диахроническом аспектах. В статье рассматривается семантика и дистрибуция анализируемых слов в современном русском языке, характеризуется их этимология и историческое развитие значения. В статье приведены результаты этнолингвистического анализа, который позволил выявить отношение носителей русского языка к понятиям, выражаемым данными синонимами. Была установлена стилистическая дифференциация слов *опять* и *снова* в русской речи: слово *снова* употребляется как нейтральное, а слово *опять* связывается с выражением негативной оценки обозначаемой ситуации. Этнолингвистический анализ дал возможность установить культурные факторы развития значения и дистрибуции анализируемых синонимов.

Ключевые слова: лексикология, этнолингвистика, синонимия, семантика, понятие новизны и повторности

Лексика – сложная система, связи между элементами которой постоянно меняются. Состав и структура словарного запаса находится в непрерывной динамике: у уже имеющихся слов появляются новые значения и оттенки значений или редуцируются старые. Новые значения иногда оказываются близки со значениями уже существующих слов.

Абсолютные синонимы в языке существовать не могут: при полном совпадении значений со временем одно из слов либо исчезает из языка, либо изменяет свое значение. Однако встает проблема близости синонимов: как определить степень семантической тождественности слов, что является критерием определения ближайшей степени. При этом, четкое определение

близости значения в русском языкознании отсутствует, т.к. само понятие «близость значения» неопределенно по своей природе.

В ряде случаев семантическая близость или различия интуитивно осознаются носителями языка, что выражается в дистрибуции лексем-синонимов в речи. Одним из способов объяснить семантическую и стилистическую дифференциацию синонимов является их этнолингвистическое исследование. Синонимы *опять* и *снова* оказались весьма показательными для исследования подобного типа.

Опять и *снова* входят в синонимический ряд «снова» наряду с такими словами, как «сызнава», «вновь», «вторично», «еще», «еще раз», «вдругорядь», «вдобавок», «к тому же» и «паки» [Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: 67, 85, 138, 284]. Данному ряду свойственны такие семы, как 'повторить действие' и 'начинать что-либо с самого начала'. Еще в начале XX века данный синонимический ряд включал обе эти семы, но уже к 1970-м гг. ранее целостная парадигма расщепляется. Так, в словаре синонимов З.Е. Александровой, впервые выпущенный в 1968 году, можно наблюдать уже два самостоятельных синонимических ряда [Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: 466].

Слово *снова* является доминантой обоих упомянутых синонимических рядов. В ряду со значением 'начинать что-либо с самого начала' обнаруживаются многочисленные однокоренные слова (напр. «вновь», «заново», «сызнава»). Это позволяет предположить, что корень «нов» непосредственно связан с выражаемым синонимическим рядом значением.

В Большом толковом словаре под ред. С.А. Кузнецова данное слово имеет два значения: 'еще раз, опять' и 'заново, с самого начала' [БТС: 1223]. Оба значения соответствуют отмеченным в словаре синонимов З. Е. Александровой общим значениям синонимических рядов, что подтверждает наличие двух синонимических парадигм в современном русском языке.

Слово *опять* оказывается вторым наиболее употребляемым синонимом в значении 'повторить действие'. В отличие от лексемы *снова*, слово *опять* в Большом толковом словаре под ред. С.А. Кузнецова имеет уже только одно значение 'еще раз, снова' [БТС: 723].

Оба слова имеют одинаковую лексико-грамматическую сочетаемость. Следовательно, разница между ними не лексико-грамматическая, а скорее, стилистическая.

Рассмотрев материалы Национального корпуса русского языка, мы обнаружили, что слово *опять* в отличие от слова *снова* чаще (более 70% случаев) употребляется в контекстах с общей отрицательной коннотацией, где выражается негативное отношение говорящего к объекту высказывания и повторяющимся действиям, а слово *снова* – в высказываниях с положительным модусом или же в нейтральном высказывании. Важно отметить, что объект высказывания является негативно оцениваемым именно автором речи, даже если в обществе этот объект считается приемлемым, либо наоборот. Так, например, в выражении «*Чтобы ты курить снова начал. А то одной скучно*» [НКРЯ] – можно видеть, что курение, в социальном сознании имеющее негативную оценку, автором речи оценивается положительно и потому он использует слово *снова*, а не *опять*.

Подтверждением наших наблюдений может быть распространенное в русской разговорной речи устойчивое сочетание «не опять, а снова». Его используют для выражения несогласия с чьей-либо оценкой необходимости повторения какого-либо действия.

Таким образом, можно предположить, что слово *снова* является стилистически нейтральным, употребляемым практически в любых контекстах, а лексема *опять* используется тогда, когда говорящему не нравится факт повторения чего-либо.

Слово *снова* образовано от слова «новый», которое совмещает в себе сему 'неизвестное, ранее не существовавшее, но при этом замещающее то, что уже было известно ранее'.

В современном понимании слово «новый» имеет пять значений: ‘такой, который не существовал раньше, впервые созданный’, ‘только что, недавно сделанный, приобретенный, купленный или прибывший’, ‘незнакомый, неизвестный’, ‘появившийся вместо прежнего, заменивший его; следующий, очередной’ и ‘относящийся к ближайшему прошлому или к настоящему времени, эпохе; современный’ [БТС: 654].

В русском языке XVIII в. данная лексема отражает этот же концепт смысла: неизведанное, еще не опробованное, появившееся не так давно, но при этом повторяющееся. В словаре русского языка XVIII в. выделены следующие значения: ‘только что или недавно сделанный, не бывший в употреблении’, ‘неизвестный, незнакомый’, ‘недавно появившийся’, ‘другой, иной в отличие от прежнего’, ‘возникший снова, повторный, еще один’, ‘относящийся к нынешнему году, весенне-летнему сезону текущего года’, ‘относящийся к более позднему или позднему времени, эпохе’ [СРЯ XVIII 15: 169-171].

В древнерусском языке. отмечается синкретизм значений ‘новизны’ и ‘повторности’. В словаре русского языка XI – XVII вв. выделены значения ‘такой, который пришел на смену старому или возник недавно || последний по времени, ближайший к настоящему времени’, ‘не имеющий признаков ветхости, обновленный’, ‘то, чего не было раньше’ [СРЯ XI – XVII 11: 413-414].

Для понимания причин развития семантики данного слова следует понять, как относились к понятию «новизны» славяне. С одной стороны, новое противопоставляется старому – то есть все новое априори лучше, потому что дольше прослужит. С другой, поскольку новое – неизвестное, этого стоит опасаться. Такое понимание «нового» можно увидеть в русских пословицах и поговорках: *Новая метла по-новому метет; Новая ложка – с полочки на полочку, а состарелась – по подлабочью навалается; Чем старый серп зубрить, не лучше новый ли купить?* – о качественном отличии нового от старого; о том, что новое

предпочтительнее старого. *Новое — это хорошо забытое старое* — значение повторности [Даль 1996: 426-440].

При этом в поговорках обнаруживается и страх перед неизведанным: *Много нового, да мало хорошего; Что новизна, то и кривизна; Всегда новизна, да редко правизна; Всегда по-новому, когда ж по-правому?* [Даль 1996: 426-440]. Все это объясняется тем, что старое, уже использованное, знакомее и привычнее; новое же может нести некую опасность.

Это же понимание отразилось на обрядах, связанных с годичным циклом. Так, например, святки были приурочены к дням зимнего солнцестояния и смене жизненных циклов. В это время разрушался старый миропорядок и возникал новый, при этом в мире ненадолго воцарялся первозданный хаос. Отсюда и гадания: будет ли новый год, или после прошедшего года мир исчезнет? А будет ли этот новый мир достаточно хорош и что он принесет? Людей всегда одновременно влекла и пугала неизвестность.

Слово *опять* в современных словарях имеет то же значение, что и слово *снова*. Однако еще в XVIII в. основное значение слова было другим. Так в словаре русского языка XVIII в. отмечены значения ‘назад, обратно’, ‘снова, вновь, еще раз, в другой раз’, ‘также еще, тоже, к тому же, опять-таки’ [СРЯ XVIII 17: 63]. В современном языке «отголоски» этих значений можно найти разве что в диалектной речи. Например, «обратно» в значении ‘еще раз’.

Значение ‘повторности’ у слова *опять* появилось лишь в XVIII в.

По словарю М. Фасмера, слово *опять* восходит к *ręть < *rentь (< пять). Он связывает это слова с родственными «вспять» и «пята» [Фасмер 3: 147]. Семантика слова «пята» включает в себя сему ‘задний’. В диалектах можно найти такие значения этой лексемы, как ‘задняя часть лыжи’, ‘задник обуви’ и др. [СРНГ 33: 216-217].

Чтобы понять, каким образом сочетаются значения ‘назад, обратно’ и ‘повторность’, необходимо понять, как воспринимали

концепт времени наши предки. Если представить время как дорогу, по которой идет человек, то мы с нашим современным пониманием идем по ней, глядя вперед. Древний человек по ней скорее «пятился»: его мысленный взор был обращен не в будущее, которое было неизвестно, а в прошлое. Подтверждение тому можно найти в устойчивых выражениях, например, *понять что-нибудь задним умом*. Оно означает ‘сделать что-то позднее, спустя некоторое время (в будущем) после свершившегося’. Относительно человека, идущего по абстрактной дороге времени, это будущее число оказывается сзади, следовательно, он «идет спиной вперед». Славяне учились у своих предков, опять повторяя их действия, перенимая опыт.

Таким образом, слово *опять* изначально значило только ‘назад, обратно’. Впоследствии оно получило значение ‘повторности’. И до начала XX в. у этого слова в принципе не было отрицательной коннотации. Она появилась, когда значение ‘повторности’ вытеснило изначальное значение ‘назад, обратно’. В тот момент в языке появились два слова с таким значением. По законам функционирования языка одно из слов-дублетов или должно исчезнуть, или измениться. Поэтому в наше время слово *опять*, утратив изначальную внутреннюю форму, приобрело стилистическую окраску.

На первый взгляд тот факт, что антонимичные понятия «новое» и «старое» выражаются в словах-синонимах, кажется парадоксом. Но все становится понятно, если обратиться к мировоззрению наших предков.

Современный человек живет в мире оппозиций и линейности: если есть добро, то есть зло; если есть начало, то за ним непременно следует конец. Время для наших предков было скорее кольцом, нежели прямой линией [Афанасьева 2012: 61-62], то есть то, что уже было, непременно случится снова; и каждое событие вытекает из предыдущего. Таким образом, понятия «будущего» и «прошлого» (или понятия о движении «вперед» и «назад») не представлялись славянам в виде оппозиции, и потому смешение этих смыслов казалось

естественным. Для людей с «циклическим» мышлением было очевидно, что до определенной точки человек может идти либо идя вперед (к новому), либо двигаясь в обратном направлении, так как круг – замкнутая фигура, не имеющая фактического начала или конца.

В таком контексте, становится понятно, что выражение «Не опять, а снова» значит ‘совершить действие сначала, по-новому, на новом витке круга, а не возвращаясь к нему назад, не повторяя предыдущих ошибок’.

Таким образом, слова *снова* и *опять* в современном русском языке являются абсолютными синонимами, однако в речи наметилась стилистическая дифференциация данных лексем: *опять* употребляется, когда говорящему не нравится факт повтора какого-либо действия. Возможно, это связано с тем, что исторически данные слова отражают противоположные понятия «новое» и «старое»: *снова* выражает понятия ‘новизна’ и ‘повторность’, а *опять* отражает понятия ‘движение назад’ и ‘нежелательная повторность’.

Литература

Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1999. 431 с.

Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. М.: Рус. яз., 2001. 568 с.

Афанасьева Е.Ю. Русская античность как историко-культурный феномен // Вестник МГУКИ, 2012, №2 (46). С. 60-64.

Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

Даль В.И. Пословицы русского народа. Т. 1. СПб.: ТОО «Диамант», 1996. 480 с.

Национальный корпус русского языка. Основной корпус. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-param.html>

Словарь русских народных говоров Вып. 33 (Протка – разлука) / Гл. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб.: Наука, 1999. 362 с. – СРНГ.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 11 (Не – нятый) / под ред. Д.Н. Шмелева. М.: Наука, 1986. 456 с. – СРЯ XI–XVII.

Словарь русского языка XVIII в. Вып. 17 (Оный – открутить) / под ред. Ю.С. Сорокина. СПб.: Наука, 2007. 254 с. – СРЯ XVIII 17.

Словарь русского языка XVIII в. Вып. 15 (Непечатый – обломаться) / под ред. Ю.С. Сорокина. СПб.: Наука, 2005. 264 с. – СРЯ XVIII 15.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3 (Муза – Сят) / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987. 832 с.

Milukova S.V. Lexical and semantic characteristics of synonyms «opyat» and «snova» in ethnolinguistic aspect

The article is devoted to the analysis of synonyms *snova* and *opyat* in synchronic and diachronic aspects. The article considers the semantics and distribution of analyzed words in modern Russian language, characterizes their etymology and historical development of meaning. The article presents the results of ethnolinguistic analysis, which revealed the attitude of native speakers of the Russian language to the concepts expressed by these synonyms. The stylistic differentiation of words *opyat* and *snova* was established: the word *snova* is used as neutral, and the word *opyat* is associated with the expression of a negative assessment of the indicated situation. The ethnolinguistic analysis made it possible to establish the cultural factors of development of the meaning and distribution of the analyzed synonyms.

Keywords: lexicology, ethnolinguistics, synonymy, semantics, the concept of novelty and repetition.

Миронова Екатерина Борисовна
Институт лингвистических исследований РАН

Наименования нижеволжских водных растений

В статье рассмотрены наименования астраханских водных растений, состав которых включает общенародные и диалектные слова. Тематическая группа «Прикрепленные водные растения» наиболее выразительна по количеству народных наименований. Наименования представлены в двух вариантах: научном и народном. Каждый вид растений образует синонимические ряды. Одно и то же название может обозначать разные виды растений. Большая часть наименований имеет прозрачную внутреннюю форму, в них легко определяется мотивация. Инославянские наименования обусловлены историческим влиянием тюркских и калмыцкого языков на астраханские говоры.

Ключевые слова: диалект, номинация, тематическая группа, водные растения, синонимы.

В пределах Астраханской области широко представлены водные растения разных родов и видов на всем протяжении долины реки Волги и особенно в дельте, что обусловлено широкой сетью рек, протоков, ериков, ильменей. Эти водоемы в большинстве своем мелководны и представляют собой богатые места для развития водной растительности.

Ботанические работы на территории дельты берут свое начало со второй половины XVIII века. Такие известные ученые, как П.С. Паллас, С.И. Гремяченский, С.И. Коржинский, Н.Л. Чугунова-Сахарова и др. составляли описания флоры Нижней Волги. К составлению своих трудов авторы подходили не только с ботанической точки зрения, они отмечали народные фитонимы, снабжали описания иллюстрациями [Паллас 1788; Гремяченский 1856; Коржинский 1884]. Труды естествоиспытателей, описывавших Астраханский край в XVIII – начале XX вв.,

полевые записи 2000-х годов, СРНГ послужили источниками нашего описания.

Объектом рассмотрения являются настоящие водные растения, которые входят в тематическую группу «Прикрепленные водные растения». Термин прикрепленные называет водные растения, укореняющиеся в грунт. Растения, о которых пойдет речь, широко представлены во всех районах области, где имеются водоемы с медленным течением, но особенно распространены в Володарском, Камызякском, Красноярском, Икрянинском районах, т.е. в дельтовом, или, другими словами, приморском районе.

Рассматриваемая группа представлена научными, общерусскими и диалектными наименованиями, которые вступают друг с другом в различные семантические отношения.

Прикрепленные растения представлены следующими видами: лотос каспийский (*Nelumbo caspica* Fisch), семейство Кувшинковые (*Nymphaeaceae*), представленное тремя видами растений, болотноцветник щитовидный (*Nymphoides peltata*), рогульник астраханский (*Trapa astrachanica*) [Лосев 2008].

Для названия лотоса нами выявлены номинации: *нелюмбо, нелюмбий, водяная роза, каспийская роза, каспийская нимфа, купава, купавка, табола, многолепестник, каспий, лотос орехоносный, чебак, чултан, чултанская водяная роза, водяной тюльпан, чултанский чебак.*

Первая опубликованная в 1856 г. научная статья, в которой был описан астраханский лотос, называлась «Астраханская водяная роза или Каспийская нимфа-нелюмбо» [Гремяченский 1856]. Латинское номенклатурное обозначение лотоса *нелюмбо* в начале XX в. вошло в общенародный язык и стало склоняемым: *нелюмбий* называет индийскую водяную лилию, которая в древнеиндийских мифах играет важную роль [Попов 1911: 263]. Лотос, редкостный цветок в начале XX в. на территории региона, за свою красоту и пышность получил поэтические названия: *каспийская нимфа, каспийская роза, водяная роза, алая купавка, купава.* Мотивация этих названий прозрачна. Лотос представляет

собой огромное цветущее растение, заросли которого покрывают своими круглыми листьями стоячие воды прудов и тихие заводи речек: *Лотос* – священный цветок индусов и всех народов Востока, по-местному – *Каспийская роза* [Чугунова-Сахарова 1925: 48]. За пышность цветка растение и получило свое название *роза*, *нимфа*, *купава*, а прилагательные *водяная*, *каспийская* уточняют место обитания.

Интересны названия, которые возникли под влиянием инославянских народов, проживающих в Астраханском крае: *чулпан*, *чул(ь)панская водяная роза*, *водяной тюльпан*, *табола*, *чебак*.

Впервые заросли лотоса были обнаружены в XIX в. в ильмене Чулпан. По преданиям старожиллов с. Чулпан (Икр. р-н), их село было образовано при ильмене Чулпан. По одной из версий, название село получило из-за колонии лотоса, которая росла в окрестностях. В переводе с тюрк. *чолтон* означает ‘цветок утренний зари, тюльпан’. Народное название сохраняется в современной топонимике: Чулпан – село (Икрян. р-н), Чулпан – река (в дельте Волги), Чулпаненок – ерик (соединяет реки Волга и Чулпан). *Тюльпан*, скорее всего, тоже тюркское слово, название дано по внешнему сходству с тюрбаном [Фасмер 1987: 136].

Калмыцкое название лотоса – *табола*. Это слово также нашло отражение в топонимике Астраханской области: микрорайон г. Камызяка (в прошлом – пос. Табола Камызяк. р-н), гидронимы – река Табола, Табола – ерик (рукав Чилимная), Табола – протока рукава Кизань.

И наконец, ещё одно название лотоса – это *чебак*. В САР слово *чебак* зафиксировано в двух значениях, одно из которых – это *чулпанская водяная роза (лотос)* [САР VI: 685]. Но, по описаниям ботаников XIX в., *чебак* – это название плода растения: «Чебак собственно значит *кубарь*. Этим именем Чульпанцы называют плодниковое ложе Нелюмбо, представляющее форму извращенного (перевернутого – Е.М.) конуса» [Гремяченский 1856: 360]. Название *чебак* является метонимическим образованием: перенос осуществляется с части

(плода) на все растение. В речи современных рыбаков для наименования растения, наряду с общенародным *лотос*, употребляется название *чултанский чебак*.

Из рассмотренных названий лотоса в СРНГ зафиксированы номинации *многолепестник* со значением: ‘растение *Nelumbium caspicum* Fisch., сем. кувшинковых: лотос каспийский’ с пометой астраханское [СРНГ XVIII: 186], *каспий* – ‘растение и цветок *Nelumbium caspicum* Fisch, сем. Барбарисо-цветных, лотос каспийский’ с пометой астраханское [СРНГ XIII: 117].

Семейство Кувшинковые представлено тремя видами растений: 1) кувшинка белая (*Nymphaea alba* L.), 2) кувшинка чисто-белая (*Nymphaea candida* J. Presl) и 3) кубышка желтая (*Nuphar lutea* (L.) Smith).

Для названия водяных кувшинок и кубышки в Астраханском регионе используют названия: *кувшинка, белая кувшинка, желтая кувшинка, вахтёвник, адален, одолень-трава, одолень, белая лилия, водяная лилия, желтая кувшинка, кубышка, бубышка*.

Кувшинками обычно называют все три вида, иногда разделяя их на желтые и белые кувшинки. Объяснение – простое: плоды растения похожи на миниатюрные сосуды [Меркулова 1967: 31]. Это обстоятельство дало толчок для появления в языке метафорических названий, все они постоянно воспроизводят одну и ту же семантическую модель: сосуд → растения *Nymphaea, Nuphar lutea*. В СРНГ *кувшинка* зафиксирована для обозначения другого растения: Растение *Calla palustris* L., сем. ароидных; белокрыльник болотный. Том. [СРНГ XV: 391].

Названия *адален, одолень-трава, одолень*, зафиксированы в СРНГ, основанием для наименования послужил славянский миф о траве, которая избавляет от физических и душевных страданий: ‘водяное растение, купальница, купавка, *Nymphaea, Nuphar*, растущее поодаль от берегов, на глубине и по омутам; есть белые, желтые (астрах.) и пестро-алые’ [СРНГ I: 204]. *Одолен, одолень* – кувшинка белая (*Nymphaea alba* L.) [СРНГ XXIII: 58].

Номинация *вахтóвник* зафиксирована со значением: ‘растение *Nuphar luteum* Smith, сем. кувшинковых; кувшинка желтая’ с пометой астраханское [СРНГ IV: 76]. Название образовано наблюдательными сельскими жителями. Дело в том, что цветок в течение дня поворачивается за солнцем, а ночью закрывается.

По названию плода кубышки желтой (округлой коробочки с семенами) все растение получило наименование *бубышки*. В СРНГ это слово не зафиксировано, но есть слово *буба* ‘пряник, бублик; ягода, горошина’ [СРНГ III: 232]. Слово *буба* послужило основой номинации *бубышка*.

Повсеместно в ериках, реках, озерах встречается близкий родственник белой кувшинки – болотноцветник щитовидный (*Nymphoides peltate*, сем. Вахтовые). Народные названия – *нимфея, нимфейник, водяная, желтая, кубышка, кувшинка, лилия, желтый вахтовник, вахтовник, болотноцветник, болотникоцвет, бубышка*. Мотивация названий сходна с мотивацией названий кувшинок и кубышки: *нимфея, нимфейник* – отсылка к древнегреческому божеству – нимфе, *кубышка, кувшинка, бубышка* – плод растения представляет собой коробочку, *болотникоцвет* – название по месту произрастания (водоемы с медленным течением).

К группе водных прикрепленных растений относится рогульник астраханский (*Trapa astrachanica*), который имеет следующие народные названия: *чили́м, водяной орех, рогатый орех, рогульник, чертов орех, батла́чик (батманчук, батланчик)*.

В названиях нашел отражение мотивировочный признак – название плода растения и его характеристики. Номинация *чили́м* зафиксирована в словаре со значением ‘растение сем. рогульниковых; водяной орех’ [БАС XVII: 1028].

В слабопроточных ериках созревшие орехи с большими крючковатыми выростами-шипами прячутся на стеблях под водой, является лакомством для лебедей, гусей, кабанов, а людям эти орехи помогли пережить голодные военные и послевоенные годы: *Росчи́сть заросла чили́мом; Тебе рыбу пожарить или*

кашу **чилимную** сварить? [с. Цветное Володар. р-н]; **Чилим** можно собирать, только осторожно, он колючий очень. Да, растёт **чилим** вместе с лотосом, а лотос рвать ни в коем случае нельзя [с. Самосделка, Камызяк. р-н].

Название **чилим** для **водяных орехов** встречается на Урале представляет собой заимствование из тюркских языков: кирг. *джилим*; тат. *чилим, шюлим, гилим* [Анненков 1878: 356–357].

По названию плода и места его произрастания *рогульник астраханский* получил название *водяной орех*: *Есть на Дамчикском участке култук, который называют Чилимным. Раньше на этом месте был залив. Но море ушло, залив обмелел. Зарос тростником, рогозом и чилимом. Из-за водяного ореха – чилима – и получил култук свое название* [Володар. р-н].

Плод растения имеет четыре острых шипа, торчащих в разные стороны, что послужило мотивировочным признаком для номинации – *рогатый орех*.

Стремление к экономии языковых усилий превратило аналитическое словосочетание *рогатый орех* в *рогульник*. В астраханских говорах слово *рогульник* используется как для названия всего растения целиком, так и для наименования розетки чилима, т.е. части растения.

Встречается в астраханских говорах номинация *чертов орех*. По данным В.А. Меркуловой, *болотные орехи, колкие орехи, чертовы орехи* – имеют общеславянское распространение названия *Тгара patans L.* [Меркулова 1967: 135]. В речи местных жителей зафиксировано сравнение *как чилим* – 1) о том, что имеет шипы и может уколоть. *Ух, эта ежевика... Собирать её – гибель! Она же такая колючая, как и чилим*; 2) о язвительном человеке, либо о человеке, который плохо идёт на контакт: *Этот младший (сын) у не нравится мне. Колючий как чилим. И вредный*.

Наименование *батлáчик* в говорах выступает как название целого ряда водных растений: **водяных орехов** (*Trapa natans*), **сусака** (*Butomus umbellatus*) и **стрелолиста** (*Sagittaria sagittifolia*). В астраханских говорах вариативность слова достаточно велика:

батлан, батлачик, ботлачик, ботланчик, батланицук, батманчук, батланицук, батлочки (мн.ч.). Наличие суффиксов *-чик, -чук*, характерная мена б/м показывают, что в основе всех этих вариантов лежит тюркский элемент. И действительно, в татарском языке водяные орехи (*Тара патанс*) называют *batmansъ* [Меркулова 1967: 158]. Такой широкий круг растений, которые называются словом *батлачик* и его производными, объясняется местом их произрастания: мелководье, берега водоемов, сырые луга.

В статье рассмотрены наименования астраханских водных растений, состав которых включает общенародные и диалектные слова. Для каждого вида растений характерна синонимия. Одно и то же название может обозначать разные виды растений. Большая часть наименований имеет прозрачную внутреннюю форму, в них легко определяется мотивация (принцип номинации по особенностям внешнего вида, по месту обитания, по сходству эмоциональных впечатлений, по сходству функций). Инославянские наименования обусловлены историческим влиянием тюркских и калмыцкого языков на астраханские говоры.

Литература

- Анненков Н.И.* Ботанический словарь. СПб., 1878. 411 с.
- Гремяченский С.И.* Астраханская водная роза, или каспийская нимфа нелюбо // Вестник естественных наук. Вып. 12, 1856. С. 351–360.
- Коржинский С.* Предварительный отчет о ботанической экскурсии в дельту р. Волга // Труды Общества Естествоиспытателей при Императорском Казанском Университете. Казань, 1884. 31 с.
- Лосев Г.А., Лактионов А.П., Афанасьев В.Е., Леумменс Х.* Флора долины Нижней Волги (в границах Волго-Ахтубинской поймы и дельты Волги). Аннотированный список дикорастущих растений. Астрахань: Изд-во «Чилим», 2008. 219 с.

Меркулова В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений: Травы. Грибы. Ягоды. М.: Наука, 1967. 259 с.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства; пер. В. Зуева. Ч. 3. СПб., 1788. 480 с.

Попов М. Словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык. М., 1911. 458 с.

Словарь Академии Российской. В 6-ти т. Т. 6. СПб., 1794. 600 с. – САР.

Словарь русских народных говоров. Вып. 1–52 / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. М.; Л.-СПб.: Наука, 1965–2021. – СРНГ.

Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. Т. 17. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1965. 1069 с. – БАС.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Т. 4. М.: Прогресс, 1987.

Чугунова-Сахарова Н.Л. Краткий очерк истории возникновения и значения Астраханского гос. заповедника в дельте Волги // Наш край. Астрахань, № 5, 1925. С. 43–48.

Mironova E.B. Names of Lower Volga aquatic plants

The article considers the names of Astrakhan aquatic plants, the composition of them includes national and dialect words. The thematic group, which calls «Attached aquatic plants» is the most expressive in the number of folk names. There are two versions of the name: scientific and folk. Each species of plants forms synonymous rows. The same name may refer to different species of plants. Most of the names have a transparent internal shape and motivation is easily determined in them. The non-Slavic names have the historical influence of the Turkic and Kalmyk languages on Astrakhan dialects.

Keywords: dialect, nomination, theme group, aquatic plants, synonyms.

Пестова Анна Разифовна

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

**Критерии постановки стилистических помет *разг.* и *прост.*
в академических толковых словарях**

В статье рассматриваются критерии разговорности и просторечности слова в лексикографическом аспекте. Указываются различные факторы, которые учитывают составители словарей при постановке стилистических помет *разг.* и *прост.* Помимо критериев, которые можно извлечь из описаний этих помет, данных в предисловиях к академическим толковым словарям (начиная с «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова), перечисляются и те, которые в явном виде в них не формулируются, однако усматриваются при анализе выборки слов с пометами *разг.* и *прост.* в этих словарях. Особое внимание уделяется такому параметру, как метафорический характер значения слова.

Ключевые слова: лексикография, стилистика, лексикографическая стилистика, толковый словарь, стилистические пометы, разговорная речь, просторечие.

Вопрос, которому посвящена настоящая статья, актуален как с теоретической точки зрения, так и с практической. Определение критериев использования стилистических помет *разг.* и *прост.* в лексикографическом аспекте позволит прояснить природу сниженной лексики. Что касается практической значимости, то она связана непосредственно с постановкой стилистических помет в толковых словарях.

Перед нами данная проблема встала в процессе работы над двумя принципиально разными словарями, которые создаются в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН:

1) «Толковым словарем русской разговорной речи» (далее – ТСРР), составлением которого занимается отдел современного русского языка под руководством д. ф. н. проф. Л.П. Крысина;

2) «Академическим толковым словарем русского языка» (далее – АТоС), над которым работает группа под руководством к. ф. н. А.Э. Цумарева.

Как очевидно из названий этих словарей, они сфокусированы на разных языковых объектах: ТСРР описывает разговорную речь (и является дескриптивным), в то время как АТоС – современный русский литературный язык (и является нормативным). Однако перед обоими стоит проблема стилистической квалификации лексики, в том числе разговорной и просторечной. Составители данных словарей в ходе работы нередко сталкиваются с трудностями разграничения нейтральной лексики и разговорной, разговорной и просторечной, просторечной и жаргонной и т. д. При принятии решения в каждом конкретном случае они обращаются к различным критериям.

При постановке стилистических помет лексикографы опираются¹:

1) на традицию, устанавливаемую авторитетными словарями;

2) формальные показатели стилистической принадлежности;

3) цитатные материалы;

4) собственную интуицию.

1. Начнем с традиции, устанавливаемой авторитетными словарями, и рассмотрим критерии разговорности и просторечности слова на материале теоретических обоснований соответствующих помет в академических толковых словарях русского языка, начиная с «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова (далее – Ушаков), т. е. на материале тех

¹ См. об этом, в частности, [Петрищева 1984: 13; 74–120, Резниченко 1984: 128–129, Емельянова 2004: 84].

обоснований использования стилистических помет, которые даются в предисловиях словарей.

В первую очередь отметим лаконичность этих обоснований: «читателю предоставляют возможность самому “догадаться” о качестве и объеме таких лексикографических понятий» [Емельянова 2013: 284]. См. также: «...существующие толковые словари русского языка не претендуют на теоретическую разработанность в области стилистических соотношений слов, многие пометы даются в них по традиции. В одну рубрику – “разговорное” – попадают, например: спешка, лежебока, жакетка, стычка, воротила, неразбериха. ...Трудно найти закономерность в подобном объединении слов, и заранее ясно, что “разговорный словарь”, извлеченный из любого имеющегося у нас толкового словаря, будет конгломератом разных по своей природе лексем» [Капанадзе 2005: 91].

Авторы словарей поясняют содержание помет *разг.* и *прост.* с опорой на речевой узус и на языковую норму; при этом формальные критерии, которыми может руководствоваться лексикограф при стилистическом маркировании определенного слова, практически отсутствуют.

Так, для разговорной речи в предисловиях к академическим толковым словарям перечисляются, как правило, такие основные параметры, как употребление в живой непринужденной, преимущественно устной речи, соответствие нормам литературного употребления; в «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (далее – МАС), кроме того, утверждается, что обычно разговорные слова являются синонимами к книжным, литературным (с различными смысловыми и эмоциональными оттенками), а «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (далее – БТС) допускает их употребление также в деловой или официальной обстановке.

Что касается просторечия, то его составители словарей обычно располагают на шкале нормативности ниже разговорной речи, но всё еще на границе литературного языка, отмечают в нем грубоватую, сниженную экспрессию, а также указывают на

употребление просторечных лексических средств в обиходной, бытовой, эмоционально раскованной повседневной речи. Следует признать некоторую противоречивость лексикографического описания стилистических помет *разг.* и *прост.* с точки зрения их употребления преимущественно в непринужденной устной речи: ведь основную часть иллюстративных примеров в нормативных толковых словарях составляют цитаты из художественной литературы, научных текстов и публицистики.

В инструкциях к «Словарю современного русского литературного языка» в 17 томах (БАС) и к первому изданию МАСа, кроме того, указываются некоторые морфологические критерии разговорной речи: такие, как экспрессивные суффиксы существительных *-ыш* (*заморыш*), *-ун* (*крикун*), *-ан* (*критикан*), *-ач* (*рвач*), *-тяй* (*слюнтяй*) и т. п., суффиксы прилагательных *-ат-* (*зубатый*), *-оват-* (*плутоватый*), *-аст-* (*языкастый*) и т. п. (см. [Инструкция 1953: 43–45, Инструкция 1958: 41]).

Проанализировав использование помет *разг.* и *прост.* в академических толковых словарях русского языка, мы пришли к выводу, что, помимо указанных выше критериев, лексикографы руководствовались также некоторыми другими, в явном виде не сформулированными в предисловиях к этим словарям. По большей части такие критерии основаны на исследовательской интуиции и являются не строгим требованием, а скорее тенденцией, которую можно усмотреть при анализе выборки слов с пометами *разг.* и *прост.* в ряде академических словарей.

Вот эти критерии:

- 1) переносный характер значения слова;
- 2) наличие эмоциональной оценочности;
- 3) наличие у слова нейтрального лексического эквивалента;
- 4) приемлемость в текстах нейтрального стиля;
- 5) частотность слова в современном русском языке.

Обычно на решение лексикографа влияет комплекс этих факторов, нередко действующих разнонаправленно. Каждый из этих дискуссионных критериев мог бы быть темой отдельной

публикации, поэтому в настоящей статье мы остановимся только на одном – на **переносном характере значения слова**, а именно на метафорическом¹.

Исследователи, изучающие сниженные стили речи, указывают, что одним из способов номинации здесь является метафорический перенос. Например, в разговорной речи активно употребляются существительные со значением ‘животное, птица, рыба, насекомое’ в переносном смысле – как оценочная характеристика какого-либо лица: *баран, ворона, акула, паук* и мн. др. [Капанадзе 2005: 269, Крысин 2010]. В просторечии типично метафорическое использование названий болезней: *холера, чума, язва* и т.п., а также названий учреждений, предприятий, населенных пунктов: *деревня, дурдом, колхоз* – для резко отрицательных или грубых характеристик лица (см., например, [Ермакова 1984: 136–137, Еремин 2001]). Очевидно, что перечисленные случаи метафорического переноса в сниженной речи объединены общим признаком – экспрессией и оценочностью. Словари здесь сравнительно единодушны, маркируя такие слова как сниженные (правда, с некоторыми расхождениями: например, слово *ворона* в переносном значении в МАСе и в «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н.Ю. Шведовой (далее – СШ) дается с пометой *разг.*, в БТСе – *разг.-сниж.*, в АТоСе – *разг. неодобр.*

Когда, помимо метафорического переноса, в значении присутствует экспрессивная окраска или оценка, словари, как правило, относят такое значение к разговорному либо просторечному, например:

• *актер* ‘притворщик’ (Ушаков, МАС, АТоС – *разг.*, СШ – *неодобр.*);

¹ Ограничения в объеме статьи не позволяют нам остановиться на другом виде переноса как критерии разговорности или просторечности слова — метонимическом.

• *аппетитный* ‘привлекательный, соблазнительный’ (Ушаков – *разг. вульг.*, МАС – *прост.*, БТС – *одобр.*¹, ТСРР², АТоС – *разг.*);

• *баба-яга* ‘о злой, сварливой женщине’ (БТС, АТоС – *разг.*);

• *пешка* ‘о незначительном, несамостоятельном в своих действиях человеке’ (Ушаков – *разг. фам.*, МАС, БТС – *разг.*, СШ – *прост.*, ТСРР – *пренебр.*);

• *узколобый* ‘недалекий, ограниченный’ (МАС, БТС – *разг.*).

Если же слово в переносном значении не приобретает дополнительной экспрессии или оценки, то оно всё равно может ощущаться как разговорное, например:

• *авария* ‘неожиданное нарушение в ходе какого-л. дела’ (Ушаков, МАС, БТС, АТоС, ТСРР – *разг.*);

• *аппендикс* ‘небольшая часть какого-л. помещения, строения’ (БТС, ТСРР, АТоС – *разг.*);

• *загробный* ‘глухой и низкий (о голосе, звуке)’ (МАС, БТС, АТоС – *разг.*);

• *залпом* ‘сразу, без передышки’ (Ушаков, МАС, СШ, БТС, ТСРР и *разг.*).

Однако в обоих случаях (и с экспрессивной окраской, и без нее) есть дискуссионные случаи постановки стилистической пометы *разг.* или *сниж.* Например, существительное *анархия* в значении ‘безначалие, беспорядок, хаос’ маркируется в Словаре Ушакова, МАСе, БТСе и АТоСе стилистической пометой *разг.* Тем не менее иллюстративные примеры едва ли можно назвать разговорными: *В учреждении царит анархия* (Ушаков), *Чинный порядок давно оттеснен был веселой анархией* (АТоС). На наш

¹ Здесь следует отметить, что в БТС отсутствует сочетание пометы *разг.* с пометами, передающими эмоционально-экспрессивную оценку, т. к. они «уже предполагают разговорную лексическую основу» [БТС: 16].

² Помета *разг.* в ТСРР отсутствует, т. к. весь словарь посвящен описанию разговорной лексики.

взгляд, корректным здесь является отсутствие стилистической пометы (как, например, в СШ).

Другой пример – существительное *бонза* в значении ‘надменное, чванное должностное лицо, высокопоставленный чиновник’, которое сопровождается в МАСе и БТСе пометой *разг.* Пожалуй, трудно представить себе употребление указанного значения в непринужденной разговорной речи (а это, как упоминалось ранее, является основным критерием разговорности, который формулируется в предисловиях словарей). Поэтому более точной стилистической характеристикой является, видимо, лишь помета *неодобр.*, которой сопровождается это значение в АТоСе.

Слово *бабочка* в значении ‘галстук’ в МАСе, АТоСе и БТСе маркируется пометой *разг.* Однако оно употребляется в качестве официального названия данного вида галстука в магазинах: другое, «нейтральное» наименование в литературном языке отсутствует. Здесь более правильной нам представляется стилистическая квалификация, которую дает этому значению СШ, а именно отсутствие стилистических помет. Представляется, однако, что одной м

Подводя итог анализу метафорического переноса как критерию постановки в толковом словаре стилистической пометы *разг.* или *прост.*, отметим, что одной метафоричности значения слова недостаточно, чтобы считать его разговорным либо просторечным. Давая стилистическую оценку слову или его отдельному значению, лексикограф должен оперировать комплексом аргументов, учитывать разнородные факторы и опираться на разные по своей природе свойства слова. Именно это позволяет составителю словаря принимать в большинстве случаев оптимальные решения, в той или иной степени согласующиеся с его собственной языковой интуицией и с интуицией большинства носителей языка.

Литература

Академический толковый словарь русского языка. Т. 1–2 / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: 2016. – АтоС.

Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с. – БТС.

Емельянова О.Н. Стилистическая информация в толковом словаре (аналитический обзор проблематики). Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. 315 с.

Еремин А.Н. Проблемы лексической семантики русского просторечия: дис. ... докт. филол. наук. М., 2001. 502 с.

Ермакова О.П. Номинации в просторечии // Городское просторечие. Проблемы изучения // отв. ред. Е.А. Земская и Д.Н. Шмелев. М.: Наука, 1984. С. 130–141.

Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в трех томах). Л.: Изд-во АН СССР, 1953.

Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в пятнадцати томах). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

Капанадзе Л.А. Проблемы изучения русской устной речи // Капанадзе Л.А. Голоса и смыслы. Избранные работы по русскому языку. М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2005. С. 81–272.

Крысин Л.П. «Животная» метафора в обозначении человека // Толковый словарь русской разговорной речи. Проспект. М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2010а. С. 55–59.

Петрищева Е.Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. М.: Наука, 1984. 224 с.

Резниченко И.Л. Стилистический узус русского языка советской эпохи и его отражение в лексикографии: дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. 272 с.

Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. Т. 1-17. М.-Л., 1948–1965. – БАС.

Словарь русского языка. Т. 1–4 / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981–1984. – МАС.

Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940. – Ушаков.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2007. 1166 с. – СШ.

Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1–3 / отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2014–2020. – ТСРР.

Pestova A.R. Criteria for setting stylistic labels razg. and prost. in academic dictionaries

This paper deals with the criteria of colloquiality and vernacular from the lexicographical point of view. Various factors, which lexicographers take into account while marking the words as colloquial or vernacular, are named. Some of these criteria can be extracted from the prefaces of the academic explanatory dictionaries (starting with Ushakov Dictionary). Other parameters are implicit and can be seen by means of analyses of stylistic marks “colloquial” and “vernacular” in these dictionaries. Special attention is given to such criterion as metaphorical character of the word meaning.

Keywords: lexicography, stylistics, lexicographic stylistics, explanatory dictionary, stylistic marks, colloquial speech, vernacular.

Савушкина Анастасия Сергеевна
Смоленский государственный университет

**Бытовая лексика смоленских говоров
в лингвогеографическом аспекте**

Статья посвящена сравнению функционирования суффиксов *-ниц(а)* и *-иц(а)* смоленских говоров в лингвогеографическом аспекте. Для сопоставления суффиксов и их семантики в системе смоленских говоров были привлечены данные лингвогеографии, которые позволили наиболее точно дать характеристику диалектного грамматического явления. При помощи метода ареалов были составлены карты распространения бытовой лексики с данными суффиксами. На основе полученного материала выделены ареальные признаки каждого суффикса: формально-картографические и лингвистические. Ареалы позволили выявить главное различие суффиксов – пространственное. Полученные результаты позволяют сделать вывод о более активном функционировании суффикса *-иц(а)* в смоленских говорах.

Ключевые слова: отсубстантивный тип деривации, диалектная основа, суффикс *-ниц(а)*, суффикс *-иц(а)*, лингвогеография, метод ареалов.

Цель нашего исследования – построить ареалы для суффиксов *-ниц(а)* и *-иц(а)* на основе зафиксированных в смоленском диалекте данных. Актуальность и новизна работы заключается в том, что лингвогеографический материал выступает в качестве дополнительной характеристики суффиксов. Он более объемно представляет жизнь явления в диалекте, поскольку любой диалект изначально привязан к определенной территории. На наш взгляд, целесообразно на разных этапах описания диалектных явлений самого разного плана привлекать данные лингвогеографии.

Бытовая лексика в смоленских говорах имеет большое количество дериватов, среди них особое место занимают имена существительные с суффиксом -ниц(а) и -иц(а).

Для сравнительного анализа двух суффиксов были выбраны наиболее распространенный тип деривации для данных суффиксов – отсубстантивный. В данном типе деривационных отношений производных слов было насчитано 70 для суффикса -ниц(а) и 38 – для суффикса -иц(а). Производность существительных квалифицирована по мотивированности производящей основы. Таким образом, были выделены две подгруппы: 1) производные слова, мотивированные литературной производящей основой; 2) производные слова, мотивированные диалектной производящей основой [Луныкова 2007: 36-43]. Нас интересует именно вторая подгруппа.

Таким образом, для следующего этапа исследования мы использовали 21 существительное с суффиксом -иц(а) и 19 – с суффиксом -ниц(а). Для каждой группы дериватов была составлена соответствующая система лексико-грамматических значений. Суффикс -иц(а) в заданной системе координат, по нашему мнению, имеет следующие 4 значения: 1) механизм: *баба-бабица* (*баба́* – ‘деревянный круг, на котором сгибают дуги, полозья’); *ба́бица* – ‘ступица в колесе’); *мотуля-мотулица* (*моту́ля* – ‘приспособление для перематывания пряжи в мотки’); *моту́лица* – ‘часть самопрялки, на которую накручивали нитки’); *прясло-пряслица* (*пря́сло* – ‘изгородь из жердей’); *пря́слица* – ‘приспособление для прядения, состоящее из двух досок, соединенных под прямым углом; одна вертикальная, к которой привязывалась кудель, другая горизонтальная – для сидения’); 2) еда: *крупеня-крупеница* (*крупéня* – ‘суп из крупы или с добавлением крупы, сваренный на воде или молоке’); *крупенíца* – то же, что и крупеня); *тесто-тестица* (*тэ́сто* – ‘мучной кулеш, заправленный салом или мясом’); *тестíца* – ‘кулеш’); 3) одежда: *заборня-заборница* (*забо́рня* – ‘сборки у горловины, на рукавах рубашки, кофты’); *забо́рница* – ‘женская рубашка, блуза со сборками и вышивкой у горловины, на рукавах’); 4) внутренняя

часть дома: *матка-матчица* (*ма́тка* – ‘основная балка, поддерживающая потолочный настил’; *ма́тчица* – то же, что и *матка*); *столь-столица* (*сто́ль* – ‘потолок в избе’; *сто́лица* – ‘широкая балка потолка’); *мост-мостица* (*мо́ст* – ‘пол’; *мо́стица* – ‘половица’) [Бояринова, Иванова 1974-2005]. Сравним полученные результаты с данными о суффиксе -ниц(а), где было также выделено 4 группы значений: 1) посуда, емкость: *oley-oleyница* (*оле́й* – ‘растительное масло’; *оле́йница* – ‘специальная воронка для наливания масла’), *загнетка-загнетница* (*загне́тка* – ‘шесток русской печи’; *загне́тница* – ‘сковородница’); *оторя-оторница* (*отбо́ря* – ‘мякина, отходы при обмолоте снопов’; *отбо́рница* – ‘короб, корзина больших размеров для переноски корма скоту’); 2) постройка, часть постройки: *ложя-ложница* (*ло́жа* – ‘место для спанья, постель’; *ложни́ца* – то же, что и *ложя*); *головашки-головашница* (*голова́шки* – ‘деревянная подставка в изголовье’; *голова́шница* – то же, что и *головашки*); 3) одежда: *блюза-блюзница* (*блю́за* – вышитая полоска, украшающая верхнюю (на груди) часть сарафана; *блю́зница* – то же, что и *блюза*); *маржет-маржетница* (*марже́т* – ‘манжет’; *марже́тница* – ‘женская одежда (кофта, короткая рубашка и под.) с манжетами’); *сборы-сборница* (*сбо́ры* – ‘складки, сборы’; *сбо́рница* – ‘праздничная вышитая рубашка с длинными рукавами’); 4) еда: *губа-губница* (*губа́* – ‘гриб’; *губни́ца* – ‘грибной суп’) [Бояринова, Иванова 1974-2005]. Таким образом, общими являются значения «еда» и «одежда». Корреляционными по значению можно назвать значения «внутренняя часть дома» для суффикса -иц(а) и «постройки, часть постройки» – у -ниц(а). Значения «механизм» (суф. -иц(а)) и «посуда» (суф. -ниц(а)) оказались не тождественными друг другу.

Дальнейший этап нашей работы – картографирование диалектного материала. Осветим подробнее результаты лингвогеографической работы.

Для реализации лингвогеографического аспекта описания диалектного материала нами был использован один из главных

картографических методов – метод ареалов [Кузнецова: 88-91]. Его суть заключается в отображении на карте отдельной территории распространения того или иного объекта или явления.

Границей распространения лексической единицы выступают изоглоссы, которые компактно образуют зону употребления диалектизма. Таким образом, при построении лингвогеографической карты мы получаем целостное территориальное явление, которое затем характеризуется как структурно-территориальная величина. Отметим, что центральным понятием при декодировании лингвогеографической карты является понятие пространства, так как оно устанавливает тип ареала и его локализацию [Аванесов 1965: 24-35].

Для реализации нашей цели мы построили лингвогеографические карты для каждого суффикса. Целесообразным, на наш взгляд, является картографическое отображение существительных с суффиксами -ниц(а) и -иц(а) на отдельных картах по четырем соответствующим значениям. Это позволит нам доказать функционально-семантическое тождество данных суффиксов [Аванесов 1965: 24-35].

Суффикс -ниц(а) мы рассмотрели в следующих семантических вариантах: *отóрница, головáшница, маржéтница, губница* [Бояринова, Иванова 1974-2005].

Всего имеется 11 ареалов распространения лексем с суффиксом -ниц(а), среди которых два охватывают целые районы (Ярцевский и Починковский), а девять представляют собой отдельные поселочные пункты. (см. рис. 1). Наиболее распространенной лексемой является «*отóрница*», которая относится к группе слов со значением «посуда», наименее – «*губница*», выражающая значение «еда».

Для лингвогеографического описания суффикса -иц(а) мы выбрали по одной лексеме четырех соответствующих тематических групп: *пряслица, крупени́ца, забóрница, мости́ца* [Бояринова, Иванова 1974-2005].

Для существительных с суффиксом -иц(а) мы выделили 27 ареалов, что в 2,5 раза больше, чем ареалов с суффиксом -ниц(а). Среди 27 ареалов 9 охватывают целые районы (Холм-Жирковский, Сафоновский, Ярцевский, Ельнинский, Рославльский, Шумячский, Монастырщинский, Краснинский, Руднянский), 18 – отдельные населенные пункты внутри остальных районов (см. рис. 2). При данном картографировании самой употребляемой лексемой оказалась «*пряслица*», выражающее значение «механизма», менее – «*мостица*», представляющее значение «часть дома».

Полученные данные позволяют нам сделать вывод о типичных значениях для каждого суффикса, то есть какую область быта наиболее часто обслуживают данные суффиксы. Для суффикса -ниц(а) – это значение механизма (11 ареалов), для -иц(а) – значение посуды (3 ареала). Эти значения на карте представлены синей заливкой и синим значком. Следует отметить, что ареалы данных лексем также не совпадают, единственная область их пересечения – это населенный пункт Манюки Монастырщинского района (см. рис. 3). Таким образом, семантическое различие данных значений подтверждается и их географическими характеристиками, то есть областью распространения. Следовательно, мы можем говорить о полном семантическом и географическом различии данных суффиксов, которые были получены в результате картографирования диалектных данных.

Сравним суффиксы по их общим тематическим группам, то есть рассмотрим значения «еда», «одежда» и «часть постройки, дома».

Значение «еда» представлено диалектизмами *губница* (суф. -ниц(а)) и *крупеница* (суф. -иц(а)), которые на карте зашифрованы темно-сиреневым цветом и соответствующим сиреневым значком. *Губница* охватывает 1 ареал, *крупеница* – 3 ареала. Отметим, что ареалы данных слов не имеют пересечений, несмотря на семантическую тождественность (см. рис. 3). Для данных суффиксов значение «еда» не является определяющим,

что доказывает незначительное количество ареалов распространения слов с данным значением.

Значение «одежда» более функциональное для рассматриваемых нами суффиксов. Это значение на карте представлено зеленой заливкой и соответствующим зеленым значком. *Маржётница* (суф. -ниц(а)) охватывает 3 ареала, *заборница* (суффикс -иц(а)) – 9 ареалов. Данное значение, как и предыдущее, в 3 раза лучше квалифицируется в суффиксе -иц(а). Также у данных лексем есть пересечения в Кардымово и Кузьмишкино Кардымовского района (см. рис. 3).

Значение «часть постройки, дома» представлено нами следующими вариантами слов: *головáшница* (суф. -ниц(а)) и *мостíца* (суф. -иц(а)), которые зашифрованы на карте оранжевой заливкой и оранжевым значком. Географически *головáшница* встречается в 3-х ареалах, *мостíца* – также в 3-х ареалах. Таким образом, данное значение одинаково реализуется в двух суффиксах, которые ареально нетождественны и не имеют пересечений изоглосс (см. рис. 3).

Выделим ареальные признаки для каждого суффикса (формально-картографические и лингвистические) [Вендина, 2009: 27-28].

Начнем с описания суффикса -ниц(а). Во-первых, дадим формально-картографическую характеристику данным ареалам:

- 1) с точки зрения пространства – это дистантные ареалы;
- 2) место локализации ареала относится только к одной языковой группе – восточной;
- 3) с точки зрения качественных характеристик – это точечные, разорванные, сплошные ареалы.

Во-вторых, немаловажной является лингвистическая характеристика ареалов:

- 1) тип основ для корреспондирующих лексем – производный;
- 2) отсутствие дериватов, которые являются однокоренными для лексем;

3) диалектизмы распространены только в пределах восточной языковой группы;

4) отсутствие явления конкуренции с другой лексемой в данных ареалах;

5) характер корреспондирующих лексем – прямое значение;

6) данные лексемы вписываются в определенную лексическую микросистему смоленских говоров: бытовая лексика с суффиксом -иц(а) в смоленских говорах.

Охарактеризуем суффикс -иц(а) по заданному плану.

Формально-картографическая характеристика:

1) с точки зрения пространства – это контактные ареалы;

2) место локализации ареала относится только к одной языковой группе – восточной;

3) с точки зрения качественных характеристик – это точечные, разорванные, сплошные ареалы.

Лингвистическая характеристика:

1) тип основ для корреспондирующих лексем – производный;

2) отсутствие дериватов, которые являются однокоренными для лексем;

3) диалектизмы распространены только в пределах восточной языковой группы;

4) отсутствие явления конкуренции с другой лексемой в данных ареалах;

5) характер корреспондирующих лексем – прямое значение;

6) данные лексемы вписываются в определенную лексическую микросистему смоленских говоров: бытовая лексика с суффиксом -иц(а) в смоленских говорах.

На основе приведенных характеристик мы пришли к выводу, что ареалы данных суффиксов однотипны. С формальной точки зрения ареалы отличаются пространственной характеристикой, все остальные параметры описания и сравнения совпадают. Пространственное различие суффиксов позволяет говорить о том, что наиболее функциональным на территории Смоленской области является суффикс -иц(а), поскольку ареалы

его распространения контактные, следовательно, слова с данным суффиксом имеют большую площадь употребления, чего нельзя сказать о суффиксе -ниц(а), который представлен дистантными ареалами.

Приложение

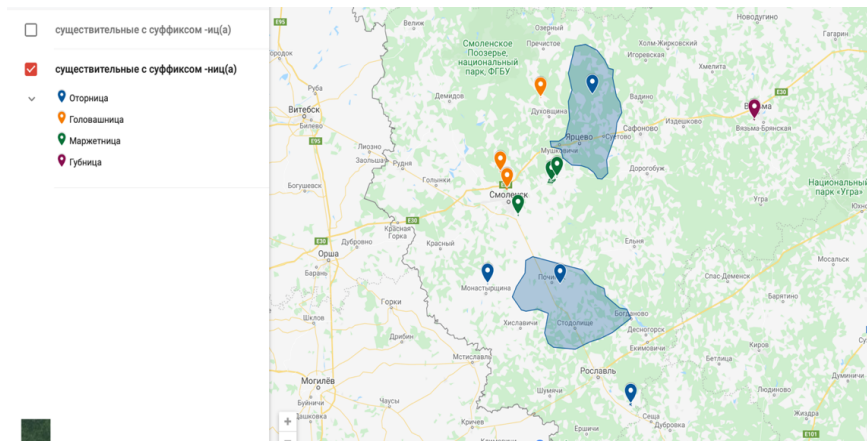

Рис. 1. Карта распространения лексем с суффиксом -ниц(а) на территории Смоленской области

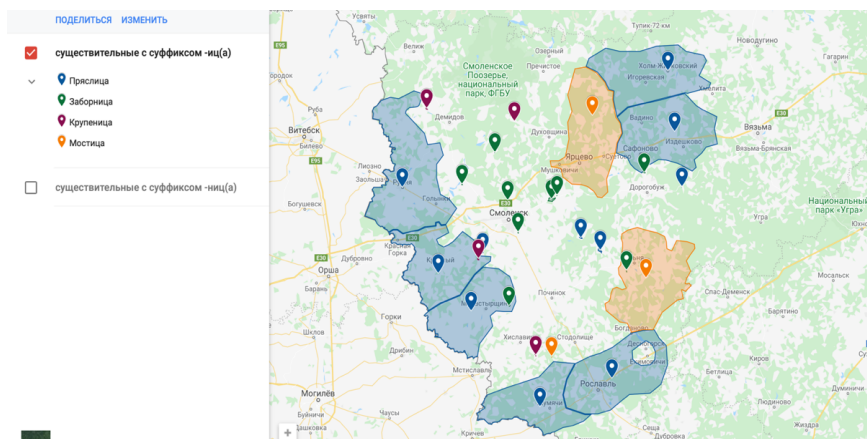

Рис. 2. Карта распространения лексем с суффиксом -иц(а) на территории Смоленской области

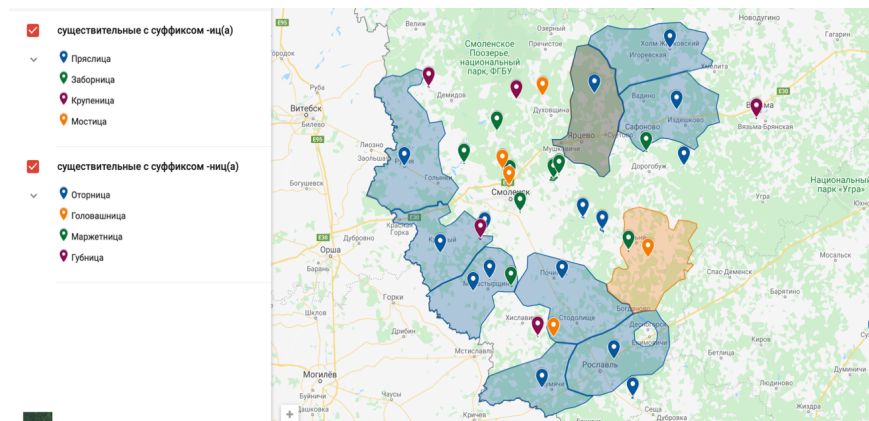

Рис. 3. Карта распространения лексем с суффиксами -иц(а), -иц(а) на территории Смоленской области

Литература

Аванесов Р.И. О двух аспектах предмета диалектологии // Общеславянский лингвистический атлас (материалы и исследования). М.: Наука, 1965. С. 24-35.

Бояринова Л.З., Иванова А.И. Словарь Смоленских говоров: в 11-ти т. Смоленск: СГПИ, 1974-2005.

Вендина Т.И. Лингвогеография и проблема декодирования языка карты // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 4 (2). 2010. С. 457-460.

Кузнецова Р.С. Картографические способы отображения ареалов. Самара, 2002. 32 с.

Лунькова Е.С. Словообразовательная и морфемная система смоленских говоров: сравнительно-сопоставительный анализ. Смоленск, 2007. 408 с.

Savushkina A. S. Everyday vocabulary of Smolensk dialect in the linguistic and geographical aspect

The article is devoted to the comparison of the functioning of the suffixes -nits(a) and -its(a) of Smolensk dialect in the linguogeographic aspect. To compare suffixes and their semantics in the system of Smolensk dialects, linguogeography data were used, which made it possible to most accurately characterize the dialect grammatical phenomenon. Using the areas method, maps of the distribution of household vocabulary with these suffixes were compiled. Based on the obtained material, the areal features of each suffix are distinguished: formal cartographic and linguistic. They made it possible to identify the main difference of suffixes — spatial. The results obtained allow us to conclude that the suffix — its(a) is functioning more actively in Smolensk dialect.

Keywords: substantive type of derivation, dialect basis, suffix -nits(a), suffix -its(a), linguogeography, method of areas.

Соколов Евгений Геннадьевич
Институт лингвистических исследований РАН

**Лексическая единица в историческом двуязычном корпусе:
синтактика и семантика**

В статье рассматривается проблема представления лексических единиц в историческом двуязычном корпусе на примере будущего собрания русских переводов с латинского языка XV – XVI вв. Лексический анализ памятников обусловлен необходимостью их лингвистической группировки и атрибуции. Однако, учитывая переводную природу памятников, их лексику нельзя рассматривать в отрыве от лексики текста латинского оригинала. Та, в свою очередь, тесно связана с синтаксическим и семантическим уровнями языка. Это приводит нас к мысли о необходимости включить в описание лексических единиц корпуса развернутое описание их синтаксических характеристик, которые могут в определённой мере служить базисом и для описания их значения (в формате векторной семантики).

Ключевые слова: параллельный корпус, атрибуция, XVI век, переводы, латинский язык, лексика, синтаксис, семантика.

Рубеж XV – XVI вв. – время тесного контакта Московского государства с Западным миром. Возрастает взаимный культурный, торговый и дипломатический интерес, западные специалисты поступают на русскую службу, а в Европе появляются печатные сообщения о Московском государстве – происходит «открытие России» [Wimmer 2005: 62-63]. Взаимодействие русской и западной культур отражается и в русской книжности.

С 1490 года в рамках книжного кружка новгородского архиепископа Геннадия с латинского языка переводятся отдельные книги Библии, календарно-богослужebные трактаты и полемические сочинения Николая де Лиры и рабби Самуила, необходимые Геннадию для борьбы с «ересью жидовствующих».

В 1504 году кружок прекращает существование [Wimmer 2005: 14], но русско-церковнославянские переводы с латыни продолжают появляться. Переведены оказываются, к примеру, «Троянская история» Гвидо де Колумны, иногда приписываемая ещё Геннадиевскому кружку [Wimmer 2005: 175], «География» Помпония Мелы [Матасова 2017], повесть Энея Сильвия Пикколомини «Взятие Константинополя турками» [Клосс 1974], грамматика «Малый Донат» и синтаксический трактат «Правила грамматичные» [Томеллери 1999], сочинение «Книга святого Августина» [Калугин, 2002], псалтирь Брунона Вюрцбургского [Томеллери 2004] и «Известие о Молуккских островах» Максимилиана Трансильвана [Казакова, Катускина 1968]. Через эти книги русский читатель знакомился как с античной, так и с западноевропейской культурной традицией, узнавал о новейших открытиях: так, «Известие о Молуккских островах» – это перевод первого печатного отчёта о кругосветном плавании Магеллана, появившийся вскоре после публикации оригинала.

К сожалению, немногие из этих произведений сохранили имя переводчика. К примеру, в приписках к трактату Николая де Лиры [Федорова 1999-1] и псалтири Брунона переводчиком себя напрямую называет Дмитрий Герасимов [Wimmer 2005: 77, 83] – известный участник Геннадиевского кружка. Вообще же переводы часто приписываются какому-то книжнику по культурно-историческим соображениям. К примеру «Известие о Молуккских островах» было, по мнению его издателей, переведено на церковнославянский все тем же Герасимовым. Их аргументация такова: Герасимов – самый известный переводчик своего времени; он интересовался географией; он мог купить оригинал книги во время посольства в Рим; наконец, единственный известный экземпляр перевода, рукопись РНБ Q.IV.412, написан рукой Михаила Медоварцева, работавшего вместе с Герасимовым под началом Максима Грека [Казакова, Катускина 1968: 237-38].

В двух статьях – ныне покойной немецкой исследовательницы Эльке Виммер [Wimmer 1990] и докладчика

[Соколов 2014] – выдвинут ряд контраргументов лингвистического характера: техника перевода, вопреки утверждениям издателей, не пословная – а это необычно для Герасимова; многочисленны случаи небуквального перевода; в тексте встречаются грецизмы, отсутствующие в оригинале – к примеру, моноксилы – ‘лодка-однодеревка’ – а также переводы латинских грецизмов – а достоверно известно, что Герасимов греческого не знал [Wimmer 2005: 62].

Итак, можно видеть, что языковые доводы могут поставить под сомнение культурно-историческую атрибуцию текста. Но способно ли лингвистическое исследование помочь в установлении автора перевода?

Это важный вопрос. С одной стороны, даже специалисты-нелингвисты признают значимость языковых методов атрибуции: так, Т.А. Матасова, хотя и предполагает, что «Географию» Мелы перевел кто-то из семьи дипломатов Траханиотов, оставляет последнее слово за филологами и лингвистами [Матасова 2017]. С другой стороны, для лингвистического доказательства авторства недостаточно иметь тот же набор доводов, что и для опровержения авторства. Когда Эльке Виммер предлагает переводчиком «Известия о Молуккских островах» считать Максима Грека, ее лингвистические доказательства звучат уже гораздо менее убедительно.

Так как же обстоят дела с лингвистической атрибуцией текста?

Лингвист исследует технику перевода. Чем ближе она у двух переводов, тем ближе эти переводы друг к другу с языковой точки зрения. Если для одного из переводов известен автор, то можно судить – положительно или отрицательно – и об авторстве второго перевода. В прочих случаях можно говорить лишь о степени близости техники перевода – но и это уже важно, так как дает обоснованную лингвистическую группировку текстов.

Для полноценного сравнения переводы должны быть описаны максимально подробно и формально, ибо мы не знаем заранее, в чем заключено их языковое сходство и различие.

Попробуем описать методику такого сравнения, двигаясь от синтаксического уровня к лексическому, но постоянно имея в виду, что синтаксическое строение текста, как и семантика его, определяется семантикой и синтактикой отдельных лексем.

У каждого перевода есть оригинал. Если оригинал установлен, имеется пара текстов «текст оригинала – текст перевода». Такие пары могут быть объединены в корпус, что позволит исследовать их машинным способом в соответствии с той или иной формальной моделью языка.

Сравнение цепочек словоформ

Простейшая модель языка – это множество цепочек – конечных последовательностей потенциально повторяющихся элементов, взятых из некоего множества (фонем, морфем, словоформ и так далее) [Partee et al. 1990: 433-435].

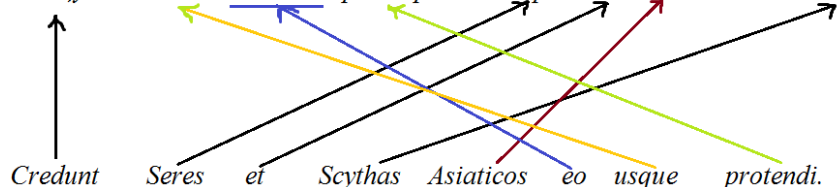
В рамках этой простейшей модели и текст, и отдельное высказывание внутри текста можно понимать как цепочку словоформ. Данное ниже предложение, к примеру, – цепочка словоформ из текста перевода «Известия о Молуккских островах»:

Непщуютъ даждь до тогѡ простира́тися сѹромь и въсто́чнымь скѹѡомь.

Ему соответствует следующая цепочка из текста оригинала:
Credunt Seres et Scythas Asiaticos eousque protendi.

Между словоформами (или цепочками словоформ) внутри этих цепочек можно провести соответствие (на иллюстрации обозначено разноцветными стрелочками):

Непщуютъ даждь до тогѡ простира́тися сѹромь и въсто́чнымь скѹѡомь.

Это соответствие – функция ‘переводится через’. Если произвольную словоформу оригинала обозначить через s , произвольную словоформу перевода – через t , а функцию – через F , то $F\langle s, t \rangle$ будет читаться ‘ s переводится через t ’. Для пары цепочек словоформ множество, заданное этой функцией, и дает простейшую «технику перевода». В данном случае запись «техники перевода» в виде функции над двумя цепочками будет выглядеть так:

$$F := \{ \langle \text{credunt, непщуют} \rangle, \langle \text{seres, сѣромъ} \rangle, \langle \text{et, и} \rangle, \langle \text{scythas, скѣомъ} \rangle, \langle \text{Asiaticos, вѣсточнымъ} \rangle, \langle \text{eo, до тог} \rangle, \langle \text{usque, дѣждь} \rangle, \langle \text{protendi, простираѣтся} \rangle \}.$$

Приведя все словоформы к исходным лексемам, получим словник следующего вида:

credo – непщевати, seres – сири, et – и, scytha – скѣѡъ, asiaticus – вѣсточный и т.д.

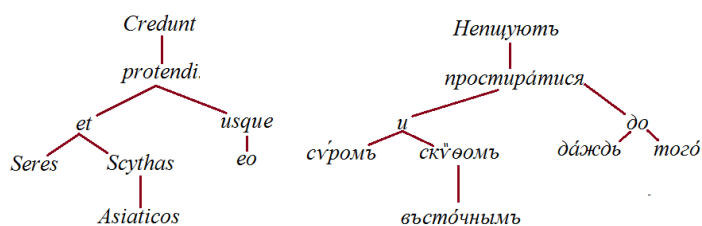
Для простейшего лексического сравнения он годится, но для лингвистического сопоставления текстов его, вероятно, недостаточно.

Сравнение синтаксической структуры

К счастью, мы знаем, что элементы высказывания иерархически организованы, и эта иерархия представима в виде синтаксического дерева – древесного графа, на котором задано отношение зависимости или отношение включения. В докладе мы воспользуемся деревьями зависимостей как более простыми и известными.

Текст с этой точки зрения мы будем считать множеством деревьев зависимостей, каждое из которых представляет собой самостоятельно высказывание.

Вот, скажем, два дерева из оригинала и перевода «Известия о Молуккских островах»:

Можно видеть, что эти деревья представляют собой те же высказывания, что и цепочки из предыдущего примера, но организованные иерархически: *protendi* зависит от *credunt*, *простира́тися* зависит от *непщуютъ* и так далее.

Эти два дерева, как ранее цепочки словоформ, можно сопоставить друг другу.

Если даны дерево оригинала и дерево перевода, их можно сопоставить, поставив в соответствие подмножеству узлов дерева оригинала подмножество узлов дерева перевода [Grishman 1999: 228].

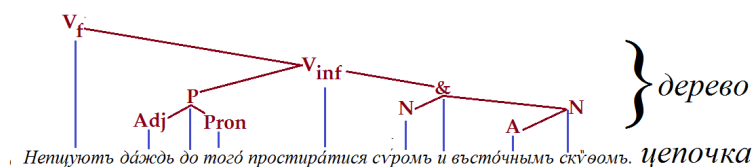
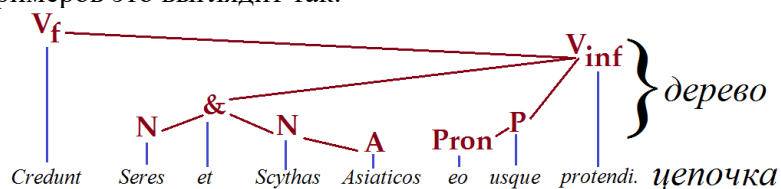
В итоге получится множество упорядоченных пар $\langle s, t \rangle$, где s – подмножество узлов дерева оригинала, а t – подмножество узлов дерева перевода. Упорядочены эти пары все той же функцией ‘переводится через’, только применённой уже не к цепочкам словоформ, а к синтаксическим деревьям (или их частям). Часть синтаксического дерева – поддереву – мы можем также называть группой. **Группа словоформы α** – это словоформа α и множество всех словоформ (возможно пустое или одноэлементное), находящихся ниже нее по дереву.

Из сопоставления деревьев можно вынести уже больше информации. Так, мы видим, что от глагола *credunt* и от глагола *непщуютъ* – корневых узлов своих деревьев – отходит по одному зависимому, и в обоих случаях это зависимое – глагол в инфинитиве.

Иначе говоря, видим, что глагол *credo* и глагол *непщевати* в данной паре «оригинал – перевод» требуют одинакового зависимого – инфинитивной группы.

Комбинация цепочки и дерева зависимостей

Одной графической схемой можно задать соответствие между синтаксической иерархией словоформ и их линейной последовательностью – цепочкой. Для вышеприведенных примеров это выглядит так:

Благодаря подобным схемам можно сделать выводы, важные для дальнейшего словарного представления лексических элементов. К примеру, мы видим, что словоформа *usque* – послелог, стоящий после своего зависимого, местоимения *eo*; напротив, соответствующая ей словоформа (*даждь*) до – предлог, стоящий перед своим зависимым, местоимением *того*.

Словарное описание

Словарь переводов должен содержать всю информацию о лексических единицах оригинала, о лексических единицах перевода и их взаимном соответствии.

Для лексической единицы должны быть указаны:

1. часть речи;
2. синтаксическая сочетаемость:

а. пассивная (от каких элементов и в какой форме может зависеть);

б. активная (какие элементы и в какой форме может подчинять);

3. дистрибуция (линейное распределение в предложении);

3. лексическая сочетаемость: появление в коллокациях (устойчивых выражениях);

4. памятники, в которых встречается;

5. примеры употребления.

Семантика может либо быть описана отдельно, либо представлена в каком-либо однозначном формате, к примеру, в векторном представлении [Васильев 2021: 23 и далее].

Может показаться, что пассивная синтаксическая сочетаемость может быть опущена, но это не так. Возьмем, к примеру, латинское местоимение *qui*.

Сочетаемость, или селективные признаки, лексемы состоят в том, от каких элементов эта лексема может зависеть и какие она может подчинять [Тестелец 2001: 79-84].

Сочетаемость у *qui*₁ и *qui*₂ принципиально отличается.

*Qui*₁ зависит от именной вершины, которая является его антецедентом и находится вне придаточного предложения, содержащего *qui*. Подчиняет *qui*₁ финитную клаузу. По функциям соответствует русскому *который*.

Пример: *Nam licet Lusitani Portugallenses ex aurea Chersonesso, quam nunc Malacchem putamus, magnam vim eorum ad nos deferant...*

— Аще бо и ѿже въ Лиситанийскомъ градѣ португалскии отъ златаго Херсонѣса, егоже нынѣ Малáце быти непшумь, мно́го нѣкое арамаъ избыліе къ намъ превозять

*Qui*₂ зависит либо от именной вершины, которая не является его антецедентом и находится внутри одного с ним предложения, либо от глагольной вершины. *Qui*₂ не может подчинять себе никаких элементов:

Пример: *Inde ad [insulam Gibeth] deferuntur. [Quam] & si auro ac Gingibere multisque aliis rebus felicem cognoscerent, diutius tamen ad eam non morandum censent* – Таже отту́ду къ [о́строву Гибéоъ] приплуша. [Его́же] **аще** и златомъ, и ѿнбѣромъ, и иными

нѣкоими многими богатѣюща разумѣши, но́ дѳлго на немъ пребывати неполезно разсудѣша.

Дистрибуция, или распределение в предложении, у qui_1 и qui_2 совпадают: оба встречаются в составе крайне левой составляющей, которая может быть представлена именной или предложной группой. При этом qui_1 может только целиком замещать именную составляющую, а qui_2 может как замещать именную группу, так и служить дейктическим элементом при именной вершине.

Такое употребление qui называется в специальной литературе *relative connection* [Pinkster 1990: 81], *relatif de liaison* или *relativischer Anschluss* [Danckaert 2011: 190, 191; Kühner, Stegmann 1914: 319]. Назовем эту конструкцию относительным присоединением. Указанные особенности относительного присоединения переносятся в переводе и на соответствующие церковнославянские местоимения *иже*, *еже*, *яже*, что также позволяет говорить о $иже_1$ и $иже_2$:

[regiones duas, quarum (= qui_1) alteram Baccalearum a nouo genere piscium, alteram terram floridam uocant.] [**Quae**] (= qui_2) **si** terrae huic firmae coniungerentur, nequaquam ex occidente in orientem posse deferri...

— [ѳбоя страны сѳверныя ихже (= $иже_1$) ѳву ѳубо Бакалеарѳду тезоименѳте {20v} нѳвоявлены рыба, ѳву Цвѳтущу Землю именують.] [**Яже**] (= $иже_2$) убо **ѳще** сушѳ ѳнои совокупляются...

Таким образом, в случае как лексической единицы оригинала, так и лексической единицы перевода следует учитывать не только активную, но и пассивную сочетаемость этих единиц.

Приведенные нами примеры показывают, что при обработке пар текстов «оригинал – перевод» в историческом корпусе наиболее удобным представляется описание пар лексических единиц битекста не самих по себе (к примеру, с использованием метаязыка описания, приближенного к бытовому), но исходя в первую очередь из их синтаксических

свойств, которые позволяют описать все существенные характеристики каждой лексемы (от сочетаемости до значения).

Литература

Васильев Ю. Обработка естественного языка Python и SpaCy на практике. СПб.: Питер, 2021.

Матасова Т.А. Древнерусский перевод Первой книги «Географии» Помпония Мелы: исторический контекст, перспективы издания и изучения. Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Третьи чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Москва, 2017. С. 116-122.

Казакова Н.А., Катушкина Л.Г. Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана (Перевод письма Максимилиана Трансильвана) // Труды Отдела древнерусской литературы // АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1968. Т. 23. С. 227-252.

Калугин В.В. «Книга святого Августина» в русской письменности XVI-XIX вв. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2001. М., 2002. С. 108-163.

Клосс Б.М. Максим Грек – переводчик повести Энея Сильвия «Взятие Константинополя турками» // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. 1974. М.: Издательство «Наука», 1975. С. 55-61.

Соколов Е.Г. «De Moluccis insulis» Максимилиана Трансильвана в русском переводе XVI в.: задачи и перспективы лингвистического исследования // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2014. Вып. 3. С. 60-70.

Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М., 2004.

Федорова Е.С. Трактат Николая де Лиры Probatio adventus Christi и его церковнославянский перевод конца XV века: В 2 кн. Кн. 1: 287 с.; Кн. 2: Приложения. 120 с. М., 1999.

Danckaert L. On the left periphery of Latin embedded clauses. PhD Thesis. Ghent University, 2011.

Grishman, R. Iterative alignment of syntactic structures for a bilingual corpus // S. Armstrong, K. Church, P. Isabelle et al. (eds.). Natural language processing using very large corpora. Dordrecht: Springer, 1999. P. 225–234. (Text, Speech and Language Technology. Vol. 11).

Kühner, R., Stegmann C. Ausführliche Grammatik der lateinischen Sprache. In 2 Bd. Berlin, 1914.

Partee, B. H., ter Meulen, A., Wall, R. E. Mathematical methods in linguistics. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers, XX, 1990, 663 p.

Pinkster H. Latin Syntax and Semantics. Routledge, 1990.

Tomelleri V. Die “Pravila gramaticichnye”, der erste syntaktische Traktat in Rußland. München: Verlag Otto Sagner, 1999. 159 p.

Tomelleri V. Il Salterio commentato di Brunone di Würzburg in area slavo-orientale: Fra traduzione e tradizione (con un’appendice di testi). München: Verlag Otto Sagner, XVII, 2004, 343 p.

Wimmer E. Novgorod – ein Tor zum Westen? Verlag Dr. Kovač 2005.

Sokolov E.G. Lexical units in parallel historical corpora, their syntactic and semantic properties

In this article we tackle the issue of representing lexical units in historical parallel corpus as exemplified in a pilot collection of 15th and 16th century Russian translations from Latin. The lexical analysis of such texts is conditioned by the task of their grouping and linguistic attribution. Nevertheless, taking into consideration that the literary monuments in question are translations, we must admit that their lexical units cannot be examined separately from their Latin prototypes. These prototypes are, in turn, tightly related to the syntax and semantics of the source language. Therefore we believe that the characterization of lexical units in such a corpus must include a full-fledged set of their syntactic properties, which, to some extent, could serve as a source for their semantic (e.g. vector) description.

Keywords: parallel corpus, attribution, 16th century, translations, Latin, lexicon, syntax, semantics.

Спиричева Маргарита Вадимовна
Институт лингвистических исследований РАН

**Лексика с протетическим согласным [v]([w]) в говоре
Хиславичского района Смоленской области¹**

В статье рассматриваются лексемы с протетическим согласным [v]([w]), встречающиеся в Хиславичском корпусе. Перечисляются лексемы, в которых наблюдаются протетические согласные, анализируются фонетические позиции, в которых появляется протеза. Также анализируются спорные случаи, уточняется деление на слова.

Ключевые слова: диалектология, смоленские говоры, диалектная фонетика, протетические согласные, корпусная лингвистика.

В данной статье будут рассмотрены лексемы с протетическим согласным [v]([w]), встречающиеся в Хиславичском корпусе². Корпус содержит записи диалектной речи, сделанные в 2018-2019 гг. в Хиславичском районе Смоленской области. На данный момент в корпусе содержатся записи от 14 информантов, родившихся в 1930-х – 1960 годах.

Протетический губной спирант наблюдается перед ударным /o/ (*вóзира* ‘озеро’), перед безударным /a/ из /o/ (*вакно́* ‘окно’), перед /y/ под ударением и без ударения (*вўтки* ‘утки’, *вўлá* ‘углá’). Мягкий губной спирант /v’/ появляется у нескольких информантов перед безударным /и/ в слове *викóна* ‘икона’. Эпентетические губные спиранты встречаются перед

¹ Исследование выполнено при поддержке фонда РФФИ: грант 19-012-00207 «Лексический атлас русских народных говоров»: архивные лингвогеографические источники и новые полевые данные».

² А.И. Рыко, М.В. Спиричева. Корпус Хиславичского района Смоленской области. 2020. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/khislavichi/>, дата обращения: 22.11.2021.

ударным /o/, перед ударным и безударным /y/. Также эпентеза наблюдается перед безударным /o/ в слове *ра́дио* ‘радио’. Эпентезы встречаются как внутри морфемы (*пау́к* ‘паук’), так и на стыках морфем (*пау́мирли*, *ра́дио*). К эпентетическим можно отнести и согласные, появляющиеся в предложно-падежных сочетаниях (*на ву́лицы*, *нь вакно́*), в особенности, в устойчивых сочетаниях (*на во́чыриди*).

Большинство лексем, у которых наблюдаются варианты с протетическими согласными, имеют варианты без протез. При этом вариативность может наблюдаться в речи одного информанта (иногда – в пределах фразы): *а мы ра́ньша ни зна́ли ни у́лицы ни дамо́у // кьуда́ дяре́ўня была́ / у́лицы зв... / бы... / бы́ли ни ву́лиц ничо́* (kkd1952); *ш шко́ли ву́чылись / уче́бникъми учы́лись* (nXr1961). Протетические согласные чаще встречаются в речи старшего поколения.

У представителей старшего поколения протетический согласный может иметь губно-губное образование ([w]), у представителей младшего поколения протетический согласный чаще является губно-зубным ([v]). В данной статье примеры приводятся в упрощенной фонетической транскрипции, звуки [v] и [w] будут переданы с помощью буквы *в*.

1. Протетический согласный перед /o/

Протетические согласные перед ударным /o/ наблюдаются в следующих лексемах: *во́вцы*, *во́зира*, *во́тпуск*, *во́тчым*, *во́чырить* (и в образованном от него наречии *на вочыриди*), *во́чы*, *во́чыки*. Также протетический согласный встречается в названии деревни *Во́слинка*, которая обозначена на картах как *Ослинка*, и в имени собственном *Восип*. Эпентетический согласный перед ударным /o/ встречается в слове *ляво́ниха* (название белорусского танца). Эпентетический согласный перед безударным /o/ встречается в слове *радио*, при этом данное слово склоняется по падежам: *э́тъ та́к бараба́нили на ра́ди́ву* (zvr1934).

В записях не представлены варианты протетическими согласными для следующих слов: *о́й*, *о́чынь*, *о́ват*, *о́чыства*, *о́пичый*, *о́чы*, *о́буў*, *О́льга*, *О́ля*, *О́сип*, *О́чкин*.

В записях также встречаются спорные употребления:

А. Спорными следует признать вариант *в-область* так как все контексты, в которых они употребляются, позволяют рассматривать /в/ не как протезу, а как повторяющийся предлог: *ф Хáрькѣвскую в-область / в Рѣстóфскую в-область* (pma1937); *на пѣлѣ, / в Хáрьковскую в-область* (pma1937); *в Рáстóвскую пáехала óбласть* (pma1937); *а Смолéнска óбласть нáша* (kkd1952).

Б. Спорным можно считать вариант *вóца* ‘отца’. Он встречается один раз в тексте молитвы: *вóтца ѿ сýна / свято́уа дýха // амíнь* (kkd1952), и может представлять собой компрессию сочетания «во имя отца». В остальных случаях эта лексема содержит ударение на окончании и протезы в ней не наблюдаются. Застывшая форма *óччы* ‘отче’, встретившаяся один раз в названии молитвы, также не содержит протезы: *ну хѣтѣ Оччы нáш нáдѣ прѣчытáть* (pma1937). В остальных случаях лексема *атец* не имеет варианта с протетическим согласным. Не имеют вариантов с протетическим согласным и дериваты *óччысва* ‘отчество’, *атéчыский*. Однако вариант с протезой есть у слова *оччым* ‘отчим’ – *воччым*.

В. Сомнительным является пример *вóкѣла*, который в корпусе встречается один раз: *ти тўта вóкѣла éтый хаты ишли* (zvр1934). Для этого случая можно предложить другое деление на слова: *тўта вó кѣль éтый хаты ишли* (zvр1934). Предлог *окѣла* характерен для речи младшего поколения, тогда как в речи старшего поколения употребляется предлог *кóла* (последний может встречаться и у более молодых информантов); частица *во* в данном говоре может принимать фонетический облик *во*: *Пáш / иди ты стáнь кола пéчи* (pds1932); *да / ну кóла суурóп / тáм тóрнить кóла éтый / кóла калóнки* (lva1963); *вó тўта вó зърѣслó фсé бурьянѣм* (zvр1934); *дак вѣ во я́к ниприка́иньи дѣ сих нóр* (пХг1961). Ср. также: *тўт вó кóла дóма сѣра́й стѣя́л* (mak1942).

2. Протетический согласный перед /a/</o/

Протезы перед /a/</o/ встречаются в формах *вакно́* ‘окно’, *вако́шычка* ‘окошечко’ (при этом вариантов с протетическим /в/ не наблюдается у форм слова *ако́шки*), *въпя́ты* ‘опята’, *въднá* ‘одна’. В одном случае перед /a/ наблюдается гласный полного образования /y/: *уадны́* ‘одни’.

Предполагалось, что протетические согласные будут встречаться у лексем, имеющих либо формы с ударением на первый слог, либо родственные слова с ударением на первый слог. Однако среди выявленных случаев только варианты *вакно́* и *вако́шычка* отвечают этим требованиям.

Для других слов, начинающихся с /a/</o/ и имеющих формы или родственные слова с ударением на первом слоге, не наблюдается вариантов с протетическим согласным. Так, протезы не встречаются в формах слова *авца́*, не имеющих ударения на первом слоге (*авца́*, *авéц*), а также в его дериватах: *авéчычка*, *авéчка*, *авчы́нка* (ср. *во́уцы*). Протез нет в формах слова *о́тпуск* с безударным гласным (*отпу́ска*, *отпу́ско́у*). Протезы не наблюдаются в лексемах с безударной приставкой *от-*: *отхадí* ‘отходи’, *отту́ля* ‘оттуда’, *отко́скъу* ‘склонов, откосов’ (ср. *во́тпуск*, где на приставку падает ударение) и т.п. Вариантов с протетическим согласным не встречается у форм слова *ате́ц*, *ацо́ўский*, хотя протеза наблюдается в родственном им слове *во́ччым*. Более того, у слов *въпя́ты* и *въднá* нет форм, в которых ударение падало бы на начальный слог.

Кроме того, в корпусе встречаются употребления, которые следует рассматривать как сочетания существительного с предлогом *ув*. К ним относятся следующие употребления: *ув абéт* ‘в обед’, *ув а́рмию* ‘в армию’, *ув ауо́нь* ‘в огонь’. В других контекстах существительные *абéт*, *а́рмия*, *ауо́нь* не имеют протезы.

3. Протетический согласный перед /y/

Протетические согласные перед /y/ наблюдаются в словах: *ву́гол*, *ву́ж*, *ву́лица*, *ву́тка*, *ву́точка*, *вута́к*, *ву́тром*, *ву́хо*, *ву́ши* / *ву́хи*, *ву́лий*, *ву́лик*, в некоторых формах глагола *учи́ться*

(*вучытесь, вучылись*) и в слове *вучы́лице*, в именах собственных: *Ву́лька, Вугра́*. При этом вариантов с протезой не наблюдается для слов *утё́нък, учо́ба, учы́ть, учы́тель, учы́тельница, учы́бник, ууало́к, ууало́чык*. Протетический (эпентетический) согласный наблюдается преимущественно в словах с ударением на 1-м слоге.

Начальный /в/ наблюдается в словах *вусы́, вуси́ки, вусы́тый, Вусы́тая у́гра*. Этимология корня является спорной: восстанавливается как этимон *vqs-, так и этимон *vqs- [Шалаева 2021: 190].

У слова *вузёл* ‘узел’, для которого восстанавливается праславянская форма *vzľь [Фасмер IV: 154], наблюдаются как варианты с начальным /в/, так и варианты без начального /в/. Также начальный /в/ наблюдается в деривате *вузалёк* ‘узелок’.

В записях не представлены варианты с протетическими согласными для слов *ууалё́к, ууаль, уули́кислы́й, уда́чна, у́жъс, у́жын, узо́р, узо́мчик, укро́пчык, ули́тъчка, у́м, уме́ть, умне́е, умны́й, упру́гий, уха́, ушы́ца*. Протезы не наблюдаются в именах собственных *Ура́л* (название машины), *Украи́на* (а также в его деривате *украи́нский*).

Кроме того, протетические согласные отсутствуют в глаголах с безударной приставкой –у, а также в существительных с этой безударной приставкой (*уса́дьба, уръжа́й, уко́л, упоко́й, уе́зд*) и наречии *укра́дня* ‘украдкой’. Есть несколько случаев, в которых протетический /в/ наблюдается перед ударной приставкой –у: *ву́мирла, ня ву́брьна*. Также эпентетический /в/ перед ударной приставкой –у наблюдается в слове *паву́мирли*.

Сомнительным является пример (*в*)*убива́ити* ‘убиваете’: *зачэ́м вубива́итя зме́й* (rgs1937). Его можно рассматривать как сочетание местоимения *вѣ* с глаголом *убива́итя* ‘убиваете’ со стяжением гласных на стыке: *в[ы]убива́итя*.

Протетические согласные отсутствуют в наречии *ужэ́* (возможны варианты *ужо́, ужá, уи́*).

Эпентетический согласный встречается в слове *паву́к*, но не наблюдается в его деривате *паучо́к*.

4. Протетический согласный перед /и/

Протетический согласный перед /и/ встретился в слове *викóна*. Данная лексема может также встречаться в варианте с протетическим согласным /j/: *йикóна*.

Таким образом, в данной статье был определен круг слов с протетическими согласными, выявлены слова, наличие протетических согласных в которых является сомнительным. Было отмечено, что для большей части слов характерна вариативность: в корпусе встречаются как варианты с наличием протезы, так и с отсутствием протезы. Более детальное изучение вариативности входит в перспективы исследования.

Литература

Шалаева Т. Протетические согласные на лингвистической карте и в этимологии // *Jezikoslovni zapiski*. 2021. Letn. 27 Št. 1.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М., 2009.

Spiricheva M.V. Words with a prosthetic consonant [v] ([w]) in the dialect of the Khislavichsky district of the Smolensk region

The article deals with words with a prosthetic consonant [v] ([w]) in the Khislavichi corpus. The words with prosthetic consonants are listed, the phonetic positions in which the prosthesis appears are analyzed. The controversial cases are also analyzed, the division into words is specified.

Keywords: dialectology, Smolensk dialects, dialect phonetics, prosthetic consonants, corpus linguistics.

Шевченко Надежда Викторовна
Институт лингвистических исследований РАН

Живец и его названия в разных регионах России

В статье дается характеристика литературному слову *живец* как самому распространенному в регионах России в значении ‘маленькая рыбка, служащая для ловли более крупной рыбы’, а также его однокоренным образованиям и другим словам-синонимам, отмеченным в говорах разных регионов России. Определено, что слова *живчик, живедь, живок, малёк, заглотыш, зарыба, проглотыш, сглотыш* используются в основном в том же значении, что и *живец*. И хотя эти слова (кроме *малёк*) встречаются и в значении ‘любое живое существо, насаживаемое на крючок’ (*червяк, стрекоза* и т. п.), это их значение вторично и малоупотребительно. Слова же *закорыш, затравка, корм, насадка* в основном имеют значения: *жучок, личинка, червяк* и т.п., но только не ‘маленькая рыбка’. Слова *нажива, наживка, приманка* используются как в значении ‘маленькая рыбка’, так и в значении ‘любое живое существо, насаживаемое на крючок’.

Ключевые слова: слово, значение, синоним, рыба живец, наживка, приманка.

Слово *живец* имеет корень *жив-*, т.е. что-либо живое. Это слово литературное: оно зафиксировано в БАС, см.: *живец* – мелкая живая рыбка, насаживаемая на крючок при ловле крупной рыбы. ‘Живец, животка, или мелкая живая рыбка. На мелкую рыбку берет окунь, щука, шереспер или сисерих, судак и головль...’ [БАС 4: 104]. То же значение это слово имеет и в словаре С.И. Ожегова: «**Живец** – маленькая живая рыбка, насаживаемая на крючок для ловли крупной рыбы» [Ожегов 2016: 167]. В словаре В.И. Даля *живец* также трактуется как «живая, мелкая рыба, для наживы удочки» [Даль 1: 538].

В картотеке ЛАРНГ (3386 карточек) слово *живец* в литературном значении оказывается самым распространенным во всех регионах России: 432 наименования (от Мурманской и Архангельской области до Ставропольского и Краснодарского края). Тем не менее, ни названное слово, ни многочисленные его однокоренные, синонимичные (и не только) наименования до настоящего времени не рассматривались, хотя в языковом отношении вызывают определенный интерес (в круглых скобках представлены номера регионов, где встретилось названное слово). Например: *‘Живец – приманка для ловли рыбы, мелкая живая рыба. Ловят щуку на живца’* (25). *‘Сейчас вот рыбу на живца ловят, на маленькую живую рыбёшку’* (67). *‘Живец – рыба, употребляемая как приманка: живец, малёк, мойва. От живца зависит и то, какая рыба клюнет’* (206). *‘Живцом зовут малька’* (218). *‘Мальчишки мальков насаживают, живцов’* (523). *‘Приманка у нас – живец называется. Пескарь – это самый распространенный живец’* (548).

В некоторых регионах под *живцом* понимают не только мелкую рыбку, но и другие живые существа: червяка (мотыля), стрекозу и т.п.: *‘Живец – вокань, плотица, стрекоза для язя’* (220). *‘Живец – это бель, сорожка – маленькая сорога, из червей – это мотыль, бель’* (260). Примерно в таком же значении *живец* зафиксирован в СРНГ: «*Живец* – 3. Небольшой толстый красный навозный червячок, который употребляется для ловли рыбы на удочку. 4. Удочка для зимней рыбной ловли» [СРНГ 9: 150].

Кроме *живец*, в говорах широко используются (144 названия в алфавите, не менее 115 включено в карту ЛАРНГ) следующие названия-синонимы слову *живец* в его основном литературном значении:

1) *живчик* (231 наименование): *‘Живчик – рыба, употребляемая как приманка’* (84). *‘Мальчишки наловят живчиков, а потом на них ловят щуку’* (243). *‘Живчик – рыба, насаживаемая на крючок. На живчика много рыбы наловишь, а так...’* (387). *‘Живчик – это мелочь, чтоб щуку ловить, карпа’* (475). *‘Васька рыбу поймает, коли она мала, так она живчик’*

становится' (478). Так же, как и *живец*, *живчиком* может называться и другая приманка для рыбы: '**Живчик** – это червяк или хлеб, их на удочку насаживают, чтоб рыба шла. В детстве мы на живчика червей ловили' (433);

2) *наживка* (130 наименований): '*Мелкая рыба идёт на наживку, чтоб крупнее поймать*' (7). '**Наживка** – приманка для ловли рыбы, мелкая живая рыба. Для приманки используют **наживку**' (25). '**Наживка** – рыба, употребляемая для приманки. Для **наживки** всякая мелочь хороша' (387). '*Мы иногда в качестве приманки рыбу как наживку берём*' (443). **Наживкой** также может называться не только маленькая рыбка, но и другие живые существа: '*Кто на что ловит. Кому какая наживка нравится. Я так на мотыля да уклею*' (62). '*Червячка заморить употребляется в значении приготовить наживку*' (325). '*Для наживки червей можно накопать*' (472). '**Наживка** – ну, черви, каша там' (833);

3) *малёк* (79 наименований): '**Малёк** – рыбка, употребляемая как приманка. На мальки рыбу ловят' (25). '**Мальков** наловил для приманки' (п. 69). '**Малька** насаживают, чтобы крупную рыбу поймать' (144). '*Зародышей рыбки еще мальками зовут*' (247). '**Малёк** – рыба для приманки. **Малька** берут на приманку. Еще *живец* зовут' (281). '**Малька** специально выращивают, **мелкотынь** ещё зовём' (619). '**Малёк** – это такая рыба, на неё большую ловят' (697). '**Мальков** для рыбалки надо наловить' (845). Во всех регионах **малёк** понимается как мелкая рыба, зародыш рыбы, **Малёк** в качестве приманки для крупной рыбы – синоним *живца*. '*Живец* или **малёк** насаживают, когда крупную рыбу ловим' (121). '*На малька ловим, на живца*' (647).

Другие названия приманки для рыбы используются в значительно меньшем количестве (от 20 до 1-2 наименований): *нажива* (22 наименования): '*Рыбу наживу ловим*' (7). '*Сегодня наживы наловил, завтра за рыбой пойду*' (47); *живка*, *живность*, *зарыба* (по 4 наименования), '**Живка**, то же, что **живедь**' [СРНГ 9: 155]; *живодь* (12 наименований): '**Живоди**

наловить для ловли крупной рыбы' (69); '**Зарыба** – мелкая рыба, используемая как приманка для ловли большой рыбы. **Зарыба** нужна, чтобы судака ловить' (941); **живо́т, живо́к, живо́тка** (по 3 наименования): '**Животка** – маленькая живая рыбка, насаживаемая на крючок при ловле хищной рыбы; **живец**' (52); **живе́дь, жи́вить, дробу́ша, подма́нка, рыба, ры́бинка, ры́бка, проглоты́ши, сглоты́ши** (по 1 наимен.): '**Живедь** – малёк меньше живца' (442); '**Живить** – рыба, употребляемая как приманка, **живец**' (553); '**дробуша** – мелкая рыба, используемая для наживки' (121) [СРНГ 8: 189]; '**Подманка** – рыбка, на которую ловить щуку, – это **подманка**, кто **подманка** называет, кто как' (274); '**Рыбинка** – рыба, употребляемая как приманка, **живец**. Так **живец** и будет' (336); '**Проглотыши** – мелкая рыба, проглоченная более крупной. А у щуки всё **проглотыши** в брюхе – это маленькая рыбка замоченная' (274); '**Сглотыши** – рыба, заглотанная другой, хищной рыбой' (52). «**Живодка и животка** – то же, что **живедь**. Налови вьюнов на **живодку**. Щука на **живодку** хорошо ловится. **Животка** – маленькая малявка, на нее щуку и судака ловят. Вчера я на **животку** поймал вот какенного судака. **Живодочка и животочка**. **Живодочку** насадишь, и судак ловитца. **живодь и животь**, – то же, что **живедь** = **живодь**. Для **животи** употребляются так называемые чебаки, род плотвы. **Животь, приманка** – мелкие рыбки, которых бросают в прорубь для привлечения крупной рыбы. **Живедь** – приманка, наживка из живой рыбы». [СРНГ: 149]. «**Живорыбинка** – живая рыба. **Живорыбинку** повыловили, На сухой берег повытаскали» [СРНГ 9: 156] «**Живчик** – то же, что **живок**. На конце **живчик** насадят» [СРНГ 9: 162]; **живе́нь** (164): '**Ловить на живень**', **живе́ха** (6, 9); **жи́вик** (867), **живи́ца** (427), **жи́вна** (815), **животь** (52): '**Надо на животь** удить, наживлять маленьких рыбок, а у меня никакой **животи** нет. Я на **животь** ставил, окунька наживлял'; **живу́д** (368), **живу́лька** (4, 117) **живу́ля** (183), **живи́ца́** (1027), **живи́ё** (996), **живи́як** (12, 17), **нажи́вец** (2 наименования) '**Наживца** поставили' (48), **нажи́вица** (162),

наживóтка (417), *нажívоть* (262) *нажívчик* (501), *разжívа* (64, 84) ‘Сорожсьё на *разживу* шло’ (64).

К синонимам *живца* относятся и единичные наименования *заглóтыш*, *заглóта* (226, 411), «*Заглодыш* – маленькая рыбка, проглоченная какой-либо крупной рыбой. У щуки нашли *заглодыша*. *Заглот* – то же, что *заглодыш*. *За’глотыш* – то же, что *заглодыш*. В этой щуке *заглотышей* пять было. Все, что найдено в желудке пойманной рыбы» [СРНГ 10: 5].

Все приведенные названия в говорах России – синонимы слову *живец*, т.к. главным образом обозначают маленькую рыбу, которую для специально ловят для приманки крупной рыбы.

Но в качестве приманки для ловли рыбы отмечены (в небольшом количестве или даже одиночные) и другие названия:

Зáкорыш и *закóрыш* – «1. Жук-короед. Жучок, живущий в корне и древесине деревьев. 2. *Зáкорыш*. Личинка майского жука, употребляемая как нажива для удочек. ‘На *закорыши* удил, лучше клюет. Личинка ручейника с чехликом из растительного материала, песчинок и пр., *шитик*’» [СРНГ 10: 156]; *закóрмыш* (36), *закóрыш* (99, 102, 219) [СРНГ 9: 102, 219], *привáдка* (948), *затрáвка* (591): ‘*Затравка* в банке с водой’ (591); «*Затрава* – приманка (для рыбы). Для *затравы* жуков бросить в воду» [СРНГ 11: 104]. *Заманка* (4 наименования) – «корзина из прутьев с двумя перегородками внутри, прикрепляемая к рыболовному снаряду – морде. ‘От берега *запуск* — это на налима и *заманка* делается. *Лукавки* – это налимя морда, плетется из тальнику, *заманка* у ей широкая’ [СРНГ10: 232].

Насáдка (27 наименований): ‘Щуку ловить – *насадка* нужна’ (62). ‘Какая рыба – такая и *насадка* нужна; для каждой рыбы своя *насадка*’ (120). ‘В качестве *насадки* я посадил *рыбешку*’ (200). ‘*Насадка*-то разная бывает: и красный червь, и жуки, и другое’ (206). ‘На *насадку* рыбу ловлю. Ещё *приманка*’ (723).

Примáнка (20 наименований): ‘*Приманка* – это бель, сорожка – маленькая сорога, из червей – это мотыль, бель. Рыба-то клюёт часто только на *приманку*’ (260). ‘Чтобы

поймать большую рыбу, нужна **приманка**’ (371). ‘Так **приманка** она и зовётся. Одним словом, это у нас называется **приманка** только’ (478); **подкóрма** (7 наименований), **примáнок** (644) ‘Проруби рубит, **приманок** пускают’ (644); **кормá** (241) **подса́док** (288) **привáдка** (948).

В СРНГ **нажива** и **наживка** определяются как охотничья снасть. «На сайгу **нажива** часто, а на зайца прутик **наживить**. **Наживкой** называется вся снасть – с рогулькой, с леской и пр., а не только насаженная на крючок рыбки-приманка, т. е. слово **наживка** полностью заменяет собой неизвестное у нас слово **жерлица**» [СРНГ 19: 267-268].

Итак, **живец**, однокоренные его наименования, а также **дробуша**, **заглотиш**, **проглотиш**, **сглотиш** называют преимущественно маленькую рыбку, служащую для ловли другой, более крупной рыбы. Названия **закорыш**, **затравка**, **корма**, **подсадок** используются в основном в значении **червяк**, **жучок** и т.п. (любой корм, но не рыбка), используемый для ловли другой рыбы. Названия **наживка**, **насадка**, **приманка** (**приманок**), **привадка** понимаются как любой корм, служащий для ловли крупной рыбы: это может быть и **рыбка**, и **червяк**, и **жучок**, и **хлеб**, и **каша**, и др. И только **малёк** имеет одно значение: **маленькая рыбка**, **зародыш рыбы**.

Литература

Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. Т. 4. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 1364 с. – БАС.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Дрофа Русский язык Медиа, 2008. Т. 1. 699 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и Образование, 2016. 736 с.

Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Вып. 1–52. М.; Л.-СПб.: Наука, 1965–2021. – СРНГ.

Shevchenko N.V. Zhivets and its names in Russian regions

The article deals with the characteristics of literary word *zhivets* ('bait'), its usage in Russian regions and its most popular definition as a 'small fish on a hook used to attract and catch bigger fish'. Article also lists synonyms for this word and the same - rooted words used in Russian dialects. It is obvious that the words *zhivchik*, *zhived*, *zhivok*, *malek*, *zhaglotysh*, *zaryba*, *proglotysh*, *splotysh* have generally the same meaning as *zhivets*. Though all these words (except for *malek*) are also used in the meaning of 'any creature impaled on a hook' (e. g. worm or dragonfly), this meaning is less common. Words *zakorysh*, *zatravka*, *korm*, *nasadka* usually refer to bugs, larvae or worms, etc., but not to a small fish. Words *naziva*, *nazhivka*, *primanka* refer to a small fish and any other creature impaled on a hook.

Keywords: word, meaning, synonym, fish, *zhivets*, *nazhivka*, *primanka*.

Ягин Егор Игоревич

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

**Отражение авторского восприятия внеязыковых реалий
в лексическом значении слова (на примере очерка «Валаам»
Б. Зайцева)**

В статье рассматривается способ описания автором художественной картины мира. Выделяются группы лексики, служащие инструментом создания путевого очерка: христианская терминология; христианские добродетели; слова, обозначающие цвета и оттенки, заключающие в себе символическое значение; лексемы с суффиксами субъективной оценки. Делается вывод, что две первые группы раскрывают внешний облик христианской обители, природы и чувственного мира. Для передачи отношения говорящего к предметному миру автор использует лексику с уменьшительно-ласкательным компонентом значения.

Ключевые слова: Борис Зайцев, Валаам, языковая картина мира, лексико-тематические группы, цветообозначения.

В лингвистике последних десятилетий устоялся тезис о том, что язык выражает картины мира человека – религиозно-мифологическую, философскую, научную, бытовую, художественную. Ключевую роль в языковом представлении картины мира играет лексика, ибо, по справедливому замечанию Б.А. Серебренникова, «слово как строевой элемент языковой системы является одновременно основной когнитивной единицей, обладающей несколькими видами семантической значимости: грамматическим (внутриструктурным) значением, лексическим (вещественным) и прагматическим значением, выступающим в виде различных коннотаций (оценочных, культурных, культурно-исторических, национально-географических и прочих знаний)» [Серебренников 1988: 118]. Об этом свойстве слова, несколько в иных выражениях, еще в 1934 году писал Л.С. Выготский: «Сознание отображает себя в слове как

солнце в малой капле вод. Слово относится к сознанию как малый мир к большому, как живая клетка к организму, как атом к космосу. Оно и есть малый мир сознания. Осмысленное слово есть микрокосм человеческого сознания» [Выготский 1934: 318].

Лексические единицы, их сочетаемость в художественном тексте образуют художественную картину мира, в которой отражается индивидуальная картина мира писателя. В данной статье мы представим результаты нашего исследования, целью которого было выявить специфику авторского восприятия окружающей действительности через анализ лексических единиц. Материалом исследования стал очерк Б. Зайцева «Валаам».

Б. Зайцев известен в истории русской культуры в первую очередь как романист, однако особое место в его творческом наследии занимают путевые очерки. При том, что путевой характер повествования свойственен всему его творчеству, «чистых» путевых очерков у него два – «Афон» (1926 г.) и «Валаам» (1936 г.), названных в честь важнейших обителей русской православной жизни. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на паломнический характер обоих текстов.

Основой создания внешнего и внутреннего мира обители, сопровождающего главного героя, выступают группы лексики, принадлежащие к христианскому миру. В первую очередь это многочисленное употребление христианской терминологии: наименования духовных санов, христианских обрядов, атрибуты духовной жизни. Вторую группу можно весьма условно назвать «(стереотипные) христианские добродетели». Под этим мы будем подразумевать характеристику служителей обителей, описание природы и т.д.

Группа лексики «церковная терминология» интересна широтой охвата употребления духовных санов и различных атрибутов. Например: *монастырь*¹, *паломники*, *собор*, *чудо-*

¹ Здесь и далее: *Зайцев Б.К.* Избранное. М.: Никая, 2015. С. 303-373.

творная икона, купол, скит, келия, иеромонах-гостиник, игумен, иегумен, братия, благовест, монах, колокольня, рака, ризница, подрясник, духовник, инок, схиигумен, литургия, пустынный, молебен, придел, часовенка, иконостас, схимник, требник, святыня, акафист, просфора, пономарь, обедня, тропарь, догматик, причастие, аналой, куколь, схима и др. Активно употребляются и церковные сокращения *о.* – отец, *Св.* и *Свв.* – святой, святые.

Наравне с общеизвестными используются и узко употребительные лексемы. Таким способом субъект речи представляет своего собеседника. Выполняется и функция подробного описания обитателя, но скорее для подготовленного адресата. Помимо первичной цели описать объект, многократное обращение к такого рода лексике помогает наиболее полно ощутить реципиенту описываемую среду. Подобная группа лексики и создает образ Святого места, помогает к нему приблизиться.

Вторую группу лексики мы назвали «стереотипные христианские добродетели», эта группа семантически шире предыдущей. В центре интереса писателя – описание чувственного мира, передача его словесными образами. Инструмент, как правило, – это высокая лексика, которая используется для придания оттенка величия, торжественности и т.д., местами контекстуально. Поэтому внутри можем выделить подгруппу, объединяющую в себе лексемы с признаковыми значениями, то есть прилагательные, причастия, наречия.

Описывая мир, автор использует такие лексемы: *благообразный, святой, особый, убогий, чудесный, таинственное, торжественный, спокойный и облегченный, приветливая и смиренная и др.* При изображении священнослужителей используются следующие эпитеты: *простейший, скромнейший, смущены, неутомимый, неуспный, высокий, жизнерадостный и др.* Когда представляет героя повествования, не имеющего духовного сана – *чистейший, застенчивый, серьезный и внимательный, грешная и мятущаяся.*

Когда писатель описывает путь: *неторопливый, спокоен, беспрепятствен*. Как видно, лексика достаточно однородна, обладает позитивной коннотацией и имеет возвышенный характер. Обратим внимание и на основной набор наречий: *тесно, тихо, радостно, блаженно, медленно, изящно, значительно, истово и др.* Признаковое значение позволяет ощутить вполне типизированный спектр эмоций, который распространяется на все существующее в тексте, но главным образом перед нами чувства и ощущения пишущего.

Следующая подгруппа – имена существительные: *величие и легендарность, тишина, свет* (эта лексема обнаруживает особую частотность), *скромность, простота*. Часто употребительными оказываются абстрактные существительные. С помощью них и описываются качества и свойства людей в обители, но шире – христианская картина мира, иерархия ценностей. Оказываясь в положении паломника, автор отбирает лексику, соответствующую теме его повествования. Святое место описывается с помощью наименований уже культурно освоенных добродетелей.

Отдельно стоит упомянуть речевое клише Зайцева. При создании образа озера он с высокой частотой употребляет слова с основой зеркал-: *узким, зеркальным заливом, и тоже зеркальное и др.* И слова с основой стекл-: *как стеклянна вода, стеклянными струями*, и т.д. Так, зеркальность воды указывает не на ее чистоту, но скорее на чистоту и святость описываемого места. Этому есть и авторское подтверждение: *Потом прошел белый пароходик из Сердоболя, сломал зеркало. Сосны в воде затанцевали змеями* [Зайцев, 2015: 327]. Перед нами скорее средство создания поэтического, символического образа для передачи чувства святости. Пароход в контексте этого ломает зеркало, то есть чистоту мира.

Другая, не менее важная лексическая группа – слова, обозначающие цвет или оттенок.

Самый частотный цвет, упоминаемый в тексте – белый. В общей сложности он повторяется двадцать девять раз в разных

формах и частях речи: *беловатые, белесыми, белеют, белеющей, белея, белоснежного* и т.д. Чаще всего этими словоформами подробно характеризуется цвет всего окружающего на острове: цвет обители, цвет одежды у служителей, реже явления природы. Такое насыщение белым имеет две цели. Во-первых, подробно описать реальное устройство монастыря, а во-вторых, придать этому символическое значение, заострить внимание читателя на образе монастыря. Традиционно белый цвет символизирует «святость, чистоту, невинность, божественный свет» [Серов, 2003]. Очевидно, что предполагаемый адресат верно «прочитает» эстетическое значение слова.

С белым часто соседствует другой цвет, который является заметной составляющей атрибутов христианского мира, – золотой. В самом начале текста герой видит *церковку*. Описание ограничивается указанием на перцептивную характеристику: *белая с золотом*. Далее рассказчик видит Собор с *золотыми крестами*. У входа в гостиницу появляется *золотая кованная рака*. В другом эпизоде возникает *белый с золотом главой храм*. Эти обозначения символизируют могущество и величие обители в восприятии автора, что подтверждается рядом стоящими лексемами. Например, *грогада Собора* или храм, купол которого называется *главой*. В первом случае виден экспрессивный оттенок. Во втором – использование лексики высокого стиля.

Другой важный цвет – серый. Он здесь равнозначен серебряному и сизому. Это *серый подрясник, серые глаза, дальне-серебристый горизонт*. В большей степени серый цвет служит для описания погодных условий и Ладоги. Он обозначает «смирение» [Серов, 2003]. В очерке описания природы параллельны описаниям жизни в обители. Поэтому смирение природы отражает внутреннее состояние адресанта.

Природа острова украшена голубым и синим цветом: *синяя, с голубизною, сине-стальной оторочкою облака, прозрачно-синеватая тень, голубовато-зеленой хвои*. Такие цветовые характеристики, кроме своей привычной семантики,

символизируют «цвет небес, божественной любви и истины» [Серов, 2003].

Ну и наконец черный цвет: *с черным бархатным поясом, черный крест, черный подрясник, черная мантия, вдовый цвет* (метафорически) и др. Здесь этот цвет относится к сфере реального. Описывается либо одежда, либо явления природы в темное время суток. В нашем случае черный цвет не несет в себе дополнительного ассоциативного значения.

Надо сказать, что этим фактически и ограничивается цветовая палитра очерка. Остальные лексемы цвета используются единично. Такое частотное использование рассмотренных цветообозначений и их выбор оказываются функционально значимыми. С одной стороны, они описывают реальное пространство обители и ее жителей, а с другой – принимают символическое христианское значение. Последнее в данном случае и оказывается конструктивным элементом очерка.

Особую роль в отражении авторской картины мира играют лексемы с суффиксами субъективной оценки, которые привносят соответствующие компоненты в лексическое значение слова. Как известно, эти морфемы обладают эмоционально-экспрессивной окраской и передают отношение говорящего к предмету речи. Количество употреблений такого рода суффиксов в разных словоформах высоко, поэтому с трудом поддается верному подсчету.

Примечательно, что путевой очерк начинается со слова *пароходик*, а затем количество употреблений данных морфем только увеличивается: *беловатые, серенький, узенький, молоденький, церковка, островок, оконце, рычажок, столик, простенький, келийка, лодочка, избушка, песочек, прудик, домик, усадебка, говорком, дверка, худенький, холодноватый, простоватый, пустынька, озерцо, старичок, Ефросиньюшка, угарец, колоколец, столбик, цепочка, горсточка, травка, комнатка, часовенка, ястребок, Авдотьюшка, Светик, огонек, квартирка, холодок, листик, скамеечка, дорожка, голубок,*

мостик, дождичек, скуфейка, глазки, минутка, комнатка, зонтик, огородик, и др.

В приведенных выше примерах мы видим имена собственные. Говорящий испытывает симпатию к описываемым героям, поэтому и прибегает к использованию этих суффиксов. Группа нарицательных имен существительных значительно шире. Слова с суффиксами субъективной оценки могут быть представлены в самых разных формах. Все они имеют уменьшительно-ласкательное значение, и здесь важны оба компонента. Ласкательный характер в контексте очерка проявляется в виде чувства или отношения говорящего к описываемой действительности, то есть слова обладают позитивной коннотацией. Автор с любовью рисует предметный мир, окружающий его. Значение уменьшения контекстуально проявляется в особенностях описываемого предмета. Дело в том, что Валаамский архипелаг небольшой, как и сам монастырь. Поэтому чтобы показать объективные реалии места, субъект речи употребляет описанные морфемы.

Все лексемы формально можно разделить на следующие основные тематические группы:

- 1) интерьер (столик, оконце);
- 2) природа (ястребок, островок);
- 3) сооружения (избушка, пустынька);
- 4) транспорт (лодочка, парходик);
- 5) имена (Ефросиньюшка, Светик).

Наша весьма условная классификация показывает, что предметный мир текста, то есть все то, что окружает говорящего, часто описывается с помощью лексики с уменьшительно-ласкательным значением.

Рядом со словами с описанными выше морфемами находятся лексемы, усиливающие значение размера либо служащие семантической заменой подобным суффиксам, причем чаще всего это имена прилагательные: *небольшая, но тихая* (о церкви), *маленькие окна, тесная келия* (но рядом обнаружим *келийки*) и др. Иногда значение передается в составе обоих

компонентов: *оконца игрушечные*. С помощью этого незначительного элемента создается образ Святого места. С одной стороны, понятен размер предметного мира, с другой – отношение к нему.

Таким образом, лексемы с суффиксами субъективной оценки помогают говорящему передать отношение к монастырю, указать на его размеры. Группа цветообозначений несет в себе не столько реальное, сколько символическое значение. Другие выделенные лексические группы (стереотипные христианские добродетели, христианская терминология) также участвуют в создании образа Святого места. Все это вместе конструирует и отражает авторское восприятие внеязыковых реалий, формирует индивидуальную языковую картину мира.

Литература

Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. 324 с.

Зайцев Б.К. Избранное. М.: Никая, 2015. 384 с.

Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебрянников. М.: Наука, 1988. 216 с.

Серов Н.В. Цвет культуры: психология, культурология, физиология [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001028/st023.shtml> (дата обращения 12.11.21).

Yagin E.I. Extralinguistic realias in lexical meaning of words as a mean of authorial perception representation (drawing on the example of "Valaam", a travelogue by Boris Zaytsev)

This article examines the author's way of describing artistic worldview and identifies groups of implemented lexical tools that make a travelogue, such as christian vocabulary, christian virtues, words that denote colours and tones bearing symbolic meaning, lexemes with subjective evaluation suffixes. It was concluded that the first two groups convey the appearance of the monastery, the nature

and sensory environment. The author uses lexicon with diminutive lexical items to convey their sentiment towards the object world.

Keywords: Boris Zaytsev, Valaam, linguistic picture of the world, lexically-thematic groups, color terms.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Базаржапова Алтана Доржиевна – бакалавр, Санкт-Петербургский государственный университет, altanaanatla@mail.ru

Базаров Евгений Эрдэмович – младший научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, eubaz@yandex.ru

Бакланова Ирина Васильевна – младший научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, aglaja70@mail.ru

Военушкина Екатерина Алексеевна – аспирант, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, voenushkina.kat@yandex.ru

Галимзянов Ильяс Рамисович – магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет, ilyas.galimzyanoff@yandex.ru

Денисенко Юлия Федоровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, denis-ju@mail.ru

Ду Сянь – магистрант, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Институт русского языка и словесности, 1256618347@qq.com

Дягилева Ирина Борисовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт лингвистических исследований, Санкт-Петербург, idiaghileva@yandex.ru

Зюзькова Наталья Антоновна – аспирант, младший научный сотрудник, Томский государственный университет, zyuzykovanatalya@gmail.com

Козлова Ксения Александровна – студент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Институт филологии и журналистики, kozlova333@list.ru

Костина Екатерина Дмитриевна – студент, Санкт-Петербургский государственный университет, st076549@student.spbu.ru

Ложкина Виктория Александровна – студент, Санкт-Петербургский государственный университет, viktorialozhkina@mail.ru

Локалина Юлия Сергеевна – студент, Санкт-Петербургский государственный университет, lokalina13@mail.ru

Милукова Софья Викторовна – бакалавр, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, milukova2612@gmail.com

Миронова Екатерина Борисовна – соискатель, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, keb1991@mail.ru

Пестова Анна Разифовна – научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, pestova2012@gmail.com

Савушкина Анастасия Сергеевна – студент, Смоленский государственный университет, anastaciasavushkina@yandex.ru

Соколов Евгений Геннадьевич – лаборант, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, ran_liwerij@mail.ru

Спиричева Маргарита Вадимовна – аспирант, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, m.spiricheva@yandex.ru

Шевченко Надежда Викторовна – кандидат филологических наук, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, speranza249@mail.ru

Ягин Егор Игоревич – студент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, egorygin@gmail.com

Научное издание

**Современная русская лексикология, лексикография
и лингвогеография. 2021**

Подписано к печати 28.12.2021 г.
Формат 60х90/16. Тираж 300 экз. 12,25 усл.-печ. л.

Институт лингвистических исследований РАН
199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
iliran@mail.ru
<https://iling.spb.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Поликона» 190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного
канала, д. 199

